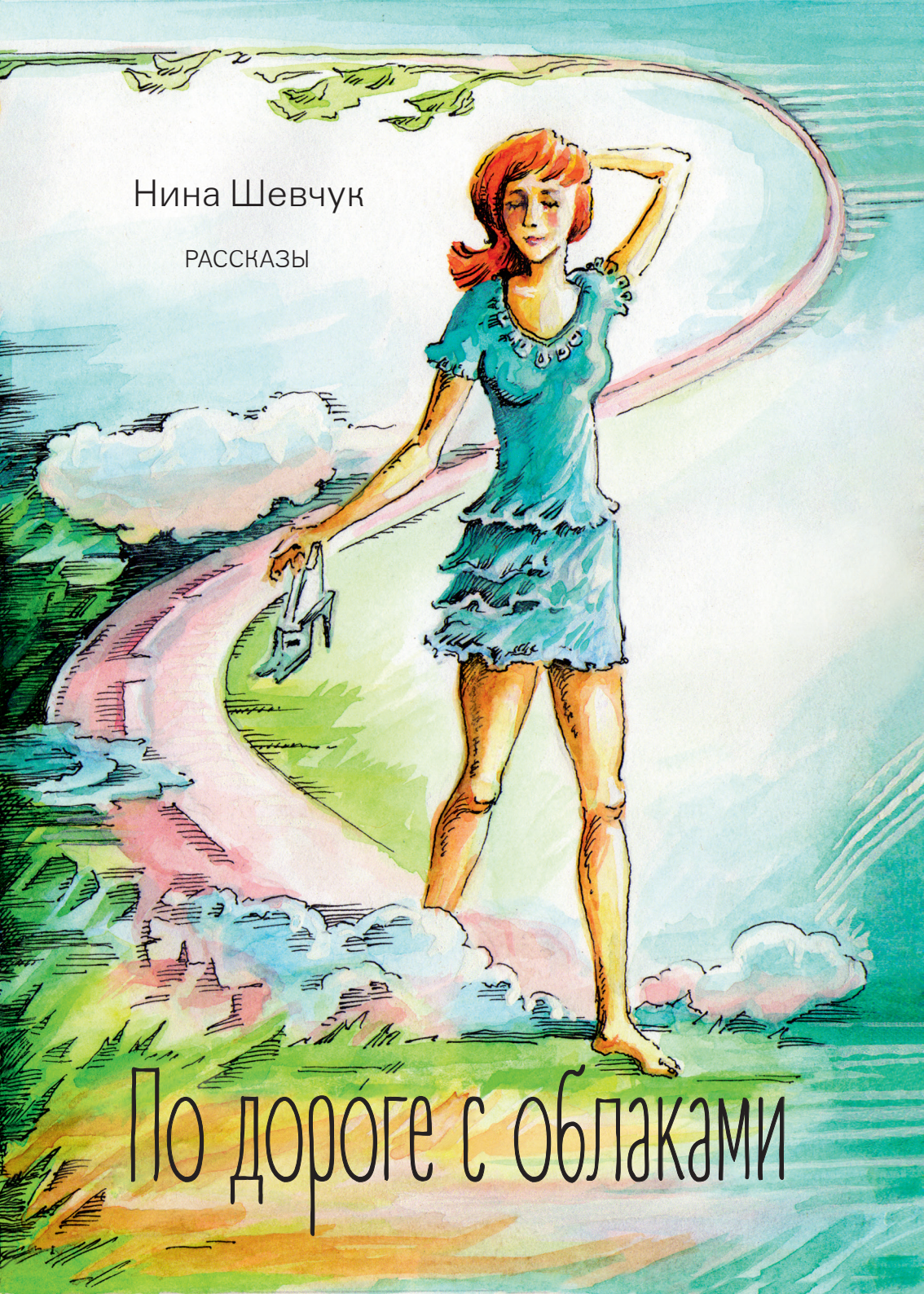

Нина Шевчук

РАССКАЗЫ

A colorful illustration of a young woman with short red hair, wearing a blue ruffled dress, walking barefoot on a rainbow path. She is holding a small white chair in her right hand and has her left hand raised to her head. The path is a vibrant rainbow that curves through a landscape of green hills and blue clouds. The background is a bright, hazy sky with soft clouds. The overall style is whimsical and dreamlike.

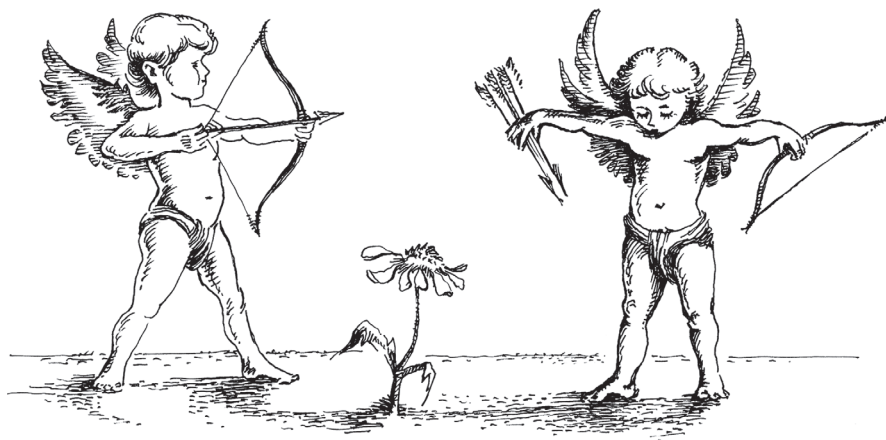
По дороге с облаками

Нина Шевчук

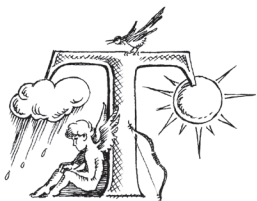
По дороге с облаками

РАССКАЗЫ

Симферополь
2015

Преступление без наказания

ак, как сейчас, Георгий не ненавидел еще никогда. Униженный и раздавленный, он сидел на солнцепеке, глядя на лысоватый затылок Михаила. Тот торжествовал, упивался тем, что в очередной раз растоптал Георгия, унизил перед всеми. Хотя, временами создавалось впечатление, будто подлец этого и вовсе не заметил, ведь наносить вред было просто в его природе. Время от времени Михаил поворачивался вполоборота, демонстрируя свой гадкий самодовольный профиль. И почему никто из окружающих не замечает, какая гадость этот Михаил? Дрянь, не человек. Ведь Георгий отнюдь не единственный, кого он обобрал нагло и беспринципно. В этих краях он появился полгода назад, и сразу же все встало с ног на голову. Постоянные конфликты, отсутствие взаимовыручки и уважения.

Но, казалось, никто, кроме Георгия, этого не видел. Все сохраняли подобострастное молчание. Особенно противно было смотреть на тех, кому Михаил вдруг невзначай оказывал знаки

внимания. Слабаки тут же расплывались в фальшивой улыбке и готовы были сделать и отдать все, что он у них требовал.

«Убью, — пульсировало в разогретом докрасна мозгу Георгия. — Вот прямо этой лопатой, сейчас».

Рука дрожала на рукоятке, а воображение уже рисовало сладкие картины того, как Михаил лежит на земле и корчится от боли, оглушенный неожиданным ударом. Наплевать на то, что будет потом. Главное — отомстить за позор.

Недруг продолжал удовлетворенно улыбаться. Это Георгий мог понять по тому, как торчали в стороны его шершавые уши, поросшие гадким рыжим пушком. А Лена? Эх, Лена. Одна из немногих здесь, кто казался Георгию умным и честным человеком. А теперь и она присоединилась к толпе обожателей этого пустозвона. Сейчас она стояла совсем рядом, ее золотые волосы взлетали на ветру, словно облачка морского песка под теплым бризом. И улыбалась своей очаровательной, мягкой улыбкой. Только теперь не Георгию, как было прежде. Его она больше не удостаивала и взглядом. Женщины! Предательницы по натуре, они, видимо, уже рождаются такими. Тот, кто сильнее, наглее, всегда получает, что хочет. Она и не посмотрит на то, что он — глупец и пройдоха. И лицемер вдобавок.

«Убью, — снова повторил Георгий про себя. — Лучше понести наказание, но сохранить свое лицо».

Солнце пекло так сильно, что, казалось, его горячее желтое сияние сейчас нарушит все законы физики и просто съест тени деревьев. Георгий явственно представлял те испытания, через которые ему придется пройти после совершения задуманного, но ничего не мог с собой поделать. Уже не первый месяц он сдерживался, уговаривая себя, что Михаил образумится и прекратит свои нападки, но этого не происходило. Даже напротив: давление усиливалось с каждым днем. Подлец просто не оставлял ему другого выхода.

Отерев рукавом вспотевший лоб, Георгий стал дожидаться удобного момента. Сейчас Михаил наклонится, и тогда удастся угодить ему в самый затылок. Да покрепче, чтобы раз и навсегда. Как в кино.

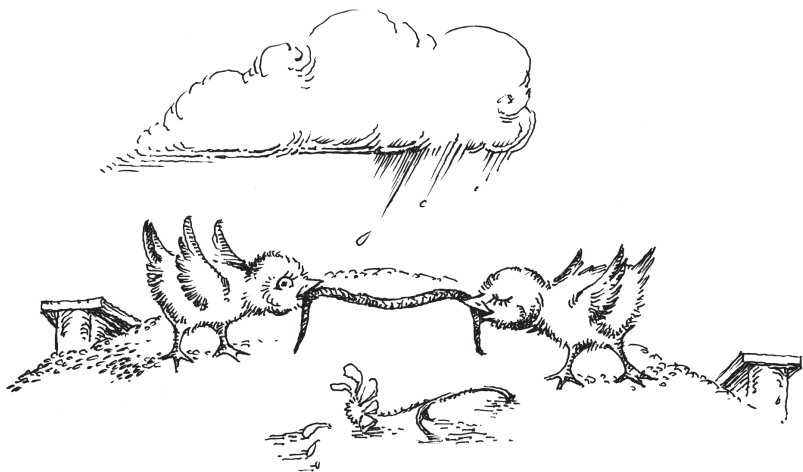
Сказав какую-то очередную гадость (Георгий не расслышал, какую именно, но по тону понял, что это было что-то очень злобное), обидчик, наконец, нагнулся. Георгий двинулся на него, изо

всех сил сжимая рукоять, занес над головой рывком правую руку и ...

— Жорик! Ты что это делаешь, зараза такая! — громко взвизгнула мама. — А ну брось сейчас же лопатку! Брось, я тебе сказала!

От неожиданности Георгий выпустил оружие из рук. Пластмассовый совок упал, угодив Мише прямо в темечко. Жертва мужественно потерла голову ладонью, после чего присвоила лопатку с довольным видом.

— Забирай у Миши свои машинки и пошли домой кушать. Я тебе сколько раз говорила не снимать панамку, когда играешь на солнце? Зараза!

Иван да Марья

огда Иван открыл входную дверь, в холодный сырой подъезд полилась уютная сладковатая теплота его дома. Несколько секунд он помедлил в проеме. Стоило войти в прихожую, снять пальто и ботинки, как пряное, едва уловимое ощущение сразу же улетучится. Дорогой сердцу дом — словно дорогие духи: первые секунды ты наслаждаешься их ароматом, но быстро при-выкаешь и равнодушно принимаешься за свои обычные дела.

Маленькая жемчужная ракушка бра, жившая по соседству с зеркалом, бросала полосатые отсветы на золотистые обои.

«Не спит. Ждет», — заключил Иван и тихо притворил за собой дверь.

И в каком она теперь настроении? Он бросил взгляд на на-ручные часы. Пол-одиннадцатого. М-да... Следует готовиться к худшему. Перевалило за десять, значит, будет двухдневная «молчаливая забастовка», которая непременно закончится сле-зами. Нехорошо. Еще и за три дня до такого события! В этот раз он не на шутку оплошал. Можно, конечно, завтра отпра-виться в ювелирный и купить ей новое серебряное колечко. Она давно уже заглядывала на одно, с лазуритом. Но явиться в пол-одиннадцатого с севшим мобильным телефоном было уж слишком! Колечко могло не помочь.

Не исключено, впрочем, что Маша увлеклась чтением и не ждала его целенаправленно. Тогда все обойдется несколькими упреками и парой колкостей. Они поужинают вместе, и Иван поделится с ней одной своей идеей. Еще в обед, в типографии, ему страшно хотелось рассказать ей о новой задумке, но телефон предательски угас в тот самый момент, когда он набирал номер. А по пути домой Иван наскочил на Костю и коньяк, и последовал за ними, словно колесо, что оторвалось от брички и летит в кювет.

— Ау, Маш? — несмело позвал Иван, осторожно подсекая свое пальто к розовой болоньевой куртке. — Ау?

Тишина обиженно глянула на него из спальни и отвернулась.

— Я вам денежки принес, за квартиру, за январь! — весело процитировал Иван. Его провинившийся ум всегда выдавал череду каких-нибудь глупостей, никак не относившихся к обстоятельствам, но немного смягчавших напряженную обстановку. — Ау? Кто сказал «мя»?

Из комнаты послышалось едва уловимое шуршание, и опять все стихло. Иван раздвинул бамбуковые шторы и просунул голову между бряцающими палочками, сверкая глуповатой, приправленной коньяком улыбкой.

Маша сидела в кресле из зеленого флока, величественно выпрямив спину. Как многие женщины высокого роста, обычно она сутулилась, подсознательно желая казаться более хрупкой. Но в моменты ссор всегда выпрямлялась, отчего становилась гораздо выше Ивана. На крупных ярких чертах ее лица запечатлелась глубокая печаль. Пожалуй, даже слишком глубокая для той причины, которой она была вызвана. Если бы тоска Сары Вудраф была настолько же выразительной в тот момент, когда Чарльз Смитсон нашел ее в семейном отеле Эндикоттов, он не стал бы медлить с признанием до утра и, возможно, не потерял бы свою возлюбленную навсегда.¹

— Машуня, я пришел, — сообщил Иван и вышагнул из бамбукового дождя с победным видом, словно конферансье в конце удачного концерта из-за кулис. — Ты рада?

Она швырнула в него яростный взгляд и разомкнула надутые губы, чтобы сказать что-то резкое, но передумала, гордо

¹ Речь идет о героине романа Дж. Фаулза «Подруга французского лейтенанта»

отвернулась к окну и процитировала наигранно патетическим тоном:

— Пробыло десять. В доме тишина.

Она сидит и напряженно ждет.

Ей не до книг сейчас и не до сна,

Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!¹

Обрадованный неожиданным прощением, которое прозвучало в этом родном, низковатом и оттого глубоком голосе, Иван бросился на пол перед креслом и погрузил лицо в полы ее халата, пахнувшего луком, жареным до корочки мясом и, отдаленно, стиральным порошком. Ему повезло. Сегодня, должно быть, выпал один из тех замечательных волшебных вечеров, когда Маша находилась в игривом расположении духа. Еще немного она поиграет в уязвленное самолюбие, а потом станет шутить, увлеченно рассказывать о том, где была, и показывать в лицах тех, кого встретила за этот долгий день их разлуки.

— Ванька, встань-ка!

Иван получил болезненный щелчок по макушке, но остался неподвижным.

— Не встану. Соскучился.

— У Верки был, а коленок не натискался?

— Статьи тискал, очерки тискал, Верку — не тискал! И вообще, чего ее тискать, она старая.

— Ах, ты ж скотина! Она на три года меня моложе!

Иван поднял хитрое лицо и теперь получил щелчок по лбу.

— Чем это ты так пахнешь? Мяско на ужин?

— А что, Верка больше не кормит своих хахалей?

— Машуня, я был у Костика. Мы выпили немного, поговорили.

Она помолчала, шевеля ногой так, что его голова раскачивалась на коленях, как неваляшка. Потом сказала:

— Я знаю, что у Кости. Я его Любе звонила еще в семь.

— Причем же тут тогда Верка?

— А притом. Ты мог быть и у нее. Гипотетически.

— По лбу ты меня треснула совсем не гипотетически.

— А ты не заслужил? Через три дня наша свадьба, а ты даже

¹ Героиня цитирует отрывок из стихотворения Э. Асадова «Обидная любовь»

не вспомнил, что сегодня после работы должен был идти со мной за платьем.

— Ах ты черт!

Иван прикусил губу и устремил на нее снизу-вверх умоляющий взгляд.

— Как же это я забыл!

— Как-как, как всегда. Рюмка коньяка, и понесся Ваня по кочкам.

— А что же теперь делать?

— Теперь — подбирать туфли под то дорожное платье, которое я выбрала без тебя.

Огонек в ее глазах будто сигналил азбукой Морзе: «Ты ведь хочешь на него посмотреть? Ведь хочешь?»

— Покажи мне его, пожалуйста, — попросил Иван, и она тут же оттолкнула его и вспорхнула с кресла.

Через пару секунд из-под покрывала стрекочущей полиэтиленовой пленки появилось нежно-бежевое платье с мелкими цветочками, вышитыми шелком и бусинами под жемчуг.

— Ты же, вроде, хотела белое?

— Хотела. Но это мне очень понравилось. Да и зачем белое? Свадьба-то у меня не первая.

— Оденешь?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет уж. Только через три дня. Чтоб хоть какой-то сюрприз. Кстати, насчет сюрпризов: Наденька прислала посылку. Я сегодня забрала.

— Да ты что? Давай откроем!

— Не знаю. Наверное, это подарок к свадьбе. Нужно подождать.

— Машик, ты ведь знаешь, что мы все равно не дождемся. Тем более, там письмо будет. Ты дотерпишь?

Маша глянула на него притворно осуждающе. Потом спрятала платье в шкаф и вынула оттуда небольшую картонную коробку, покрытую бежевым скотчем и разноцветными наклейками. Иван тем временем уже достал из секретера канцелярский нож.

Устроив посылку в центре дивана, они сели по обе стороны от нее и некоторое время, словно сговорившись, не приступали к разоблачению этой маленькой тайны. Разглядывали надписи, проводили пальцами по гладкой ленте скотча, над ко-

торой пару недель назад, наверное, трудились заботливые и любящие руки Надежды.

— Ну что, режем? — спросил, наконец, Иван.

— Режем!

Застрекотал рвущийся картон, и на пол, словно огромные конфетти, полетели обрывки бумаги.

— Гляди быстро, письмо есть?

— Не торопи меня.

Маша наклонилась над ящиком и выудила белый незапечатанный конверт. На одной его стороне темно-красным карандашом был нарисован большой рубин, отбрасывающий почему-то желтые треугольные лучи, как солнце в мультфильмах.

— Ну, читай!

— Не торопи!

Маша достала из кармана очки, надела их на кончик носа и вынула из конверта небольшой блокнотный листок.

— «Дорогие бабушка и дедушка! — начала читать она. — Поздравляю вас с сорокалетней годовщиной свадьбы. Будьте и дальше такими же огурцами...»

— Огурцами? — переспросил Иван. Маша глянула на него поверх очков и кивнула.

— «...будьте и дальше такими же огурцами. Хотя свадьба рубиновая, на настоящий рубин денег у меня все равно нет, потому посылаю вам бумажный. Пусть сверкает на тумбочке у дедули (вы ведь не выбросили свою доисторическую тумбочку?)»

— Еще чего! — перебил Иван.

— «Так как вы у меня — два живеньких кренделька, посылаю вам по спортивному костюму (надеюсь, за год вы не растолстели и не усохли слишком, тогда костюмы должны подойти). Еще прилагаю две пары шерстяных носков, чтобы лечиться после здорового образа жизни. Носки связала сама, когда болела гриппом. Не пропали твои уроки, бабуля!»

— Языкатая, как ты, — заключил Иван. — Читай дальше.

— «В этом семестре я, кажется, буду отличницей. Аж самой противно. Очень жаль, что не могу быть на свадьбе. Но уже через месяц я приеду, и мы закатим свой отдельный пир, с рубиновым вином! Люблю вас, позвоню, чтобы узнать, дошла ли посылка. Ждите!»

Маша осторожно свернула письмо и сняла очки.

— Ну что, сначала мясо, потом мерить подарки?

— Спрашиваешь! Конечно!

Снова забряцали бамбуковые шторы, и под малиновым абажуром на кухне зажегся свет.

Персональный рай Виталия Заикина

Виталий Заикин стоял на коленях вот уже четыре минуты. Руки его были сложены ладонями вместе на уровне груди, глаза закрыты. Веки слегка подрагивали, губы шевелились, произносятся беззвучные слова. Коленные чашечки начинали болеть от того, что тело Виталия вдавливало их в твердую поверхность пола всем весом крепкого тридцатилетнего мужчины среднего роста. Но Виталий терпел. Молиться следовало не менее пяти минут в день, иначе шансы на достижение поставленной цели могли сократиться. То, что поза, в которой он ежедневно возносил свои просьбы к небу, причиняла некоторые неудобства, было даже лучше. Хоть боль в коленных чашечках и не могла сравниться с изощренными самоистязаниями, которые прак-

тиковали миряне в средние века, но все же это, в некотором роде, являлось жертвой со стороны Виталика во имя собственного светлого будущего. Таким образом он как бы говорил: «Вот видишь? Я терплю, а ты за это сделай меня директором филиала». Фразу эту Виталик не смел формулировать даже про себя. Он знал, как никто другой, что в диалоге с вышестоящими наглость и дерзость могли сослужить дурную службу. Однако ожидание снисходительности в качестве вознаграждения за лишения было вполне оправданным.

Виталий Заикин не был глубоко верующим человеком. Даже в случае крайней необходимости он вряд ли смог бы внятно объяснить разницу между Буддой и Христом, или Магомедом и Николаем Чудотворцем. Молился он на всякий случай. Никто не знает наверняка, как устроена великая корпорация мироздания. Нельзя исключить, что высший разум все-таки существует и неусыпно следит за ним, Виталиком. Пять минут в день — не такой уж большой труд за то, чтобы иметь небольшой небесный бонус.

Кроме утренней молитвы, Заикин применял и другие духовные практики. Во время обеденного перерыва, прикончив взятую из дома овсянку и запив ее несладким зеленым чаем, он закрывался в кабинете и сосредоточенно визуализировал свою мечту. Легкомысленные его сотрудники в этот момент уплетали вредную пищу и бесполезно сотрясали воздух столовой, болтая о всяких глупостях, о которых назавтра никто из них и не вспомнит.

Виталик же ценил каждую минуту. Он представлял себя в должности директора филиала во всех мельчайших подробностях, как рекомендовал автор популярной книги «Мечта — работа — результат».

Вот он сидит в высоком кожаном кресле. На теле — удобный дорогой костюм. Серый, без отлива. Рубашка нежно-сиреневая (пастельный тон), темно-фиолетовый галстук. На ногах — черные туфли с длинными носами. На запястье — часы той марки, имя которой произносят гордо и громко. Дизайн, однако, минималистический. Сдержанность — залог элегантности. Он видел стол со стопками договоров, именную печать в лакированном футляре ручной работы, деревянную подставку для ручек, к спинке которой прикреплена мишень для мини-дартса.

Возле стеклянного столика в углу кабинета возится секретарша Анна в белой, чуть прозрачной блузке, облегающей черной юбке и очках в современной бордовой оправе. На стенах висели грамоты, врученные Виталию самим Леонидом Черным за отличную службу.

Иногда, когда вялые после обеда сомнительного качества сослуживцы нехотя возвращались на свои места, Виталий забывал убрать с лица выражение величественной снисходительности и сменить его обычной отсутствующей миной, чем очень удивлял коллег.

К двум вышеперечисленным процедурам присоединялся плакат, висевший в однокомнатке Виталия по правилам Фен Шуй. Это был очень необычный коллаж, изготовленный из газетных и журнальных вырезок, который изображал различные атрибуты светлого будущего Заикина.

Ввиду всех духовных мер, предпринимаемых Виталием для достижения поставленной цели, неосведомленному обывателю могло бы показаться, что Заикин был лентяем, ждущим манны с неба. Но такой вывод был бы крайне ошибочным и несправедливым. Виталик прекрасно понимал, что человеку, не имеющему влиятельных родителей и полезных связей, занять достойное положение можно только лишь путем самоотверженного труда на благо общества и непрерывной работы над собой. Как говорил Георгий Владимирович Пяльцев, нынешний директор филиала, «под опущенную крышку моча не течет».

Потому к работе Заикин относился ответственно, с рвением. Именно это позволило ему за пять лет работы вырасти из ассистента специалиста в руководителя отдела. И прогнозы на будущее были крайне благоприятными.

Едва длинная стрелка настенных часов тронула отметку «12», подтвердив показания короткой, давно застывшей на семи, Виталий поднялся с колен и поправил брюки.

Пора. Пора отправляться на работу. Предстоящий путь в офис был самым радостным и волнительным за все пять лет службы. Накануне вечером Пяльцев объявил, что уходит в главный офис на повышение.

— Коллеги, прошу поздравить меня с промоушеном. В пятницу выставляюсь, — радовался толстяк.

Со дня на день ожидался приезд Черного, который должен был принять окончательное решение. Заикин знал, что на должность директора Пяльцев порекомендует именно его, а с мнением Георгия Владимировича руководство считалось.

— Ну что, Виталька, высидел ты, наконец, свое золотое яйцо! Будем тебя двигать, — сообщил он Заикину с заговорщическим видом.

Старенькая Тойота дребезжала по проспекту, приближая Виталия к его мечте. Сработало! Удалось! Возможно, уже в понедельник он получит то, к чему так долго стремился. Выходя из машины осторожно, чтобы не испачкать свой самый лучший костюм (Виталик решил носить его все время до приезда Черного), он сиял, словно плафон новой люстры. В голове крутился торжественный припев песни “We are the champions”¹ группы Квин.

Проходя через турникет, он заметил, что на стеклах осел многомесячный слой пыли. Нужно будет сделать внушение уборщицам, чтобы привели офис в нормальное состояние. В холодном, по-утреннему необитаемом вестибюле расчесывалась кадровичка Елена. Она то и дело резко наклоняла голову, перекидывая копну светлых волос на лицо, затем выпрямлялась, таким образом придавая волосам дополнительный объем и распространяя вокруг себя цветочный запах шампуня. Завидев Виталика в зеркале, она кинула, не поворачиваясь:

— Привет, Виталька!

— Здравствуй, — глухо отозвался Заикин. Приветствие Лены его несколько обеспокоило. Придется потрудиться над тем, чтобы установить субординацию с особо дерзкими сотрудниками. Директор без авторитета — смерть филиала.

К работе Виталий приступил вдохновенно. Ему предстояло передать дела преемнику и следовало все привести в надлежащий вид.

— Виталь, ты не хочешь с нами пообедать? — в который раз предложила Света. Девушка давно имела виды на одинокого руководителя отдела и никак не могла смириться, что служебные романы для столь ответственного сотрудника изначально были закрытой темой.

— Нет, Света. Спасибо, — отказался Заикин.

¹ «Мы — чемпионы» — перевод с английского

Девушка не спешила оставлять его в покое и явно искала тему для продолжения разговора.

— А ты знаешь, что в час дня СИО приедет? — снова спросила она.

Виталий застыл, ладони его моментально вспотели.

— Это точно? Откуда ты узнала?

— Секретарша Пяльчика сказала.

Вот оно! Заикин с трудом овладел собой, чтобы не выказать эмоций перед надоедливой Светланой.

— Ты иди, иди. Не успеешь поесть.

— Ну ладно.

Она повернулась, живописно вильнув бедрами, и пошла к выходу, громко цокая каблуками.

С этого момента время почти остановилось. Загустело, будто закипевшая манная каша. Секунды складывались в минуты нехотя и медленно, словно торговые представители, собирающиеся на утренний брифинг.

Когда коллеги Виталия вернулись, не было надобности спрашивать, приехал ли Черный. Все трое работников синхронно и молча уселись за компьютеры и принялись старательно выполнять свои обязанности. Светлана и Катерина собрали волосы в скромные хвостики, а вечно взъерошенный Сергей был аккуратно причесан.

Приехал!

Заикин смотрел в монитор своего ноутбука, не видя его, и ждал. Ровно в четверть второго зазвонил его телефон.

— Виталий Степанович, зайдите в мой кабинет, пожалуйста, — холодно отчеканил Пяльцев.

— Есть, — ответил радостный Заикин.

Всего один этаж отделял его от первой значимой победы. Он считал шаги.

— Проходите, вас ждут, — мило улыбнулась секретарша Анна и указала на слегка приоткрытую дверь. Заикин вошел.

Запах приятного мужского одеколона и дорогого табака наполнял большой квадратный кабинет, оформленный в бежево-коричневых тонах. В глубоких креслах сидели трое мужчин. Они встали, когда Виталик появился на пороге. Пяльцев, Черный и незнакомый молодой человек по очереди пожали руку Заикину и снова сели.

— Виталий Степанович, — начал Пяльцев, почему-то глядя на левое ухо Заикина, — познакомьтесь. Это — Константин Леонидович Черный, новый директор нашего филиала.

Молодой человек чуть заметно кивнул и покровительственно улыбнулся.

«Новый директор нашего филиала», — отозвалось в голове Заикина, но слова задержались где-то на поверхности мозга, не впитавшись в него, как капля растительного масла, скользящая по плотной непористой губке.

— Виталий Степанович — наш лучший специалист, — продолжал Пяльцев, обращаясь к гостям, — Он быстро введет Константина Леонидовича в курс дела.

— Мы будем крайне признательны, — пробасил Черный-старший и сложил обе руки на выпуклом животе, туго обтянутом пиджаком.

— Константин Леонидович приступит к работе в понедельник, просим вас оказать поддержку. Сейчас можете быть свободны.

«Новый директор нашего филиала». Фраза снова попыталась проникнуть в одревеневший мозг Виталия. Он стоял, не двигаясь, и ничего не отвечал.

— Вы можете быть свободны! — громко повторил Пяльцев и посмотрел, наконец, в глаза Заикину. Взгляд его был беспокойным и удрученным.

— Слушаюсь, — ответил Виталий и пошел прочь.

Ожидание и волнение, которые до этого момента густели в его груди, вдруг превратились в твердые жгущие комки. Один застрял в районе солнечного сплетения, второй — в горле. Стало невыносимо трудно дышать, грудь пронизывала режущая боль. Виталий схватился за галстук, чтобы ослабить петлю, но не успел этого сделать и упал на пол приемной.

— Разряд! — скомандовал врач неотложки.

Последовал глухой удар, затем тихое гудение.

— Ничего, — отозвалась зрелая худощавая женщина, следившая за маленьким экраном кардиомонитора.

— Еще!

Снова послышался гудок дефибриллятора, постепенно переходящий в писк.

— Разряд!

Удар. Тело Виталия неестественно дернулось, конечности судорожно приподнялись и снова упали на ковер приемной.

— Ничего.

Врач медленно поднялся на ноги и отер лоб рукавом голубой форменной рубашки.

— Все, готов.

Секретарша Аня испуганно вдохнула и прижала обе ладони ко рту.

— Попробуйте еще! — запротестовал побагровевший Пяльцев. — Ему тридцать лет. Этого не может быть!

— Может, может, — устало заверил врач. — В наше время все может быть. Витя, — обратился он к санитару, — сворачиваемся. Вызывай Омегу.

Присутствующие — секретарша Аня, Пяльцев и оба Черных — стояли молча, не отрывая глаз от бездыханного тела Заикина. На лицах их было брезгливое любопытство, какое обычно испытывают люди, ставшие свидетелями страшного происшествия, не имеющего прямого касательства к ним самим.

Наблюдал за происходящим и сам Виталий. За двадцать минут до приезда скорой сознание его легко и беспрепятственно отделилось от материальной оболочки, корчившейся в инфарктных судорогах. Словно осадок, выпавший из сульфатного раствора в результате химической реакции, его выбросило вверх, освободив от жгущей грудь боли. Увидев себя со стороны и осознав, что произошло, он запаниковал, стал метаться по приемной, обращаясь к суетящимся вокруг тела людям. Но никто не слышал и не замечал его. Вскоре он понял, что все попытки привлечь к себе внимание тщетны и остановился в углу, в отчаянии наблюдая за напуганными сотрудниками, за врачами, хлопочущими над тем, что перестало быть им, Виталием, еще до того, как Анна истерично кричала в телефонную трубку на оператора скорой помощи.

— Звоните родным, — посоветовал врач перед уходом.

— Кажется, у него нет никого, — ответила секретарша и всхлинула.

— Так легче. Меньше горя, — заключил врач. — Ну все, мы поехали. С минуты на минуту приедет..., — он осекся, чуть не произнес слово «труповозка», но быстро подобрал эвфемизм. — Приедут ребята из Омеги, они заберут тело.

Сказав это, он кивнул своим коллегам в сторону двери, и все они вышли из приемной, ступая мягко, будто Виталий не умер, а просто заснул на полу и мог проснуться от звука шагов.

— Георгий, организуй все за счет фирмы. Похороны, поминки, что там еще. А мы поехали, — скомандовал Леонид Черный. Осторожно обойдя распластанное на полу тело и стараясь теперь не смотреть на него, отец и сын вышли прочь.

Как только за спинами высшего руководства захлопнулась дверь, секретарша сразу же разревелась в голос.

— Георгий Владимирович, что же это такое? Только что ведь здесь стоял. Живой, красивый!

— Не сыпь соль, уйди отсюда! — рявкнул Пяльцев.

Испуганная секретарша схватила короткий кожаный пиджак и выбежала из кабинета.

Оставшись наедине с Виталием, Пяльцев вдруг мелко задрожал и заплакал. Он опустился на колени возле тела и взял еще теплую руку.

— Виталик, сынок, я не виноват, — он проглотил слезы. — Я пытался тебя отстоять, клянусь. Что же ты так, а? Разве же можно так? Прости меня, сынок.

Он низко опустил голову и закрыл лицо свободной рукой. Заикин подошел и тоже сел рядом с телом, раскинув ноги. Или же то, что сейчас казалось ему ногами. Что делать дальше, он не знал. Впервые в жизни впереди не было цели или хотя бы смутного намека на то, что необходимо предпринять.

— Георгий Владимирович, они приехали, — прошептала Аня, осторожно заглядывая в приоткрытую дверь.

Двое дюжих парней легко и равнодушно погрузили тело на носилки, прикрыли его сероватой простыней и понесли прочь. Пяльцев пошел провожать.

Повинуясь порыву, Виталик вскочил и тоже пустился вслед за ними, но дорогу ему преградил невесть откуда взявшийся человек. То ли он появился здесь раньше и Заикин, охваченный отчаянием и страхом неизвестности, просто не заметил его. Или же странный мужчина внезапно материализовался из воздуха, Виталик не мог сказать наверняка. Последнее нельзя было отбросить, как невозможное, так как человек левитировал, будто надутый гелием воздушный шар. При этом он был не менее круглый и яркий. Острая рыжая борода и коротко стри-

женные медные волосы, ярко-зеленый атласный халат до колен, широкие штаны персидско-синего цвета. Завершали пестрый гардероб золотистые мокасины на маленьких, словно у женщины, ножках.

В руках летающий человек держал предмет, похожий на пустую клизму, но гораздо большего размера и сделанную не из резины, а из бархатистой бордовой ткани. К горлышку клизмы-переростка прикреплялась длинная пластичная трубка с воронкой на конце.

Некоторое время толстяк глядел на Виталия, ехидно улыбаясь. Потом взял трубку и направил горлышко воронки на Заикина.

— Уиуиуиуиуиуиу, — озорно заскулил он, будто школьник, бегающий по коридору с игрушечным самолетом.

Но ничего не произошло. Виталий оторопело смотрел на пестрого чудака, не понимая, что тот делает.

— Вот хрен морковный! — выругался рыжий, недовольно потрясая клизмой. — Опять эффектный выход не удался!

Голос у него был высокий, мягкий.

— О! Заработало!

Он снова направил воронку в сторону Заикина, и на этот раз Виталий почувствовал, будто его подхватил невидимый смерч. Приемная закружилась, словно сумасшедший аттракцион, и превратилась в одноцветную круглую посудину, в которой вертели Виталия с огромной скоростью. Невесомое его тело будто вытянулось, стало тоньше, словно сделано оно было из теста. Огромная сила непреодолимо увлекала его к крошечному отверстию воронки.

«Вот и все», — подумал Заикин. В последний раз он попытался воспрепятствовать страшной силе, напряг все мышцы и изогнулся, но от этого только лишь перевернулся вверх ногами и проскочил внутрь воронки вперед головой.

Вопреки ожиданиям, Виталий не почувствовал ни боли, ни каких-либо других неприятных ощущений. И сознание по-прежнему оставалось светлым. Плавно, словно маленький камешек, брошенный в стакан с водой, он опускался в глубокий сухой колодец, на дне которого виднелся приятный золотистый свет. Перед самым падением он сгруппировался и снова перевернулся вниз ногами, чтобы не приземлиться на голову.

— Бамц! — провозгласил знакомый мягкий голос, когда Заикин упал на большой пufик, обитый молочным атласом.

Тот самый рыжий, который только что засосал Виталия в обыкновенную клизму, странным образом оказался и сам внутри нее. Он вольготно восседал на вздутом, словно дрожжевой пирог, диване и дружелюбно улыбался. Приглушенные бра в витиеватых узорах раскрашивали комнату в загадочный орнамент, отчего она походила на приемную мага-шарлатана.

— Давайте знакомиться! — весело предложил чудак. — Меня зовут Купрум. Я — лучший проводник мира мертвых!

Последнюю фразу рыжий произнес с таким пафосом и задором, будто всю жизнь только и делал, что снимался в рекламе стирального порошка.

— Виталий, — несмело представился Заикин. — Значит, я, действительно, умер? — на всякий случай поинтересовался он.

— Мертвее не бывает! — радостно подтвердил Купрум.

Виталий скорбно вздохнул. Улыбка сразу же сошла с лица рыжего. Видимо, ему стало совестно за чересчур приподнятое настроение, совершенно не уместное в сложившихся обстоятельствах.

— Вы меня извините. Я безо всякого. Просто, с тех пор, как меня назначили проводником в рай, мне крайне редко пришлось встречать живых людей, — он замялся. — Вернее, мертвых. Вот оно как.

— Я попал в рай? — недоверчиво переспросил Виталий.

— Точно так. В него, — победно сообщил Купрум, ожидая, что такая новость непременно воодушевит гостя. — Добро пожаловать в ПРЗ!

— Что? — насторожился Заикин.

Много лет назад, когда Виталий был еще маленьким Виталькой, мама, Татьяна Заикина, частенько отвозила его к бабке в деревню. Сама же отправлялась в прибрежный санаторий, пытаясь одновременно поправить женское здоровье и несложившуюся личную жизнь. Одинокая тетка Виталика, которой в это время приходилось содержать и обиходить племянника, за что она чрезвычайно не любила родную сестру, говорила:

— Опять Танька в ПРЗ свои богатства повезла.

Под неблагозвучным сокращением подразумевалось народное, еще менее благозвучное название гинекологических

санаториев. Значение слова, которое предшествовало грозному «ремонтный завод», Виталька узнал гораздо позже.

— Персональный рай Заикина! — объяснил рыжий.

— Персональный?

— Именно. Как в ваших мечтах.

Заикин недоверчиво улыбнулся и сел поудобнее.

— И ад у вас тоже персональный?

— Разумеется. В разработке концепций ада учитываются все страхи клиента. Индивидуальный подход — залог успеха. Вот оно как.

Непонятно, по какой причине, но от разговора со странным толстяком становилось легче, спокойнее. Улыбка у него была открытая, можно даже сказать, ангельская, как у маленького ребенка. Хотя совершенно нелепый наряд мужчины немного смущал Виталия. Может быть, в раю такой дресс-код, кто его знает.

— И какой же он, мой персональный рай?

— А вот прямо сейчас и посмотрим! У разработчиков уже все готово.

— Что же, уже давно было известно, что я умру именно сегодня?

— Да нет, конечно. Этого никто не знает. Особенно теперь, когда жизнь на Земле стала такая нервная. Раньше как было: уготовано, например, человеку в легионе служить и погибнуть от руки врага, он и живет по предначертанному. Поступает на службу в легион, служит-служит, потом зазевается и бамц! Нет его.

Рыжий вытащил язык и изобразил предсмертную агонию. Вышло очень забавно.

— А теперь рождается, скажем, девочка. Ей на веку написано быть учительницей. А мама ее слушает каждый день по телику какое-нибудь «Я уеду жить в Лондон». Вам Тимати нравится?

Виталик отрицательно помотал головой.

— И мне тоже нет.

— Так вот, начинает она мечтать вырасти в красивую длинноногую певицу, которую заберут в Лондон, а вырастает в пышную коротконогую барышню. Ей и в Карабулак-то никто поехать не предложит, не то, что в Лондон. Вы в Карабулаке были?

— Нет.

— И я нет.

Маленькие белые руки рыжего лежали на пухлых коленях, по которым он постукивал указательными пальцами медленно и мерно, усыпляюще.

— Барышня эта становится нервной, несчастной. Изнуряет себя диетами, спортивными упражнениями на голодный желудок. И вместо того, чтобы честно дослужить до пенсии в школе и потом нянчить внуков, она умирает в сорок от рака желудка. Вот оно как. Теперь все по-другому.

— А я? Сколько мне было предназначено? — решил спросить Виталий.

Рыжий внимательно посмотрел на него, раздумывая, видимо, стоит ли расстраивать новоприбывшего.

— Много. Минимум — семьдесят, максимум — восемьдесят четыре.

Заикин снова печально вздохнул.

— Вы не переживайте, — утешил его рыжий. — Зато нагрешить не успели. Как правило, директора филиалов в рай не попадают.

— Вы и об этом знаете?

— Разумеется. Просьбы живых — основной материал для работчиков рая. И ада тоже.

— Как же вы успели приготовить все для меня? Я ведь час назад умер.

— Обижааааете, — проводник потряс в воздухе коротким пальцем. — У нас, знаете, какие эйчары? К подбору кадров мы относимся очень ответственно. Один разработчик за полчаса не то, что рай, целую вселенную изобразит. Вот оно как.

Виталик глядел на проводника удивленно, не моргая.

— А что? Ангелов сейчас много. Работы мало. Конкуренция — лучший катализатор самосовершенствования и роста.

Рыжий замолчал, довольный удачно ввернутой сложной фразой. Ему явно не хотелось прекращать разговор с Виталиком. То ли потому, что был он очень общительный, то ли, действительно, собеседники в этих местах встречались редко.

— Так что же, какой он, мой рай? — снова спросил Заикин.

— Да, правильно, — спохватился Купрум. — Поболтали — и хватит. Делом нужно заниматься.

Он достал из кармана халата устройство, похожее на айфон. Только немного больше.

— Версия 6.66, — объяснил рыжий, заметив интерес Виталия к необычной вещи.

— Но сейчас ведь только пятый вышел.

— Это у вас только пятый. А у нас уже шестой.

Он стал гордо нажимать несуществующие кнопки на сенсорном экране. Стены маленькой уютной комнаты вдруг стали размытыми, посветлели, а затем и вовсе исчезли вместе с диваном и пуфиком, на котором до этого сидели Заикин и проводник. Виталий при этом не упал, как случилось бы, если бы он все еще был жив. Он левитировал так же, как и толстяк.

Теперь их окружал бескрайний космос. Но не черный, а слепаще белый. Яркое свечение было равномерным, будто исходило не от одного источника, а светилась каждая частица бесконечного пространства. Огромные полупрозрачные кубы медленно плавали в нем, насколько мог видеть глаз. Некоторые из них вдруг сливались в один, больший куб, другие делились на два или несколько маленьких, как одноклеточные организмы.

Виталий оглядывался вокруг, затаив дыхание от восхищения.

— Впечатляет, да? — спросил рыжий, сморщив круглое веснушчатое лицо в довольной улыбке.

— Невероятно! — подтвердил Заикин. — Что это за кубы?

— Это и есть те самые пространства, в которых помещаются персональные раи всех попавших сюда. Вот, смотрите.

Проводник набрал на своем айфоне короткую комбинацию, и один из ближних кубов стал медленно приближаться к ним. Он остановился на таком расстоянии, что Виталий уже мог рассмотреть то, что находилось за прозрачными гранями. Поразительно, но внутри куб казался в десятки, тысячи раз больше, чем можно было допустить, глядя на него извне. Будто это была лишь дверь в какое-то другое измерение. Лесистые покатые холмы убегали далеко вниз, упираясь в сочную долину, покрытую яркими цветами. Должно быть, они источали сладкий аромат, живой и пьянящий, какой не способен воспроизвести ни один парфюмер. За долиной виднелись высокие горы с заснеженными вершинами и маленький городок у подножия с аккуратными белыми домиками за живыми изгородями. Присмотревшись, Виталий увидел людей, казавшихся совсем крошечными тому, кто находился вне куба. Некоторые из них

работали в огородах, кое-где покрывавших долину лоскутным пледом, другие танцевали или просто сидели на крылечках домов. Виталию захотелось пройти сквозь прозрачную стенку и вдохнуть воздух внутри этого куба.

— Это он, мой рай? — нетерпеливо спросил он рыжего.

— Нееееет, конечно, нет. Разве вы когда-нибудь мечтали жить в маленьком городе у подножия горы, работать в огороде и собирать грибы в лесу?

— Нет.

— Об этом мечтал один нефтяник. Он погиб при взрыве на платформе. Не так давно, кстати. А вот, посмотрите, еще один.

Он снова набрал комбинацию на сенсорном экране. Рай нефтяника медленно отплыл в сторону, поменявшись местами с другим кубом.

Заглянув внутрь, Виталий смутился и, как ему показалось, покраснел (если после смерти такое было возможно). В просторном зале, выполненном в древне-греческом стиле, танцевали полностью обнаженные девицы с невероятно соблазнительными формами. Блондинки, брюнетки, шатенки. Одна и вовсе была бритая наголо, что совершенно не портило, но даже подчеркивало ее яркое красивое лицо. В центре зала на широкой кровати возлегал костлявый пожилой мужчина с бокалом вина в руке и наблюдал за девицами горящими глазами.

— Ну и ну! — удивился Виталий и отпрянул от куба.

— А по-моему, очень даже ничего. Хозяин этого рая родился в религиозной семье. С самого детства его убеждали, что обнаженная женщина — это зло, а желание обладать ею — страшный грех. За двадцать пять лет своей несчастной супружеской жизни он ни разу не видел собственную жену голой. Вот оно как.

— А как же они с женой...

— В специально приспособленной для греха ночной рубашке, — предвосхитил рыжий вопрос Виталия. — Но мечты, как правило, не имеют ничего общего с реальностью. К счастью.

— И что, он целыми днями только и делает, что...

— Ну да.

— А как же ему хватает...

— И это тоже входило в число его мечтаний.

— Ну и ну! — снова повторил Виталий.

— Ладно, заговорился я. Пора вам вступить в свои владения.

Проводник снова набрал какие-то цифры на светящемся дисплее своего волшебного устройства. Несколько ближайших кубов нарочито расплылись в стороны, будто вельможи, завидевшие королеву, и дали дорогу другому, который тут же поплыл навстречу Заикину. Виталий затаил дыхание. Что могло быть внутри? Большой остров в южных широтах, его собственных южных широтах. На нем — высокие пальмы, гнущиеся под весом густых зеленых шевелюр. Ледяные ручьи, дарящие облегчение и умиротворение после возбуждающего дневного зноя. Невысокие кудрявые водопады, нежный песок, настолько чистый и однородный, что кажется жидким. В девственных зарослях спряталась хижина из бамбука и пальмовых веток. А в ней — молодая кроткая мулатка, отлично говорящая по-русски. Каждый день она будет готовить потрясающие блюда из рыбы и дичи, которую научится ловить Виталий.

А, может быть, там, за гранью, — шумный мегаполис, его собственный мегаполис с небоскребами, шопинг-молами, ресторанами, боулингами, полями для гольфа. В центре — дворец, в котором помещается резиденция мэра Виталия Заикина. Не исключено, что проводник прав, и то, что Виталий умер именно теперь — счастливое стечение обстоятельств.

— Вау! — провозгласил рыжий, когда куб подплыл совсем близко.

Виталий жадно прильнул к прозрачной грани. Поверхность ее была мягкой, как тело медузы, но теплой и сухой. Внутри куба он увидел кабинет Пяльцева, в котором совершенно ничего не изменилось с тех пор, как Виталий покинул его около часа назад. Только секретарша Анна, копошившаяся возле стеклянного столика в углу, сменила одежду. Вместо короткого сиреневого платья на ней была белая блузка, заправленная в облегающую черную юбку. И очки она надела другие — с узкими стеклами в бордовой оправе, делавшей ее похожей на лисицу.

— Зачем вы показываете мне кабинет бывшего начальника? — непонимающе обратился Заикин к Купруму.

— Но ведь это и есть ваш рай! — радостно объяснил тот.

— Что?

Увидев искривленное лицо Виталия, проводник смутился.

— Что значит «это мой рай»?

— Позвольте, я вам все объясню. Много лет подряд вы мечтали стать директором филиала и просили только об этом. В подготовке каждого проекта наши разработчики могут использовать только материал, произведенный вашими заветными желаниями.

— То есть, вы воссоздали компанию, в которой я работал и город, в котором я жил?

— Да нет же. Вы представляли себя только в этом кабинете за работой.

Виталик негодовал, и проводник совсем помрачнел.

— Вы хотите сказать, что в моем персональном рае нет ничего, кроме кабинета директора филиала какой-то недоделанной дочерней компании?

— Но разве вы не этого хотели?

— Да, хотел, но ради чего? Ради достатка, красивых женщин, возможности отдыхать, иметь интересное хобби, наконец!

— Послушайте, если бы вы просили то, что сейчас перечислили...

— Все. Хватит. Я все понял.

Заикин закрыл лицо ладонью и несколько минут ничего не говорил. Проводник тоже не решался нарушить молчание.

— Есть какая-нибудь возможность поменять свой рай? Или хотя бы внести изменения?

— Боюсь, в данный момент нет.

— А что же ваши хваленые разработчики?

— Им это ничего бы не стоило. Но ресурс ограничен, понимаете? Сейчас вообще сырьевой кризис. Вот оно как.

— И сколько я должен провести в этом... раю? Вечность?

— Нет-нет. Не вечность. Никто не может вечно оставаться в раю, как, собственно, и в аду. Я же говорю, ресурс ограничен. Потом опять на землю. Так что, лет пятьдесят, не больше.

— Пятьдесят лет?

Виталику показалось, что он захлебывается воздухом. Испуганный проводник отпрянул в сторону.

— Не переживайте так, пожалуйста, — стал просить он. — Есть один вариант.

— Какой?

— Если ваш рай вас не устраивает, его можно вернуть по гарантии лет через тридцать.

— Как это сделать?

— Нужно молиться и мечтать. Чем чаще, тем лучше. Есть одна книга, называется «Мечта — работа — результат», не слышали?

— Слышал, — угрюмо ответил Виталий.

— Очень дельная вещица, скажу я вам. Если хотите...

— Ничего я не хочу.

Он снова глянул внутрь куба. Секретарша сидела в одном из кресел и пила кофе из крошечной чашечки, картинно отставив в сторону мизинец.

— А секретарша Пяльцева тоже умерла? — спросил Заикин, кивнув на девушку.

— Нет, конечно. А если б и умерла, вряд ли сюда попала бы. Секретарши, как и директора филиалов, редко к нам попадают.

— Но кто же тогда эта женщина? Она очень похожа на Анну.

— Это Анна.

— Анна, но не та?

— И та, и не та. Сложно сказать. Может быть, секретарша вашего Пяльцева — тоже совсем не та Анна, а всего лишь часть персонального рая Пяльцева.

Виталий подумал о том, что он никогда не видел Георгия Владимировича за пределами офисного здания. Иногда кто-то из коллег говорил: «Пяльчик уже приехал» или «Пяльчик уже уехал», но сам Заикин, как ни странно, никогда этого не видел.

От расстройства и сложностей, разобраться в которых было просто невозможно, голова Виталия разболелась еще больше. В висках стучало.

— А аспирин здесь тоже нет? — спросил он толстяка язвительным тоном.

— Аспирин есть.

— Но ведь я не мечтал об аспиристине!

— Это будет маленький бонус.

Проводник подлетел к кубу, тронул желеобразную стенку, и в ней тут же образовался проход.

— Вы не отчаивайтесь, пожалуйста. Помните, мечта — работа — результат. И тогда лет через тридцать мы с вами снова увидимся.

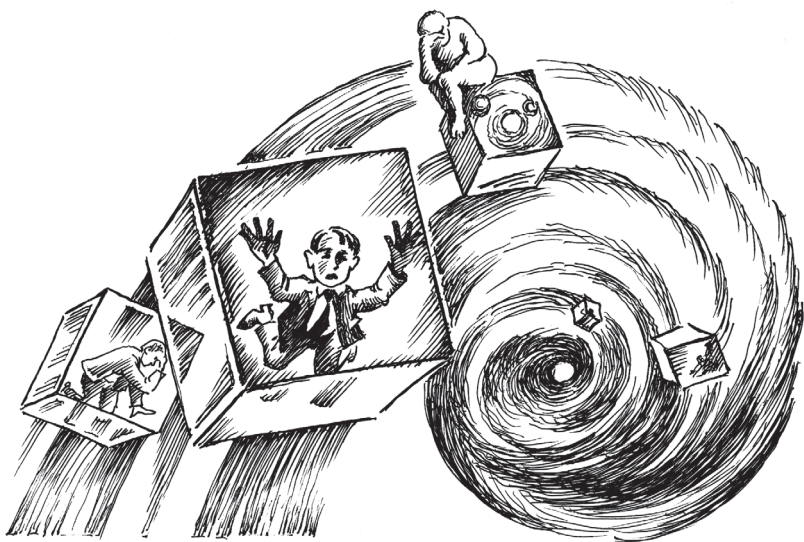
— До скорого! — злобно кинул Виталий и ступил в прямоугольное отверстие.

Стенка куба за его спиной тут же потеряла прозрачность и покрылась толстым слоем бежевой штукатурки. Секретарша подняла голову.

— Виталий Степанович, рада вас видеть! Кофе?

— Не откажусь, — угрюмо ответил он и опустился в кресло директора.

— Я хочу вам сказать, — заискивающе начала Анна, — я очень рада, что теперь вы будете нашим директором. Пяльцев, конечно, был добрым человеком, пусть земля ему будет пухом. Но вы — другое дело. Вы компетентный, ответственный. Я сказала нашим: с Виталием Степановичем работать будет — как в раю!

Стеклянный мир

Антошка сидел на берегу, широко раскинув худощавые, слишком длинные для его неполных восьми лет ноги. Солнце теплыми пушистыми лапами гладило веснушчатое лицо с очень простыми, ладными чертами. Густые рыжеватые волосы маленькими рожами топорщились от избытка высохшей на них соленой воды. Легкий морской бриз, слегка приподняв тонкую ситцевую рубашку, ощущивал острые мальчишечьи ребра, выступавшие под гладкой, еще по-детски нежной кожей.

Резкими движениями высвободив руки из платинового прибрежного песка, мальчик тремя громкими хлопками очистил ладони и правой рукой извлек из кармана шорт небольшой мешочек. Зажмуренные от солнечного удовольствия глаза еще больше сузились, и задорная мальчишечья физиономия расплылась в лучезарной загадочной улыбке. Антошка быстро развязал тесьму на мешочке и на песок выпали три стеклышка разной формы. Происхождение этого сокровища трудно было определить. Оно походило на осколки флаконов каких-то духов или очень редких спиртных напитков. Но их цвет был совершенно невероятным! Первое — насыщенно-алое, будто отколовшееся от солнца, которое когда-то, заходя на закат, случайно зацепилось за край моря. Второе — густо-синее, как летнее ночное небо, по которому то-

ропливо бежит свет маяка. Третье же, казалось, было зеленее свежего папоротникового листа, только что напившегося воды опасных прерий.

Очень бережно, двумя пальцами, Антошка взял кусочек заката и поднес его к правому глазу, плотно зажмутив левый. Мир зарделся! По бордовой пучине моря поплыли быстроходные суда флибустьеров. Пурпурный воздух жужжал, раскалившись от выстрелов пузатых пушек, паливших с палуб корветов и фрегатов. Крики борющихся врукопашную и фехтовавших пиратов едва доносились до Антошки, и он не мог разобрать слова. Самому солнцу, казалось, было жарко от разыгравшейся внизу красной битвы.

«НА АБОРДАЖ!», — отчетливо услышал Антошка грозный баритон и выронил красное стеклышко.

Украдкой поднявшись по Антошкиной спине, ветерок тонко защекотал коротко стриженный затылок. Мальчик поднял руку и всей пятерней громко поскреб круглую соленую голову.

«Синее. Да, синее», — выбрал он и аккуратно приложил к глазу очередное стеклышко. На первый взгляд совсем ничего не изменилось. Если бы не высокий Волшебник, бредущий по берегу, простой обыватель и не заметил бы, как сильно он, Антошка, изменил мир. На Волшебнике был темно-синий высокий колпак с золотыми звездами и широкий, ниспадающий крупными складками, фиолетовый плащ. Но это был не обычный фиолетовый, а очень теплый, будто в холодную синюю воду плеснули красного пламени и перемешали.

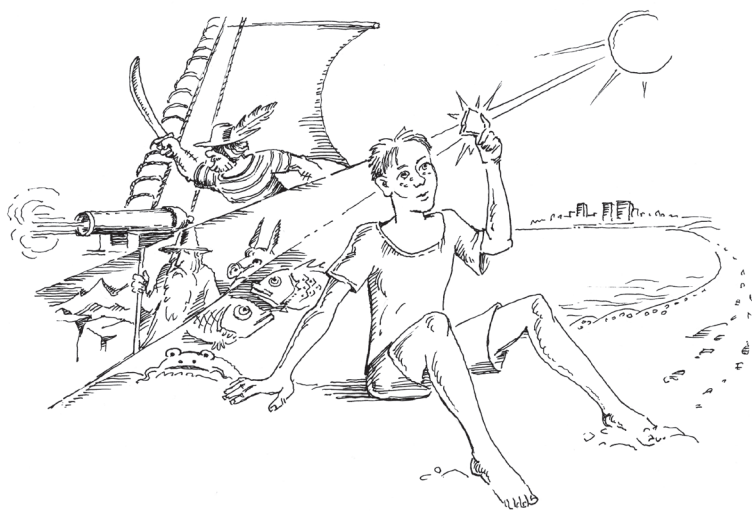
Волшебник остановился, повернул к Антошке седое, морщинистое, доброе лицо. Улыбнувшись, он сложил ладони сухих старческих рук лодочками, опрокинутыми вверх дном и повернутыми друг к другу внутренней частью, и что-то в них прошептал. Затем, легким изящным движением старик выплеснул из лодочек что-то невидимое. Произошло невероятное: все — море, небо, солнце — стало фиолетовым. Только разно-фиолетовым. В солнце будто намешали золотого, в море — салатного, в воздух — хрустального. Антошка радостно засмеялся и крепко сжал в ладони фиолетовый мир.

На очереди был зеленый. Солнце попрощалось с зенитом и уже устало клонилось к морской колыбели. Зеленое стекло было самым большим, поэтому держал его Антошка по-другому,

образовав из указательных и больших пальцев обеих рук овальную рамку. Зеленый мир он любил больше всего. В нем не происходило ничего из ряда вон выходящего. Малахитово-серебристые рыбы выглядывали из изумрудных глубин своими круглыми стеклянными глазищами. Свеже-салатные листья облаков время от времени прятали доброе лимонное солнце. Все жило, росло, двигалось и навевало спокойствие, от которого мягко бурчало в Антошкином животе, и он вспоминал про сочные красные яблоки и печенье со сгущенным молоком. «Хорошо, — мурчало в голове у Антошки, — искупнуться бы еще разок. Но ведь не успею. Совсем ничего уже не успеваю».

Он собрал свое радужное сокровище, сдул с него прилипшие песчинки и снова сложил в мешочек. Взяв в обе руки две огромные корзины, все это время ждавшие за его спиной, Антошка побрел по берегу, аккуратно обходя раскаленные, щедро измазанные кремом для загара, оголенные тела.

«Беляши с мясом! Пирожки с повидлом, с капустой», — охрипшим после долгого дня альтиом рассекал зной Антошка и босыми ногами время от времени втапывал окурки в платиновый прибрежный песок.

Беременная

Если бы мои ягодицы умели читать и знали толк в истории средневековья, вчерашним утром они, наверняка, решили бы, что парковые скамейки города Зеленоморска изобрел инквизитор. Нелепое дощатое сооружение с редкими остроугольными секциями стало его лебединой песней. В тот самый момент, когда неподготовленный зад уставшего прохожего начинал адски ныть в тех местах, где деревянные бруски впились в человеческую плоть, из дальнего угла преисподней будто слышался зловещий шепот палача:

— Я все еще здесь... Пусть сношен последний испанский сапог, а железная дева не заключит больше никого в свои кровавые объятия, но в Зеленоморске все еще стоят парковые скамейки... Мучьтесь же, потомки! Страдайте, несчастные!

Да, именно так подумали бы мои ягодицы, если бы умели думать, после полутора часов, проведенных нами перед зда-

нием типографии «Норма». Но деваться было некуда. Редактор опаздывал, а в ближайшем кафе собрался местный синеватый бомонд, отбивавший своим видом желание коротать время в заведении со сладким названием «Ириска».

Время от времени я вставала и прохаживалась вдоль хрустящей осенней аллеи. Потом снова садилась и рассматривала длинный ряд старых построек, которые вспучило бесчисленными офисами и магазинчиками. На фасаде одного из домов уцелела первозданная лепнина. Искусные гипсовые завитки были отреставрированы и окрашены в ярко-белый цвет. Они беспощадно контрастировали с темно-коричневой дымчатой витриной и пестрыми вывесками косметического салона, расположенного на первом этаже. В таком состоянии этот дом напоминал преуспевающего буржуа, на фамильном древе которого однажды повесился разорившийся барон. Унаследовав и значительно приумножив галантерейный бизнес отца, коммерсант все же старался не произносить слов «панталоны», «чулки» и «бюстгальтер». Аристократические хромосомы предка вскипали в буржуазной крови и требовали эвфемизмов.

Дело шло к обеду, ветер смелел и пробирался за шиворот холодными пальцами. Я подняла воротник пальто и насупилась, словно насадка, обняв с материнской любовью портфель с рукописью. Неужели этот день, наконец, настал? Несколько лет я вынашивала идею своего первого романа, продумывала сюжет до мельчайших деталей, выписывала отдельные эпизоды. И только лишь полгода назад совершила поступок, показавшийся безрассудным всем окружающим: вместо того, чтобы ясным весенним утром анатомировать разум студентов аналитическим чтением, я отправилась к директору и написала заявление.

— Но почему? Вас не устраивает зарплата? Мы можем что-то придумать, — обеспокоилась шефиня.

Проработав в колледже пять лет, я и не догадывалась, что с моей анорексичной зарплатой «можно придумать что-то», кроме как оплакать и разделить на пять равных частей (столько раз в месяц я беру смешную тележку на скрипучих колесиках и отправляюсь на оптовую базу за городом, чтобы купить продукты подешевле).

— Нет, дело не в этом, — честно ответила я, а потом соврала. — По семейным обстоятельствам.

Однажды во время экзамена разозленный «неудом» студент обозвал меня «старой клизмой» перед тем, как обиженно хлопнуть дверью. И был отчасти прав: в моральном плане каждый учитель — клизма. Только особая клизма, умеющая работать только в одну сторону. Хороший педагог сжимается до предела, выдавливая из себя ежедневно всю энергию в надежде на то, что «орошение» принесет пользу студенческим умам. Плохой учитель — это клизма, сжатая природой или жизненными обстоятельствами еще до аудитории, и потому старающаяся втянуть все на своем пути. Раздувшись до своего нормального размера, такие клизмы успокаиваются и приходят в состояние равновесия.

Я всегда была клизмой первого образца и чувствовала — еще полгода в колледже, и истончившаяся резина на моих боках лопнет с жалобным треском и забрызгает маркерную доску жалкими остатками вдохновения. А после наступит творческий климакс. Вернее, «клизмакс». Нужно было спастись бегством, что я и сделала, как только получила расчет у бухгалтера.

Вечернее репетиторство вполне позволяло свести концы с концами, а утренние и дневные часы наполнились неторопливой работой над романом.

Чувствуя на своих коленях приятную тяжесть от портфеля, в котором жила курносая веснушчатая героиня Катерина, я с теплотой и радостью вспоминала дни, когда, заварив себе чашку горячего шоколада и сделав толстый бутерброд, будила мою Катю и заставляла ее шагать дальше по белым страницам.

— Извините, вы не знаете, который сейчас час?

Звонкий женский голос отвлек меня от воспоминаний. Принадлежал он русоволосой молодой женщине в ярком болоньевом пальто, с трудом застегнувшимся на огромном круглом животе.

— Знаю. Половина первого.

— А вы тоже на прием?

Она кивнула в сторону грибницы заведений напротив, и тогда я вспомнила, что рядом с издательством имеется также перинатальный центр. Ее вопрос порадовал меня: пока тебя принимают за беременную — ты еще молодая клизма. С горячим шоколадом, однако, нужно заканчивать.

— На прием, — согласилась я.

— Не к Ходакову, случайно?

— Нет. К Розумовскому.

Имя редактора издательства «Норма» ни о чем не сказало моей собеседнице, и она пожала плечами.

— Не слышала о таком. Он хороший врач?

— Думаю, не очень.

На лице русоволосой отразилось недоумение.

— А зачем же вы у него наблюдаетесь?

Я пожала плечами так же, как она несколько секунд назад.

— Человек хороший.

Женщина надолго задержала на мне взгляд, затем отвернулась и некоторое время сидела молча. Это явно давалось ей с большим трудом. Два с половиной триместра благополучной беременности наполнили ее щеки мягким румянцем, бедра — несколькими килограммами лишнего веса, душу — гордостью за собственную причастность к великому таинству репродукции, а ее дни — скучными сериалами без убийств и жестокости. Среди подруг, вероятно, были все больше незамужние (ей едва ли исполнилось двадцать два), а с ними она теперь говорила на разных языках.

— А какой у вас срок? — не выдержала она, наконец.

— Шесть месяцев, — сказала я и погладила портфель.

— Мальчик или девочка?

— Девочка.

— Правда? И у меня девочка! — почему-то обрадовалась собеседница. — А вы выбрали имя?

— Да. Катерина.

— Хорошее имя, — одобрила русоволосая. — Правда, мой муж расстроился, когда узнал, что будет дочка. Сына хотел. А ваш?

— Я не замужем.

В глазах над румяными щеками снова заиграл калейдоскоп неприятных чувств — недоумение, жалость, недоверие.

— Как же вы обходитесь одна? — снова спросила она, предусмотрительно задушив в себе ряд более интересных вопросов, как то: «Куда девался папаша?», «Почему не сделала аборт?», «На что собираешься жить?» и так далее.

— Отлично обхожусь! — бодро заявила я и почесала левое ухо. Оно всегда чешется, когда я много вру.

— Но ведь ребенку нужен отец! — продолжала настаивать русоволосая. — И вообще, неужели у вас никогда не возникает трудностей, с которыми невозможно справиться самой?

— Почему же, возникает.

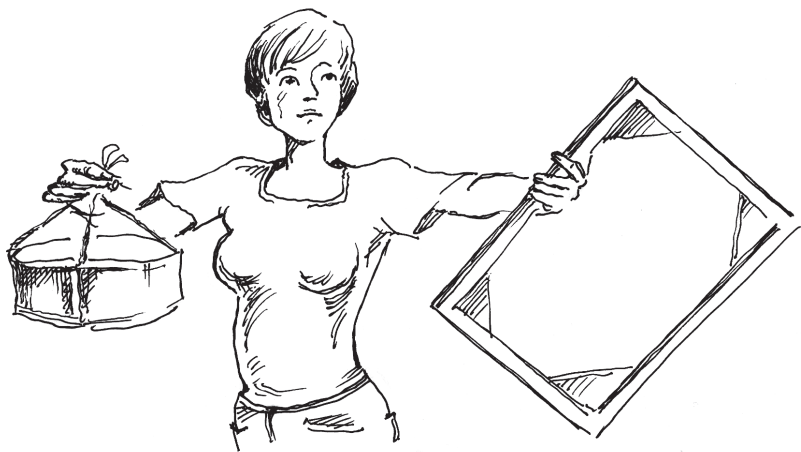
Из-за поворота в ближайший квартал появилась старенькая иномарка, за лобовым стеклом которой мелькнули пышные усы редактора Розумовского. Я встала, не отнимая портфель от груди.

— Вы знаете, иногда так трудно становится, что легчает только от стакана водки. Ну, ничего. Если повезет, сегодня заключу контракт, продам Катьку, и бедам конец.

Румянец сошел с лица моей бедной собеседницы. На мгновение я даже испугалась, что перегнула палку, но сразу же успокоила себя тем, что настоящая беременная за такую настойчивость могла ни то что перегнуть, а и сломать ту же палку прямо о спину в болоньевом пальто.

Женщина открыла рот, готовясь сказать что-то невообразимо значительное и осуждающее, но редактор Розумовский уже вылез из машины и махал мне рукой. Я отдала русоволосой пионерский салют, резко повернулась на каблуках и пошла в сторону типографии, виляя отдавленными ягодицами.

Женькина мансарда

крошечной однокомнатной квартирке моей подруги Женьки царил ужасающий беспорядок. Сама Женька сияла так, будто вместо мозга в ее голове была вольфрамовая спираль, а из пятнистого ковра в пятки поступало электричество. Такое положение вещей несколько настораживало: все три года нашей дружбы прошли под слезно-серым знаменем Женькиной меланхолии, единственным положительным последствием которой был абсолютный порядок в доме подруги.

По правде говоря, Женька имела все основания для того, чтобы обижаться на собственную судьбу. Жизнь ее не складывалась, словно тугой зонтик, который вечно начинает упрямиться в тот самый момент, когда к остановке подъезжает нужный троллейбус. Лишив Женю родителей еще в младенческом возрасте, страховая компания под названием «Судьба» выплатила сироте небольшую компенсацию в виде разнообразных талантов: еще в детстве у нее обнаружился абсолютный слух, который в юности подкрепился глубоким и чувственным, как у Полины Агуреевой, голосом. Женька проявляла недюжинные

способности к живописи — могла нарисовать невероятно достоверный портрет или замечательный натюрморт. Причем делала это, полагаясь лишь на свою интуицию, так как никогда не обучалась художественному ремеслу.

Но бабушка Жени, Калина Николаевна — женщина с характером сталевара и барственностью директора нефтеперерабатывающего завода — не хотела и слышать про поступление в Пустошевский институт культуры и искусств, которым грезила Женья.

— Акварель на хлеб не намажешь! — заявила она однажды и по своему обыкновению сложила сухие светлые губы в жирную точку.

Так Женья попала в Зеленоморский кулинарный техникум, откуда вернулась без прежних персиковых круглых щечек и светлых надежд на будущее. Выглядела она так, будто все три года работала подопытной собачонкой в институте диетологии, а не изучала технологию хлеба, кондитерских и макаронных изделий, как утверждалось в дипломе цвета копченой рульки.

Теплое, можно даже сказать горячее место в офицерской столовой ждало горе-кулинара сразу же после выпуска: об этом позаботилась хорошая бабушкина приятельница, кладовщик военсклада.

— И голодной никогда не будешь, и замуж быстро выйдешь, — рассудила бабушка, довольная тем, что практически обеспечила внучку единственными необходимыми любой женщине вещами — едой и мужем.

Но, как на беду, офицеров все больше интересовали казённые харчи, и они не обращали никакого внимания на маленькую унылую Женьку, почти незаметную среди парящих котлов и шипящих жаровен. Добрая и совершенно бесхребетная, через год работы в столовой Женья стала невольно представлять, как варит бабушку в большой алюминиевой кастрюле, предназначенной для борща.

Уж не знаю, чем могла закончиться эта печальная история, если бы одним пасмурным утром инфаркт не прикрутил конфорку под кипучим котлом бабушкиной жизни. Неожиданно для самой себя Женья тяжело переживала безвременный уход Калины Ивановны. Совесть, пойманная на крючок суеверного страха, нашептывала о причастности кровавых Женькиных меч-

таний к сердечно-сосудистой катастрофе в бабушкиной груди. И без того незавидное положение дел усугубляли постоянные злключения, которые предрекала строгая воспитательница.

Уволившись из столовой и окончив дизайнерские курсы, Женька долго скиталась без работы и была вынуждена продать свои золотые украшения — единственное, что осталось от матери. Когда, наконец, удалось найти место на фабрике бутафорских витражей, ее заработок выглядел еще более бутафорским, чем пестрые узоры на стекле, которые фабрика предлагала производителям элитных шкафов и фешенебельных клозетов.

Примерно в то же время Женя влюбилась в художника Ивана Хаски. Отчего молодой человек выбрал себе собачий псевдоним, я не знаю. Но знаю, что, повстречав Женю, художник сразу же перестал быть бродячим и охотно одомашнился. Целыми днями он ожидал вдохновения на старом бабушкином диване, пребывая в подавленном настроении, и невероятно оживлялся, когда Женя появлялась на пороге с авоськами, полными снеди.

На несмелые намеки о скудости семейного бюджета и налчии на фабрике вакансии кладовщика Иван обижался и, громко хлопнув дверь, уходил на кухню, где надолго оставался наедине с авоськами.

— Работа за зарплату убивает творчество! — часто говорил он, поглаживая неопрятную черную бородку.

Однажды утром Женя обнаружила, что Хаски еще накануне вечером расправился с обеими порциями приготовленного ею завтрака. Она ворвалась в комнату и стянула с возлюбленного одеяло:

— Ты чего? — не понял Иван, пытаясь соорудить себе тогу из простыни.

— Как ты мог сожрать мой завтрак? Я ведь целый день на работе голодная буду! — возмутилась Женька.

— Разве вы забыли, Евгенья Паллна, я весь день вчера писал! Я всегда голоден, когда работаю!

Он поймал край отобранного одеяла, выдернул его из Женькиных рук и укрылся, оставив снаружи лишь косматую голову.

— А мне что прикажешь, — пробормотала Женька, срываясь на плач, — акварель твою на хлеб намазывать?

Она снова ухватила одеяло и на этот раз отшвырнула его в угол комнаты.

В тот же день Иван испарился с холста Жениной жизни, оставив за собой лишь темное пятно неприятных воспоминаний и три потертых синих носка на полотенцесушителе. Поначалу Женя корила себя за грубое обращение с другом, но вскоре случайно узнала, что причиной разрыва стала вовсе не «бутербродная» ссора, а другая женщина — пожилая светская львица, соблазнившая Хаски щедрым пайком и мастерской, обустроенной во флигеле загородного особняка.

От постоянных расстройств Женя сильно занемогла и стала частенько вызывать участкового врача, то есть меня. Так мы и подружились.

Разнообразные укрепляющие средства и витамины, которые я выписывала, постепенно поправили Женькино здоровье, но они оказались совершенно бессильны в борьбе с роем жалающих комплексов и бурьяном разочарований. В душе ее было по-прежнему пасмурно, как в индийском городе Черапунджи.

Именно поэтому меня так сильно удивило внезапное просветление на сером небосводе.

— Был на квартиру налет? К нам заходил бегемот? — спросила я, указывая на открытые картонные коробки и клочья бумаги, разбросанные по полу.

— Вовсе нет, Верочка. Вот, гляди!

Она протянула мне пестрый проспект, испещренный яркими надписями.

— «Новый тренинговый центр «Ручей». Реализуйте свой потенциал!» — прочла я и в недоумении подняла глаза.

— Ты читай, читай дальше! — настаивала Женька.

Из уважения к подруге я просмотрела рекламный текст, хоть в этом не было необходимости. Красноречивые молодые люди в опрятной одежде постоянно околачивались около поликлиники с пачками подобной наживки в руках. Разные по форме и размеру проспекты всегда несли один и тот же посыл, выраженный словами, наподобие «достижение», «освобождение», «совершенствование», «раскрытие» и прочие «-ие». Все эти существительные магически действовали на ослабленные гриппом организмы, которые с трудом несли себя в поликлинику, чтобы закрыть больничный и вернуться на опостылевшую

работу, где их ожидала сплошная «-ость», как то: «усталость», «неудовлетворенность», «бесперспективность», «нервозность» и прочая гадость.

— Ну, прочитала, и что?

— А то, что я была на первом тренинге! — гордо сообщила Женька.

Возглас негодования поднялся из моей груди, но по пути благоразумно зацепился за кадык и не выскочил наружу.

— И как все прошло?

— Невероятно!

От возбуждения Женька подпрыгнула на месте:

— У нас была беседа о том, что каждому человеку в жизни нужна четко определенная цель.

— Неужели? И как же они до этого додумались? — не удержалась я, но Женька не заметила сарказма и продолжала:

— Так вот, сперва нужно обязательно понять, чего ты хочешь больше всего.

— И ты поняла?

— Да! Я хочу, — она всплеснула руками, будто была волшебницей, и то, что она желала, должно было вот-вот появиться перед нами в комнате, — я хочу стать первоклассным портретистом, жить в маленьком загородном доме с мансардой, в которой я устрою мастерскую.

Сказав это, она заулыбалась, словно невеста, ожидающая своей очереди перед ЗАГСом в толпе гостей. От ее радости у меня вдруг потеплело на душе.

— Это чудесная мечта, Женечка. Чур, первый портрет из мансарды — мой.

— Однозначно. Но ты не совсем верно поняла: это вовсе не мечта. Мечтать нельзя, нужно ставить цель и действовать.

В ее голосе зазвучали нотки коучера, который, судя по Женькиному воодушевлению, очень талантливо интерпретировал русскую народную сказку о мужике, который мечтал под кустом, как поймает зайца, обменяет его на свинью, желательно, беременную. Потом продаст поросят, купит дом, возьмет жену, желательно, беременную, и будет ему счастье. А заяц, тем временем, и был таков.

Вдруг в мою голову пришла пугающая мысль: неужто Женька надумала продать свою однокомнатку в центре города и купить развалюху где-нибудь в глухом селе?

— Так вот, — беззаботно продолжала она, не замечая моего обеспокоенного взгляда. — На первом тренинге нам дали задание купить несколько вещей, связанных с поставленной целью. Если брать мой случай, например, это могут быть предметы, которые я размещу в своей будущей студии, понимаешь?

Я кивнула и вздохнула с облегчением: квартира пока уцелела. Женька же вспорхнула с дивана и парила над коробками.

— Ты знаешь, мне очень повезло. Умер один местный художник... В смысле, художника жалко, конечно, но его имущество родственники стали распродавать за копейки.

Женя открыла одну из коробок и бережно вынула потертый деревянный подрамник.

— Все очень ветхое, но о новом пока и мечтать не приходится.

— А по-моему, так даже лучше, — подбодрила я. — Мало того, что ты сделала первый шаг к цели, еще и дала новую жизнь вещам, которые, скорее всего, отправились бы на свалку.

— А ведь правда! — обрадовалась Женька. — Знаешь, художник этот был очень талантливый. Картины они тоже продают, но для меня слишком дорого. Зато я взяла еще мольберт в отличном состоянии и экорше.

Она придвинула к себе одну из коробок и вынула гипсовую голову с изуродованным лицом.

— Mamочки мои, что за жертва Ацтеков¹?

— Да нет же. Это и есть экорше. Учебное пособие для художников. Части тела без кожи.

— Все?

— Что «все»?

— Все части, что ли? — испугалась я.

Женька хихикнула.

— Ну, у меня только голова пока.

— Слава Богу!

— На самом деле, все это — очень нужные вещи. Кстати, не все мои покупки такие старенькие и страшенькие. Вот, погляди.

Из тряпичной Женькиной сумки появился длинный сверток.

— Это репродукции моего любимого художника. Его зовут Афремов.

¹ Ацтеки в Мексике сдирали кожу с жертв во время ритуальных человеческих жертвоприношений (прим. авт.)

Изображения, и в самом деле, были необыкновенные. Сочные, красочные, будто разноцветная карамель. Сразу становилось ясно, почему они полюбились Женьке: в них была радость и полнота жизни, которой ей так не хватало.

— Повешу их в студии, — сказала она и снова свернула фотографии.

— А отчего не снять ковер и не повесить их прямо сейчас?

— Нельзя, — замотала головой Женька. — Нам объяснили так: все эти предметы — часть будущего, к которому нужно стремиться. Их обязательно нужно спрятать. Если начать пользоваться сейчас, то получится, что ты, вроде как, довольствуешься малым, теряешь стимул, понимаешь?

Я озадаченно почесала голову.

— Не понимаю. Почему не пользоваться собственными вещами, которые тебе очень нравятся? Знаешь, у моей бабушки был сервиз из настоящего японского фарфора. Ее брат из рейса привез. Чашечки в нем были такие тоненькие, почти прозрачные, а на их дне просвечивался силуэт японки, если через дно на свет смотреть. Прелесть, в общем, а не сервиз. Бабушка так его берегла, что использовать по назначению никогда не позволяла. Даже ради самых дорогих гостей не доставала. А когда она уже совсем старенькая была, в серванте сорвалась стеклянная полка. Все вдребезги. Все чашечки до одной. И знаешь что? Она даже не расстроилась. Охладела, видимо, к своей драгоценности. И что толку было в этих чашках за всю их долгую жизнь?

Женька морщила лоб, обдумывая мои слова.

— Это совсем другое. Одно дело — беречь то, что тебе, в принципе, и не нужно. А другое — готовиться к свершениям. Вот представь, например, ты собираешься испечь «наполеон», но съедаешь весь крем вместо того, чтобы намазать коржи.

В моей голове вдруг возник образ Женьки, жующей яркие репродукции.

— Или так, — продолжала она. — Ты покупаешь платье для новогодней вечеринки с сотрудниками, но начинаешь носить его на работу еще в начале декабря. Считаю, вечеринка испорчена.

Женька щелкнула пальцами, довольная удачно подобранным примером.

— Воля твоя, — согласилась я. — Прячь свои сокровища.

В тот день мы еще долго говорили о будущем. Представляли, как станем по выходным собираться в Женькиной усадьбе вместе с мужьями, которые к тому времени обязательно у нас появятся.

— Завтра я куплю нам с тобой по паре мужских трусов, — помню, объявила я после третьей рюмки коньяка.

— Зачем это?

— Как зачем? В качестве предмета, связанного с поставленной целью.

— А когда она будет достигнута, возьмем их в рамку и повесим в гостиной, — смеялась в ответ Женька и щурила глаза, сиявшие не хуже вечерних пейзажей ее любимого художника. Я даже подумывала о том, что была слишком строга к чудодейственным тренингам.

Потом Женька пропала. Месяца на три, не меньше. Время от времени я писала ей короткое сообщение — «Все в порядке?», получала еще более короткий ответ — «Все ОК» и снова забывала о подруге, радуясь, что она перестала нуждаться в жилетке из абсорбирующего материала. Так уж повелось, что подруги чаще всего исчезают из нашей жизни в двух случаях: умирают или находят свое счастье. А делиться счастьем менее приятно, чем горестями. Правильная хозяйка с радостью накормит компанию своих подруг кислой капустой — неизменной спутницей всех зимних блюд. Но баночку черной икры, присланную дальними родственниками из Приамурья, наверняка, спрячет до вечера, на который намечено застолье для двоих. Тонкие чувства, открытые вместе с баночкой черной икры, имеют более изысканный аромат.

Изредка попадают хозяйки неправильные: они за милую душу выставляют на стол все, что есть. И тут уж, как говорится, кто не успел, тот опоздал. У таких всегда много подруг, и почти не случается застолий для двоих.

Существует и третий тип — самодостаточные хозяйки. Такие не злоупотребляют общением с подругами, во время романтического ужина подают кислую капусту, красиво уложенную в хрустальную вазу, а баночку с черной икрой открывают тогда, когда остаются наедине с собой, и лопают ее ложками под фильм с Аль Пачино.

Каким же горьким было мое разочарование, когда одним июльским утром я снова увидела дождливое Женькино лицо у дверей своего кабинета.

— Женюшка, что-то случилось?

— Да, Вера, у меня беда.

До приема оставалось еще полчаса, и я пригласила ее в кабинет.

— Ну, рассказывай, что стряслось.

Вместо того, чтобы пуститься в пространные описания злоключений, как прежде, она протянула мне свою медицинскую карту.

— Это что?

— Там результаты моего обследования.

— Какого обследования?

— Моего.

— Почему ты мне не позвонила? — взорвалась я.

Женя обессиленно опустила на кушетку.

— Я и так тебе надоела со своими проблемами. А тут еще это. Мне нужно было пройти через все самой до конца, но я не выдержала. Еще четыре дня до результатов гистологии, и мне нужно...

Она осеклась и закрыла лицо руками.

— Так, рядовой Женька, смирно! Не раскисать! — скомандовала я и достала из сумки термос с горячим сладким шиповником.

— Ну-ка, налей себе чашку и пей молча, а я буду смотреть.

Она покорно взяла термос, а я стала листать толстую карту, давно мне знакомую, но содержащую теперь кипу новых вкладывшей из лаборатории и частной клиники. Читая историю болезни, я старалась никоим образом не выказать волнения, хоть поводов для серьезного беспокойства было предостаточно. Результаты анализов указывали на то, что у Женьки в ее неполные двадцать семь лет случилось то, о чем не говорят вслух без содрогания все, кроме врачей-онкологов. То, что авторы бестселлеров любят эксплуатировать, дабы заставить читателя отнестись внимательно даже к самому слабому и пустяковому сюжету.

— Ну вот! Отлично! Этого хирурга я знаю лично. Уж если он взялся за дело, то все будет благополучно. Это я тебе точно говорю, — заявила я, стараясь казаться веселой и уверенной.

— Ты, правда, так думаешь?

— Правда. Скажи-ка мне, как продвигается дело с той твоей затеей?

— С какой? — не поняла Женька.

— Да ладно! С портретами и мансардой, конечно.

— Ах, это, — она махнула рукой и равнодушно уставилась в окно. — В училище я не поступила. Там только дневное отделение, а стипендия маленькая. Сначала я хотела переехать в общагу и жить на ренту с квартиры, но потом поняла, что этого не хватит.

— А что на тренингах по этому поводу посоветовали?

— Да что они могут, в сущности, посоветовать? Кричать «Гоп!» тому, у кого нет ног, чтобы прыгать. Все это пустое.

— Так, Женька. Гляжу, в голове твоей опять бардак. Слушай меня внимательно: сейчас ты пойдешь домой, соберешь все, что тебе необходимо для трехдневного выживания у моря. Сегодня у меня последнее дежурство перед отпуском. Вечером я заеду за тобой, и мы махнем в Зеленоморск к Машке. Это моя подруга, помнишь?

— Мне, наверное, нельзя.

— Дышать морским воздухом? Брось. Час езды до дома, да еще и с собственным врачом. Давай, под мою ответственность.

Когда пришло время ехать за результатами гистологии, Женя настояла, чтобы я осталась в Зеленоморске.

— Мне так нужно, пожалуйста, — попросила она. — Ты очень меня поддержала, но я хочу поехать сама.

За три дня на море мы ни разу не говорили о нависшей угрозе, но она лежала на сердце тошнотворным отвратительным грузом. Женя проявила неожиданную стойкость, все время шутила и даже делала себе макияж, что раньше было ей совсем не свойственно.

Посадив ее на автобус, я не пошла на пляж, но осталась сидеть на скамейке в привокзальном сквере. Внутри была гадкая пустота. Если подтвердится то, что наиболее вероятно, думала я, то сразу же поеду домой. Какой уж тут дальнейший отдых.

Она позвонила через полтора часа.

— Вера, у меня ничего страшного, слышишь? Не подтвердилось. И повторные анализы нормальные! Назначили только ходить на контроль каждые три месяца. Ты слышишь, Вера?

Она вдруг сломалась и зарыдала. И у меня потекли слезы облегчения.

— Ты приедешь назад? — спросила я, немного погодя.

— Нет, Верочка. Пока не приеду. Отдыхай, и спасибо тебе.

Вернувшись в Пустошев, я купила бутылку отличного коньяка, сыр с огромными дырками и умопомрачительным запахом и отправилась в однокомнатку в центре города. Женька встретила меня в полиэтиленовом фартуке, измазанном краской.

— Заходи, я сейчас закончу.

Я прошла в комнату и не узнала ее. Все нехитрое бабушкино имущество, кроме дивана — телевизор, ковры, сломанная швейная машина и журнальный столик — исчезли, а вместо них комнату заселили всяческие штуки, назначение которых я не знала, но связаны они были, наверняка, с живописью. На стене красовались знакомые мне красочные вечерние пейзажи, прикрепленные скотчем.

— Ничего себе! — удивилась я. — Вот это перемены!

— Нравится? — крикнула Женька из кухни. — А что ты скажешь на это?

Она внесла в комнату поднос с шоколадным тортом соблазнительного вида.

— Ты снова начала печь?

— Начала. Думаю, что если дать объявление о выпечке на заказ? Торты были моим коньком, почему бы этим не воспользоваться.

Она деловито глянула на часы.

— Так, сейчас подтянется Аверин Афанасий Георгиевич со своим учеником.

— Кто это?

— Я тебе все расскажу, — начала она, на ходу пудра раскрасневшееся от приятных забот лицо. — Представь, я заявила в училище и нашла преподавателя, о котором еще давно слышала много хорошего. И говорю ему: «У меня нет денег на учебу, но я не могу жить без того, чтобы рисовать. Посмотрите мои работы!» И представь, он предложил мне брать бесплатные уроки вместе с еще одним учеником. Кажется, он в меня поверил.

— Ничего себе! И они сейчас будут здесь?

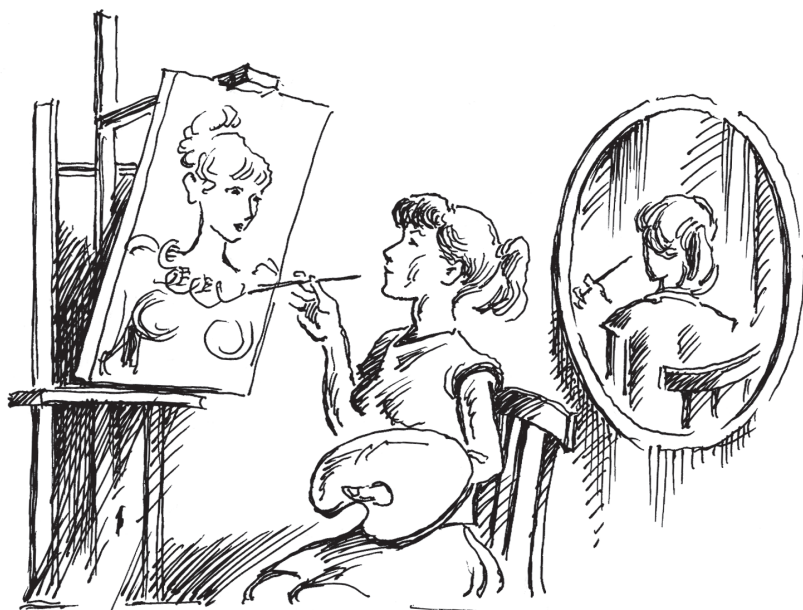
— Да. Афанасий Георгиевич уж очень полюбил мои тортики.

— Не удивительно!

Когда в дверь позвонили, Женька уже приняла парадный вид: воздушная белая блузка, задорный хвост на затылке, хорошенькое светящееся личико.

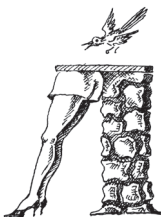
— Жень, а Жень, — окликнула я перед тем, как она вышла встречать гостей. — А мансарда у тебя — что надо!

Она подмигнула и выпорхнула в коридор.

Будни проститутки

юди, обладающие большим творческим потенциалом и высоким уровнем мастерства, часто имеют довольно оригинальный и самобытный подход к своему делу. Например, Римский-Корсаков, великий русский композитор, различал звуки музыки по цветам. Ему казалось, что монохромные клавиши рояля выливают в пространство потоки разноцветных аккордов. Джеймс Гаррингтон, английский публицист, воображал, что слова, срывающиеся с его уст, — не что иное, как пчелы и птицы. Говорят, иногда он даже гонял их веником.

Катя Трошина, проститутка из Зеленоморска, имела обыкновение сравнивать своих клиентов с различными представителями класса млекопитающих. Руководствуясь особенностями характеров мужчин, побывавших в ее постели, она разработала оригинальную классификацию, в которую входили звери самых разных родов и видов. Верное определение принадлежности каждого нового клиента к тому или иному типу позволяло выбрать правильную тактику поведения и сделать все, чтобы гость остался доволен.

Самыми частыми клиентами оказывались мужчины-свины. Причем, не полезные и добрые домашние хряки (такие не stanno тратить на услуги проститутки, а предпочтут сытный обед в дорогом кабаке и хорошую выпивку), а шустрые и агрессивные дикие кабаны. Эти никогда не упускают возможности удовлетворить свои насущные потребности и делают это, как и положено по видовой принадлежности, до пороссячьего визга. Хотя общение с ними составляло основной доход Трошиной, она крайне не любила этот тип мужчин. Они щипались, толкались, матерились, а самые резвые могли даже влить пощечину за неосторожное слово. С ними нужно было вести себя тихо, не привлекать лишнего внимания, не остроумничать, так как безобидные шутки в этом случае обычно воспринимались, как личное оскорбление.

Реже остальных Катин жизненный путь перебегали мужчины-собаки. Эти всегда верно служили своим женам, послушно выполняли любые команды и лишь иногда слегка огрызались, почувствовав, что дело запахло хворостиной. Такие оказывались на Катинем ложе только в одном случае: если супруге попался новый питомец с лучшей родословной, а бедняжек выгоняли за калитку. С мужчинами типа «собака» обращаться следовало не слишком мягко, по возможности холодно. Излишняя благосклонность могла привести к двум совершенно противоположным крайностям: беспочвенному восхищению и ненужной привязанности или немотивированной агрессии и укусам. И то, и другое для проститутки, желающей вести более или менее спокойную жизнь, очень нежелательно.

Довольно часто встречались Кате мужчины типа «верблюд». Они всегда были очень горды и довольны собой. Пускай все вокруг знали, что хозяева регулярно перевозят на их горбу тяжелые поклажи, они гнули спину с чувством глубокого достоинства и выполненного долга. В разговоре с «верблюдами» нужно было всячески подогревать их самолюбие. Прояви хоть каплю невнимания к сказанному «верблюдом» — тут же плюнет в морду. Иногда Кате было жаль мужчин этого типа. Среди них попадались интеллигентные и даже талантливые. Но плевать даже они могли только в тех, кто ниже, так как достать сидящего на собственном горбу — задача не из легких.

Изредка в зеленоморской саванне попадался мужчина-лев. Он всегда отлично выглядел и распространял вокруг себя тон-

кий аромат притягательной опасности. Вежливый, внимательный, сильный — с таким Катя могла временно забыть о роли, которую выполняла, и на короткое мгновение представить себя львицей. Но не следовало заигрываться и позволять себе какие-либо чувства: поймав добычу, «лев» быстро насыщался и становился совершенно равнодушным до следующей охоты.

Когда Трошина в очередной раз рассказывала своей коллеге и подруге тете Вале об очередном «зоологическом» наблюдении, та заливисто хохотала прокуренным басом.

— А ведь правда, похоже! Скажи, а бывают мужчины-еноты?

— Бывают, — вздыхала Катя и продолжала свои околонуточные рассуждения.

В двухместном номере гостиницы «Москва» пахло временным уютом и резковатым мужским парфюмом. Клиент, немолодой полный иностранец, сердито терзал клавиатуру мобильного телефона, не глядя на Катю, мвящуюся у двери.

— Hello, это Борис? Мне надо говорить с Борис!

Произнося имя «Борис», он делал ударение на первый слог и при этом обильно плевал слюной.

— Да! Он пришел. No. It's not OK! Вчера ты показывать мне фото другой шлюх. Я платить за другой, десять лет моложе. Кто ты присылать? Этот — старый и толстый!

Катя не была слишком привычной к галантному обхождению со стороны мужчин, которые платили за ее благосклонность. Однако внезапный выпад потенциального клиента не на шутку ее задел. Во-первых, ради этого вызова она пропустила прямой эфир любимого шоу «Душа поет». Во-вторых, и это, собственно, было главным — в свои тридцать четыре она выглядела гораздо свежее многих двадцатипятилетних девиц, так как следила за собой и соблюдала гигиену труда. В-третьих, ее верный друг тетя Валя имела за спиной сорок шесть полных лет, отнюдь не легких, но еще пользовалась спросом у истинных гурманов. А в-четвертых, сам клиент был, как минимум, лет на десять старше Берлинской стены. Причем Катин опыт подсказывал, что основная часть его мужской крепости пала вместе с той же Берлинской стеной еще во времена перестройки.

— Чего ты ждешь? Пошел вон! — изрыгнул толстяк и театрально указал на дверь за Катиной спиной.

«Шакал», — обиженно подумала Катя безотносительно к своей классификации.

Стремительно теряя высоту в устланном красным ковром лифте, она внимательно рассматривала свое отражение в ромбовидном зеркале. Под внешними краями глаз и вокруг губ уже появились первые морщинки. Но слегка выдающиеся скулы и пухлые щеки с ямочками придавали лицу юношеское озорство. В темно-рыжих вьющихся волосах еще не появилась седина, а слегка раскосые, но достаточно большие глаза цвета бутылки шампанского будто говорили: «Держи пробку крепче, а то взорвусь!» К первому этажу Катя выставила своему лицу твердое «хорошо», что ее полностью удовлетворило. В школе она всегда была хорошисткой. Из бравых мускулистых рядов троечников ее выделяли живой ум и неплохие способности. Для того же, чтобы пополнить невзрачную синеватую армию отличников, следовало отказаться от многого. Прежде всего, от приятного общения с кавалерами, число которых росло прямо пропорционально размеру Катиной груди.

Покинув лифт, она оказалась в полупустом холле гостиницы, тускло освещенном ракушками бра. На кожаном диване скромно жалась переводчица Зоя. Видимо, она ожидала своего клиента. Каждый раз, глядя на Зоины дерматиновые ботиночки, Катя думала о том, что знать язык любви в наше время гораздо выгоднее, чем владеть английским. Впрочем, не только в наше.

За барной стойкой на высоком стуле расположилась юная проститутка Вета. По сгорбленной спине и алым кончикам ушей, которые торчали из-под редковатых темных волос, Трошина поняла, что девушка снова влипла в неприятности.

— Водку с лимоном, — скомандовала Катя бармену и уселась рядом с Елизаветой. — Ветка, у тебя опять что-то стряслось?

Девушка потерла вспотевшей ладонью и без того алый нос.

— Ой, Катечка, мне опять не повезло.

— Извращенец?

— Нет.

— Не заплатил?

— Нет. Хуже.

— Что же может быть хуже? Побил, что ли?

— Да нет. Это я обидела клиента.

Трошина с недоумением оглядела костлявое тело Веты.

— Ты застряла у него в зубах?

— В смысле? — не поняла девушка. Чувство юмора не входило в перечень достоинств Лизаветы.

— Шучу, забудь. Так что же произошло?

— Борис Степанович привел клиента. Ну, я ему понравилась. Все типа нормально было. Мы поднялись в номер. Он мне такой: «Раздевайся!» Ну, я разделась. А он такой: «Теперь меня раздевай!» Я все с него сняла и вдруг смотрю, а у него вот так усенький!

Вета свела большой и указательный пальцы на такое состояние, будто держала спичку.

— Ну и что? Тебе же лучше.

— Я начала ржать.

— Да ладно!

— Угу, — Вета жалобно кивнула и отхлебнула пиво из своего бокала.

— Ну ты, мать, даешь! И что он? В ухо не зарядил?

— Нет. Он обиделся и ушел.

— Зря не дал. Борис уже знает?

— Знает. Сказал, что больше со мной не будет работать.

— Хреново.

— Не то слово. Меня через два дня хозяйка из комнаты попрет. Я за два месяца задолжала. И пожрать не на что.

Катя соскользнула со стула. Предоставлять недавней коллеге кредит на жилье она не была намерена. Многочисленные физические и моральные увечья, которые Вета за три месяца работы умудрилась нанести себе и клиентам, не делали из нее надежного заемщика. Однако покормить неудачницу ужином Трошина была в состоянии.

— Пошли в «Марусю». Я угощаю.

Глиняный горшочек в затейливых узорах выдыхал густой ароматный пар, источаемый пельменями с сыром.

— Может, закажешь что-нибудь посущественней? Этим разве наешься?

Катя неодобрительно кивнула на зеленую жижу в тарелке Веты.

— Нет-нет. Вечером я всегда ем только салат из морской капусты. От него не поправляются.

— У нас работа слишком вредная. От нее не поправишься, как от герпеса.

— А ты не боишься поправиться?

— Нет. Я боюсь заболеть, — хихикнула Катя.

— В смысле? — снова не поняла Вета.

— Забудь. Шучу.

— Странная ты.

За спиной Елизаветы была изображена русская барышня с коромыслом, одетая в пестрый сарафан и кокошник. Видимо, имелась в виду та самая Маруся, в честь которой было названо заведение. Круглые румяные щеки и увесистая грудь декорации намекали на то, что сама Маруся регулярно не брезговала полным горшком пельменей. Катя, воображение которой скинуло кандалы трезвости после ста граммов водки, почему-то вдруг представила на месте Маруси Елизавету. Вот стоит она на полянке возле избы, громоздкий кокошник еле держится на воспаленных красных ушах. Коромысло Вета не берет, для нее и сарафан — тяжелая ноша. А деревенские мужики сидят в стороне и думу думают: «Не приложить ли страдальицу веслом, чтобы не мучилась?»

— Не знаю, что теперь делать, — грустно прервала Вета Катини мысли.

— Езжай к матери в деревню.

— Не хочу. Она по синьке заезжает. И отчим тоже. Мне, чем туда, лучше сдохнуть. Придется работать самой.

— Самой нельзя. Опасно.

Трошиной вдруг стало жаль непутевую коллегу. Она не могла до конца понять Вету, так как судьбы их были совершенно разными. Катерина не происходила из неблагополучной семьи. Напротив — мать дала ей все, что могла. Просто, могла немного. Пикантную профессию Трошина выбрала не от безысходности, а по собственному желанию. Две попытки поступления на иняз не увенчались успехом, так как у мамы не было денег на взятку. Замужество не принесло стабильности. Отношения с супругом после свадьбы стали скверными и продлились меньше года. Тогда Катя и решила: раз принятые в обществе стандартные способы достижения женского счастья и материального благополучия не работают, нужно заняться чем-то другим, более действенным. Тогда она и познакомилась с Борисом Степановичем, скромным полковником в отставке, который предложил посту-

пить под его командование во взвод жриц любви. Борис не обижал своих подопечных. Можно сказать, даже относился к ним с теплотой и пониманием. Причиной тому, скорее всего, было наличие у него трех дочерей.

Трошина доела пельмени, затем открыла сумку и извлекла оттуда пятидесятидолларовую купюру.

— На вот, возьми. За ужин расплатишься, а на остальное купи чего-нибудь поесть. С твоим аппетитом хватит на месяц. Меня клиент ждет, — соврала Катя, чтобы поскорее распрощаться с занудной девушкой, и поспешила покинуть кафе.

Обносившийся чумазный проспект нервно моргал подбитыми глазами фонарей. Холодный осенний воздух с трудом проникал в Катин организм, под завязку наполненный мучной пищей. Но настроение вдруг резко улучшилось. Так часто бывает, когда встречаешь человека, столкнувшегося с серьезными проблемами. Чужого человека, конечно же. Ты слушаешь жалобы, делая вид, что тебя невыразимо трогают его злоключения. Можешь даже оказать какую-нибудь посильную помощь. Но когда прощаешься и оказываешься наедине с собой, то вдруг начинаешь радоваться. Мысль «хорошо, что я — не он, и у меня все не так плохо» не звучит в сознании, так как оно, сознание, понимает, что негоже приличному человеку радоваться чужой беде. Радость приходит незаметно, из глубины бессознательного.

Вернувшись к воротам гостиницы, Катя уселась на широкую скамью и достала мобильный, собираясь вызвать такси. Но тут внимание ее привлекла интересная сцена, разыгрывавшаяся на другой стороне улицы возле банкомата. Три низкорослых гопника обступили человека, лица которого Трошина не могла рассмотреть за воровато сгорбленными покачивающимися спинами нападавших. Бедолага, вероятно, как раз воспользовался своей банковской картой, чем и вызвал интерес джентльменов в спортивных костюмах. Прислушиваясь к приглушенным голосам, Катя поняла, что господа приводят различные доводы, почему человеку с картой непременно нужно поделиться с ними полученными средствами. Тот, по всей видимости, не соглашался с их аргументацией, за что начал получать пока что легкие тычки и оплеухи. Внезапно он бросился в сторону и вырвался из круга, но один из гопников успел поймать его за куртку и повалил на землю. Джентльмены стали ра-

ботать ногами. Свет фонаря упал на лицо жертвы, и Катя вдруг узнала его: это был тот самый клиент с гадкой рожей, который пару часов назад пренебрег ее услугами.

«Ну вот, а мог бы потратить эти деньги с пользой», — злобно подумала она и закурила.

Двое гопников продолжали пинать иностранца, а третий натужно пытался вырвать из его рук барсетку, в которую хозяин вцепился мертвой хваткой. Время от времени он издавал сильное «Help!», но в такой час вряд ли кто-то пришел бы ему на помощь.

Когда джентльмены пустили в ход дубинку, Катя затушила сигарету. Она, конечно, была не против того, чтобы «обстоятельства в спортивных костюмах» немного наказали обидчика, но смотреть, как ломают кости за то, что клиент не умел обходиться с дамами, было уж слишком

— А ну стоять, гады! Убью! — заревела она, направляя травматический пистолет по очереди на каждого из нападавших и приближаясь к ним быстрыми решительными шагами.

— Да ты че, шалава? Смерти своей хочешь? — неуверенно пригрозил один из гопников.

— Брось барсетку, гнида, — прошипела Трошина и взвела курок.

Звук подействовал на парней волшебным образом. Тот, что к этому моменту уже отобрал у иностранца сумочку, положил добычу на тротуар и начал отступать. Друзья последовали его примеру.

— Ты нам попадешься, шалава!

— Давай-давай отсюда, урод! — скомандовала Катя.

Иностранец продолжал лежать на асфальте, испуганно озираясь по сторонам.

— Чего разлегся? — Катя спрятала пистолет в карман и ткнула жертву в бок носком сапога. — Вставай, Бэтмен!

Мужчина сел и отер мокрый лоб рукавом куртки.

— Спа... спасибо, — промямлил он, пытаясь унять дрожь.

— «Спа... спа...», — перекивила его Трошина. — Как раз денег на спа ты меня сегодня лишил. Ну-да, Бог с тобой! Вставай, провою до входа.

Через минуту все еще дрожащий чужеземец был передан в руки услужливого швейцара, а Трошина поймала такси.

Удобно устроившись на заднем сидении, она с удовольствием рассматривала пролетающие мимо спящие окна и в который раз думала о своей заветной мечте — колбасном магазине, на который уже два года копила деньги. Когда тетя Валя как-то раз услышала об этом необычном желании Трошиной, расхоталась:

— Так в чем же разница? Опять сардельки и сосиски. Тебе их на этой работе мало, что ли? Открой лучше магазин нижнего белья. Ты в нем знаешь толк. Или цветочный.

— Ох, тетя Валя, букетов нам уж точно не надо, — не осталась в долгу Катя.

Стать хозяйкой колбасного магазина она мечтала еще в детстве. Напротив дома, в котором маленькая Катя жила со своей мамой, некоторое время существовал колбасный ларек. Каждую субботу мама брала часть денег, заработанных репетиторством, и они вместе шли в магазин. Красивая продавщица в салатном фартуке и симпатичной шапочке взвешивала триста грамм «докторской» или «молочной» и двести грамм хорошего сыра. А вечером обе Трошины ели всю эту вкуснотищу перед телевизором. Уже тогда, в отличие от своих сверстниц, Катя догадывалась, что девочка из «хрущевки» вряд ли может стать знаменитой певицей или балериной, а вот хозяйкой колбасного магазина — вполне. Престижное и приятное занятие. В конце концов, что приносит человеку большую радость: незатейливая песенка, которая многим не придется по вкусу, или кусок колбасы?

Детские мечты подобны молочным зубам: белые и хрупкие, они существуют короткий промежуток времени, а затем почти без боли и крови уходят одна за другой. На их месте поселяются сероватые коренные планы на будущее, для которых вредны сладкие детские иллюзии. Как и все люди, не лишенные романтизма, Катя не выбрасывала молочные мечты в корзину забытья, а складывала на полку воспоминаний, чтобы иногда доставать и любоваться ими.

Около десяти часов утра, едва Трошина успела вылезти из кровати, в дверь позвонили. В крошечном окошке глазка улыбалась сильно искаженная оптикой и немного природой морда сутенера Бориса.

— Что ты там рассматриваешь? Это не калейдоскоп, открывай! — скомандовал он через дверь.

— Представляю, что это прицел винтовки.

Катя открыла.

— Чего так рано приперся?

— По делу. На кой хрен ты мне еще нужна.

Борис Степанович с трудом стянул с себя тяжелую замшевую куртку, из которой давно вырос вследствие хорошего аппетита (носил он ее уже лет восемь; и куда только этот прохвост девал деньги?), разулся и прошел в комнату. Он едва доставал Кате до плеча. Телосложение имел пухлое, но приятное. Всегда красное с аляповатыми чертами лицо, пожалуй, можно было назвать некрасивым. Но глаза смотрели добродушно, что удивляло, учитывая пятнадцать лет активной сутенерской деятельности за спиной отставника.

— Ну что, героиня труда и обороны, будем тебя перепрофилировать. В качестве секьюрити ты приносишь гораздо больше дохода.

— В каком смысле? — не поняла Катя.

— Не в каком смысле, а в денежном эквиваленте. Рапунцель, которую ты вчера спасла от хулиганов, так прониклась благодарностью, что прислала тебе вознаграждение в размере тысячи баксов.

— Ты гонишь!

Борис Степанович расстегнул барсетку и извлек из нее несколько зеленых купюр.

— Двести я себе взял, разумеется. Вот так-то! А он тебя еще старой называл. Я всегда говорил: старый конь лучше новых двух.

— Не на нашей борозде, Степаныч. За старую — спасибо.

— Не бери в голову. Шучу. Ты у меня еще ого-го! Месяц тренировок, и отправим тебя на бои гладиаторов.

— Это можно. Гладить я умею. Ликера?

— Да нет, я побежал. Дела.

Борис встал и положил деньги на столик.

— Пользуйся. Почини сбрую.

— Да нет, в первую очередь, седло подлатаю, чтобы ты из него не выпадал.

— Не бойсь, я удержусь.

— Да уж, не сомневаюсь.

Трошина проводила гостя, затем вернулась и взяла в руки неожиданное вознаграждение. Деньги — удивительная штука. Они чем-то похожи на капризного эгоцентричного любовника. Некоторые женщины лезут вон из кожи, а точнее — полируют, шлифуют, подтягивают и обкалывают ее, чтобы добиться благосклонности красавца. Иные денно и нощно надрыдают пупок в надежде на его внимание, и когда он, наконец, заглядывает в гости, понимают: эта маленькая победа не принесет удовольствия — слишком болит пупок. Поразительно, но часто зеленый жиголо сдается в плен без боя тем, кто для него совершенно ничего не делает. В народе это называется «везет». Вот знать бы конкретно, кто везет и где этот «кто» набирает пассажиров.

В силу профессии Кате довольно часто приходилось встречать обладателей счастливых билетов, проплывающих мимо в ярко-раскрашенных автобусах вечного досуга. Но все места в таком транспорте, как правило, уже заняты, а посторонним вход воспрещен. Отсюда, наверное, и происходит название «посторонние»: это те, кто стоит «по обеим сторонам» дороги и провожает голодным взглядом фешенебельный автобус, уплывающий вдаль на золотых колесах фортуны. Трошина, как и подавляющее большинство, мялась у обочины, лишь иногда проезжая одну остановку в качестве обслуживающего персонала.

«Это знак! — думала она. — Пора открыть депозит на магазин».

Как ни крути, а отвратительный иностранец был отчасти прав. Тридцать четыре — довольно почтенный возраст для проститутки. Сколько она еще сможет достаточно зарабатывать этим ремеслом? Три, пять лет, не больше. Кроме того, повальное и почти бесплатное раскрепощение дам самых разных возрастов и комплекций, предлагавших себя в сети за один поход в сауну или даже за бокал пива, отнюдь не способствовало успехам профессионалок на ниве секс-индустрии.

Обрадованная собственным решением заложить фундамент материально стабильного будущего, Трошина наскоро умылась, съела горячий бутерброд и одела самый неоткровенный костюм, который нашелся в ее гардеробе. Она собиралась в банк, значит, выглядеть нужно было строго и представительно. Перед выходом из дома Катя остановилась около зеркала и

скорчила очень важную физиономию. Такую, по ее мнению, носили бизнес-леди.

— Мы просмотрели ваш каталог. Возьмем на пробу сервелат и ветчину. А там посмотрим, — величественно обратилась она к вешалке. — Если задержите товар — ждите возврат, имейте в виду.

Она хихикнула и вышла из квартиры.

День выдался не по-осеннему теплый и солнечный. Витрины магазинов одежды завлекательно поблескивали в золотых лучах. Мягкий прохладный ветерок пробирался в Катины рыжие волосы и тихо нашептывал:

— Скоро придут холода, а наше старое кашемировое пальто такое.... старое! Оно нам так надоело! А вон тот полушубок — как раз то, что надо. Теплый, красивый и стоит всего шестьсот долларов.

— Ничего страшного, поносим старое кашемировое, — противилась Катя ветру в голове. — Пусть кто-то другой возьмет на свою совесть убитых зверьков. А мы отнесем деньги в банк и там их оставим.

— Банки нынче такие ненадежные! — не унимался ветер, но Катя уже прошла мимо магазина верхней одежды.

Она решила свернуть с проспекта, дабы избежать новых искушений, и оказалась в парке.

— Вот так, Трошина, ты — молодец. Не будешь опять транжирить деньги, — ободряла она себя, ступая по мягкой палой листве.

— Катя! Катя!

Хриплый низкий голос раздался совсем рядом. На скамейке метрах в двух сидела Елизавета. Неуклюже выставив на тротуар длинные тощие ноги, девушка старательно ковыряла ногтем черный капрон на правом бедре.

— Что ты делаешь?

— Стрелку.

— Зачем?

— Чтобы было одинаково.

Вета повернула острые синеватые коленки и продемонстрировала длинную стрелку на левом бедре.

— Ты что, заболела?

— Почему это?

Лизавета подняла голову. Под глазом ее виднелся сизый синяк. На нижней губе запеклась кровь.

— Мать родная! Что с тобой случилось? — Трошина села на скамью рядом с коллегой.

— Ничего хорошего. Заработать хотела. Нарвалась на каких-то уродах. Еще легко отделалась.

Бедолага вытерла потекший нос и аккуратно потрогала слегка вспухшую скулу. Движение это вышло у нее совсем детское. Так трогает разбитую коленку пятилетний мальчик. Нижняя губа подрагивает от обиды, но он изо всех сил старается сдерживать слезы, чтобы не выказать слабость перед друзьями. Трошина вспомнила, как пять лет назад после одного вызова попала в больницу. Тетя Валя ухаживала за ней три месяца. Тогда они и сблизились.

Посидев молча еще несколько минут, Трошина сняла перчатки и расстегнула сумочку.

— Лизавета. Здесь шестьсот долларов. Возьми. Этого должно хватить, чтобы погасить долг за комнату. А со Степанычем я говорю. Может, с его подачи тебя горничной куда-нибудь возьмут.

Вета часто заморгала.

— Кать, а если я не смогу отдать? Ты же меня знаешь, мне не очень везет в последнее время.

— Ну вот, будет стимул, чтобы думать головой, а не жопой. Иди домой.

— Спасибо тебе, Катечка! — Вета всхлипнула. — Я позвоню.

Проводив взглядом Елизавету, общий тонус которой значительно повысился после неожиданного финансового вливания, Трошина не спешила покидать скамейку. Она снова надела перчатки, подняла воротник пальто и поглубже втянула голову в плечи, отчего стала похожа на большую океаническую черепаху. Встреча с непутевой знакомой и воспоминание о собственном злоключении повергли ее в глубокое уныние. Кроме того, она снова изменила своей мечте, в очередной раз используя заработанные деньги не по назначению. Даже ощущение гордости за великодушный поступок не заглушало досаду на саму себя.

Каждый человек — архитектор и строитель собственной мечты. Вначале воображение размытыми линиями рисует смутный образ желаемого. Основная масса мечтателей оста-

навливается на этой стадии, не решаясь оформить свои мысли в четкий проект. Более целеустремленные переходят к конкретному плану. Они могут даже начать искать средства для его реализации. Но, встретив первое серьезное препятствие, нервно комкают чертежи и выбрасывают их в мусорную корзину. И совсем немногие доходят до того, чтобы взять в руки лопату и заложить фундамент.

Двести долларов, оставшиеся в Катиной сумочке, совсем не тянули на лопату. Максимум — на детский совочек. А таким орудием можно строить лишь замки из песка. Потому Трошина вернулась к магазинам, купила в подарок тете Вале красивую дорогую кофточку, а затем отправилась порадовать подругу.

Валентина Карпухина, проститутка с двадцатилетним стажем, жила на окраине города в небольшом ветхом домике с покосившейся крышей. Репутацию жилища спасало лишь то, что в радиусе нескольких километров все лачуги имели такой же нездоровый бледный вид. На улице Пролетарской (где и находился дом) до сих пор сохранилась мостовая, что придавало захолустью особое убогое очарование. Клиент с воображением, решивший навестить тетю Валу, вполне мог представить себя здесь франтом девятнадцатого века, который тайком от высшего общества направляется к падшей женщине подлечить свою душу, уставшую от аристократической праздности и позерства, собственного и окружающих. Романтический антураж довершал красный фонарь, висевший над дверью домика тети Вали. На самой двери красовалась табличка WC, позаимствованная ею в какой-то гостинице. Фонарь, разумеется, символизировал род деятельности хозяйки, а буквы WC, в свое время служившие на двери гостиничного туалета, теперь обозначали инициалы: Валентина Карпухина.

Подмяв под себя ноги, Трошина увлеченно поедала гренки и запивала их крепким чаем.

— Халява ты, Катька. Вечно разбазариваешь добро направо-налево. Вот какого хрена ты ей деньги отдала? — сокрушалась Карпухина.

— Что ты ворчишь? Тебе что, кофта не понравилась?

— Да понравилась. Но меня порадовать — это святое. А этой потаскухе зачем деньги дала?

— Дык, и ты ж потаскуха!

— Я — гетера.

— Балалайка ты без струн, а не гетера. Мои деньги. Захотела и дала.

— Лучше б мне дала, — тетя Валя вздохнула с сожалением.

— Обойдешься. Я тебе и так все время даю.

— Вот и правильно. И больше давай. Считаю, что платишь в пенсионный фонд.

— Это ты пенсионерка, что ли?

— Вроде того.

В маленькой опрятной кухне Карпухиной Катя просидела до позднего вечера. Она часто проводила время в доме приятельницы. Валентина была единственным человеком после матери, проявившим к ней заботу. Благодарность, которую испытывала Трошина, постепенно переросла в привязанность. Карпухина, в свою очередь, питала нежные чувства к молодой подруге. За полгода до того, как с Катериной случилось несчастье, Валентина потеряла сына. Двадцать лет ожесточенной борьбы с детским церебральным параличом окончились победой последнего. Всю свою короткую жизнь парень не ходил и, практически, не разговаривал. Когда из уст педиатра в первый раз прозвучал злосчастный диагноз, супруг Валентины решил, что он не станет тратить жизнь на воспитание инвалида. Так Карпухина осталась одна в возрасте двадцати лет. Поначалу она зарабатывала на жизнь мелким шитьем, потом набирала курсовые и дипломные работы на печатной машинке. Когда Андрею исполнилось пять, и он научился сидеть, Валентина поняла, что не может позволить себе купить даже самое простое инвалидное кресло. А на муниципальные в Зеленоморске была длинная очередь. В тот же день она дала в газету объявление:

«Познакомлюсь с состоятельным мужчиной, желающим приятно провести время».

Через месяц в доме появилось кресло. Еще через полгода — тренажеры. А в июне Андрей впервые в жизни увидел море. И улыбнулся. Тоже впервые. После двухмесячного курса лечения в санатории мальчик стал говорить «мама», «кушать», «песок» и еще несколько слов. Стыдилась ли Валентина того, каким способом она зарабатывала? Нет. Она стыдилась того, что не начала зарабатывать таким образом на пять лет раньше, когда

можно было добиться более значительных результатов в реабилитации сына.

С первого дня Катиного пребывания в больнице Карпухина не отходила от нее. Свою битву она проиграла, потому твердо решила, что выиграет чужую. После выписки она забрала Трошину к себе и, в буквальном смысле, поставила на ноги.

— Ладно, Трошка. Хромай уже домой, поздно.

Валентина собрала со стола крошки и широко зевнула, демонстрируя чудеса протезирования.

— Да, пожалуй, пора. Хочешь в кино на выходных?

— Боже упаси! Прошлого раза с меня хватило. Эти буржуйские фильмы..., — и она разразилась довольно увесистыми ругательствами. Звонок Катиного телефона прервал бранную очередь.

— Добрый вечер. Могу я поговорить с Екатериной Трошиной?

Вопрос был произнесен таким тоном, что в нем не хватало разве что только фразы «следователь НКВД».

— Я вас слушаю, — ответила Катя не без опасения.

— Вас беспокоит администратор ресторана «Метрополь». В данный момент передо мной сидит ваша сестра. Желательно, чтобы вы подъехали сейчас к нам.

— Какая сестра? — не поняла Катя.

— Елизавета Трошина.

Сознание, успокоенное домашним уютом и вкусными гренками с повидлом, начало судорожно перебирать варианты того, откуда у нее, Кати, могла появиться сестра. И, наконец, выдало: Ветка! Мало того, что идиотка куда-то опять влипла, она еще и назвалась ее родственницей. Вот это номер! Верно говорят, делай добро и бросай его в воду. Только понимать эту поговорку нужно буквально. Катя сейчас с удовольствием утопила бы непутевую коллегу.

— Если вы не приедете, боюсь, проблемы будут у всей вашей семьи, — заверил НКВДешный голос, подтверждая Катины опасения.

— Хорошо, я сейчас буду.

Через полчаса Катя уже стояла в кабинете директора самого дорогого в Зеленоморске ресторана «Метрополь». За

широким дубовым столом (пара танцоров могла бы запросто исполнить на нем сальсу) сидел сам директор. Мужчина был очень низкого роста, изрядно плешив, с невероятно свирепым выражением лица, что делало его похожим на маленького хищного зверька.

— Отлично! — рявкнул он неожиданно высоким голосом. Звонивший баритон принадлежал здоровяку, который сейчас стоял у двери, преграждая Кате путь к отступлению.

— Мы рады, что вы приняли наше приглашение, мадемуазель.

— Кто же может отказаться от такой любезности, — пошутила Катя, но никто не улыбнулся.

— Мы покорнейше просим вас возместить ресторану ущерб, нанесенный сегодня вечером вашей сестрой.

— Я рада бы помочь вашему горю, но дело в том, что у меня нет сестры, — попыталась оправдаться Трошина.

Зверек вдруг подскочил с кресла и яростно зашипел:

— Да мне все равно, кто она тебе. Если вы со мной не расплатитесь, обеим ноги повыкручиваю!

Мужичок брызгал слюной. Было видно, что он не шутит.

— Владимир, тащи сюда вторую.

Здоровяк кивнул и вышел за дверь. Зверек тем временем покинул свое место и подошел к большому плазменному экрану в углу кабинета.

— Вот, можете полюбоваться, что здесь сегодня происходило.

Коротенькими толстыми пальцами он стал нервно нажимать клавиши пульта, и на экране показался один из залов ресторана. Головы всех клиентов были обращены в ту сторону, где на круглом столе, накрытом белой накрахмаленной скатертью, выплясывала девушка в высоких ботфортах. Рядом с импровизированным танцполом сидели двое мужчин и подбадривающе кивали в такт танцу уже начинающей раздеваться горе-стриптизерше. Через мгновение появились двое охранников. Один схватил девушку за ноги, но мятежница успела подхватить со стола кувшин и со всего размаху швырнула его в стену. Массивное зеркало, в которое угодил сосуд, разбилось вдребезги, за что девушка тут же получила отменный подзатыльник. Затем ее унесли.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла Вета. Обильный слой косметики, которым был загримирован утренний фингал, потек, сделав ее похожей на призрак. Правый рукав блузки был оторван.

— Катечка, я не хотела, забери меня отсюда! — проблеяла Вета.

«Ну все, пропала, теперь мне точно не отвертеться», — поняла Трошина.

— Да, заберите ее отсюда, предварительно уплатив компенсацию за разбитое зеркало.

— Сколько? — спросила Катя, съезжившись от ожидания суммы.

— Пятьсот долларов.

Трошина подошла в Елизавете.

— Где деньги, которые я дала тебе утром?

— Нету, — всхлипнула девушка.

— А где они?

Лицо Кати приняло почти такое же зверское выражение, какое имел директор.

— Потратила на одежду, — призналась Вета и зарыдала.

Трошина едва сдержалась, чтобы не отвесить коллеге еще одну оплеуху.

— Дамы, давайте поступим так, — предложил зверек. — Мои люди проедут с вами туда, куда вам будет угодно, и заберут долг. И после этого, надеюсь, вы больше не изволите посещать наше заведение.

— Катечка, Катечка, ну прости меня, пожалуйста! — причитала Вета, пытаясь схватить Трошину за рукав пальто. Двое мордovorотов, только что забравших значительную долю Катиных сбережений, отъезжали от ее дома в темно-синем джиппе.

— Идиотка! Отвяжись от меня!

Она с досадой плюнула на асфальт и пошла домой.

— Вот тебе, мать Тереза! И шубка, и колбасный магазин. Выкуси! — снова обратилась она к своей вешалке, раздраженно стягивая грязные сапоги.

Через час Трошина уже лежала в своей кровати, укрывшись одеялом до самого носа. Таких отвратительных дней ей давно не выпадало. Снова и снова в голове прокручивались обрывки воспоминаний, фраз.

— Пятьсот долларов, пятьсот долларов, — взвизгивал в ее сознании голос ресторанный божка.

— Пятьсот грамм колбасы. Вам с чем? С изюмом или с яблоками? — спрашивало засыпающее сознание нежным сопрано продавщицы из детства.

— С яблоками, лошадь в яблоках, — вступил сутенер Борис, и вдруг Катя провалилась в глубокий беспокойный сон. Она уже не слышала, как холодный осенний дождь тихо стучал по крышам чужой достроенной мечты.

Система естественной коррекции сна

елую неделю Нину Федоровну Копчик, пятидесятилетнюю жительницу Ялты, мучила свирепая бессонница. Начиная с понедельника и до самой пятницы в общей сложности ей не удалось поспать и двадцати часов. Поначалу она пыталась применить хитроумную медитативную практику, о которой прочла в местной газете. Суть снотворного упражнения состояла в «максимальной релаксации, достигаемой созданием в воображении приятной альтернативной реальности». Стиснув зубы и покрывшись испариной, Нина Федоровна изо всех сил представляла, как ее тучное тело легко парит среди мягких белоснежных облаков. Но в самый ответственный момент, когда обещанная релаксация, казалось, уже была очень близко, в голове вдруг начинал методично бубнить голос актера Леонова: «Я — тучка, тучка, тучка. Я вовсе не медведь...».

Основной причиной досадного расстройства Нина Федорна считала полкилограмма отборного сала, привезенного ее сестрой из Винницы. Продукт отличался отменным качеством и обладал такой притягательностью, что исчез из холодильника так быстро, как капли слепого дождя высыхают на стальной крыше.

Тем не менее, сало было лишь ложкой меда в бочке дегтя, которую судьба преподнесла Нине Федоровне в ту злополучную неделю.

Все началось в понедельник, когда ранним утром позвонила подруга Люся:

— Хеллоу! — триумфально прогремел прокуренный голос на другом конце провода.

— Чего? — не поняла Нина.

— Хеллоу, говорю, ликбез!

— Что за буржуазные выходки, Люсинда?

— Ты сейчас сидишь, старая злюка? Если нет, то отыщи сконее табурет покрепче.

— Да что у тебя стряслось?

Люся выдержала коварную паузу.

— Помнишь, я говорила, что зарегистрировалась в одном брачном агентстве?

— Помню. Ты каждый день об этом говоришь, Люся.

— Так вот, вчера вечером они позвонили! Мною заинтересовался один почтенный англичанин. Зовут Джеймс. Бизнесмен, пятьдесят пять лет.

— А ты ему зачем? Для опытов?

— Очень смешно! В эту субботу он приедет со мной знакомиться. Ну, правда, не только со мной..., — Люся замешкалась, — но я не сомневаюсь, что он выберет именно меня.

— Да уж, какие тут сомнения?!

— Опять язвись?

— Нисколько. Ты хоть и просроченная слегка, а еще ого-го. Волосы у тебя красивые, и глаза, и ноги, и жопа.

— И душа.

— И душа, — согласилась Нина.

Еще не меньше часа Люся рассказывала о замечательных перспективах, которые, увитые розовыми ленточками, ждали ее в лондонском аэропорту и ненавязчиво помахивали таблич-

кой с надписью «Миссис Люси Джеймс». Сама Нина Федоровна ни разу не бывала дальше родины сала, которым объелась накануне, и потому потенциальная эмиграция близкой подруги задела ее до глубины души.

К утру вторника, когда она уже практически смирилась с тем, что кому-то везет, а кому-то — нет, по телевизору объявили прискорбнейшее известие: любимый актер Нины Федоровны, который еще недавно стремительно шел на поправку после болезни, скоропостижно скончался, до «поправки» так и не добравшись.

В среду после изнурительного рабочего дня в статуправлении Нина решила снять стресс обновкой. В одном из стоковых магазинов она приобрела черную кофточку с белыми стразами и знойным декольте. Обновка исключительно шла Нине, и уже дома, вертясь перед зеркалом в целях душевной терапии, она с ужасом обнаружила, что на груди не хватает доброй половины страз. Досадный брак создавал впечатление странной асимметрии: одна грудь казалась размера на два больше другой. Решив исправить положение, Нина Федоровна начала отковыривать остальные камешки и проделала сквозную дырку, в которую запросто пролазил указательный палец. Угрюмо глядя на смертельно раненый предмет гардероба, она думала о том, что эта кофточка — точно сама жизнь. Вначале она радуется свежестю и новизной, а потом что-то (или кто-то) из нее исчезает. То, что осталось, больше не приносит удовольствия, но если отринуть и это последнее — вовсе останется дырка. Сиди, просовывай пальцы в отверстие и крути дули. Вот и все! В унисон со своими мыслями Нина Федоровна скрутила кукиш и показала собственному отражению в зеркале.

Утро четверга вновь принесло неприятные известия. Мелкие и крупные предприниматели страны без объявления войны одновременно подняли цены на гречку. Теперь один килограмм питательного продукта стоил столько, будто его производили вовсе не из гречихи, а из смуглых темноволосых греков, которых импортировали по чрезвычайно высокой цене.

Пятница стала апогеем бедоносной недели. Вечером Нина Федоровна принялась купать своего песика Крузика. Свое весьма нетрадиционное имя скотч-терьер-полукровка получил вовсе не от персонажа незабвенного телесериала «Санта Бар-

бара». Полное его имя звучало гордо — Крузенштерн. С самого младенчества он был бородат, а не совсем чистую породу компенсировал врожденной чистоплотностью и любовью к водным процедурам. После плавания в наполненной до краев ванной коротколапый адмирал решил самостоятельно сойти на берег и со всего размаха пришвартовался на кафельном полу. Когда вызванный на дом ветеринар накладывал лангету, Круз тихонько попискивал, виновато глядя в глаза хозяйке. А впереди была еще одна бессонная ночь.

Лицо, глянувшее на Нину Федоровну из старенького трельяжа поздним субботним утром, могло бы иметь ошеломляющий успех в комнате страха какого-нибудь парка развлечений. В голове Нины Федоровны опять возник образ свинки, злополучным салом которой она объелась неделю назад. Должно быть, несчастный хрюк, лежа на смертном одре, выглядел примерно так же, как она сейчас. Нина с раздражением потыкала указательным пальцем в отекающие скулы и произнесла вслух:

— Хрю. Хрю-хрю.

С трудом добравшись до кровати, где под одеялом отдыхал Крузик, она снова собралась лечь, как вдруг в прихожей раздался звонок. Бесхвостый адмирал ленно поднял голову и тявкнул что-то вроде: «Кого это принесло в такую рань?»

— И не говори! — согласилась Нина с многозначительным «тяв». — Не переживай, Крузенштерн. Это ненадолго. Сейчас открою, они испугаются и убегут.

У новоприбывшего, однако, оказались крепкие нервы. Он вовсе не бросился бежать, когда взлохмаченная голова хозяйки выглянула из-за двери. Напротив, мужчина приветливо улыбался, придерживая одной рукой громадный пакет, стоявший у его ног.

— Доброе утро! Прошу простить меня за вторжение. Повидимому, я разбудил спящую красавицу.

Нина Федоровна удивленно хмыкнула и полностью раскрыла дверь.

— Не разбудили. Красавица, — после этого слова Нина Федоровна сделала паузу и почесала затылок, изобразив на лице ироническую улыбку, — уже неделю почти не спит. Чем обязана?

— Вы, наверное, видели меня здесь. Я — Владимир, ваш новый сосед. Живу в двухкомнатной, через стенку от вас. Так вот,

сегодня утром я уходил на рынок, захлопнул дверь и только потом обнаружил, что забыл ключи на столике в коридоре.

— Досадно. У меня квартира хоть однокомнатная, но на кухне есть удобная тахта. Холодильник купите отдельный, — пошутила Нина Федоровна.

— Действительно? Так это я очень удачно забыл ключи! — сосед тихо засмеялся, весело сверкая глазами и застенчиво прикрывая рот рукой.

«Интеллигент», — подумала Нина.

— Полагаю, вы хотите проявить акробатические способности и перелезть на свой балкон?

— Боюсь, другого выхода у меня нет.

— Ну что ж, пойдемте, подстрахую.

Владимир въехал в свою квартиру около месяца назад. Полковник в отставке, по всей видимости, жил один. Никому из местных кумушек не удалось разузнать, был он холост или вдов. Мужчина всегда любезно приветствовал все любопытное дворовое братство, иногда задерживался у подъезда и вел приятную беседу на отвлеченные темы, но никогда не делился подробностями своей биографии. За это местные сразу же присвоили ему кличку «мужичок в футляре». Следовало, однако, признать, что «футляр» был всегда подобран со вкусом и отличался исключительной опрятностью.

— Будьте осторожны! — подбодрила Нина соседа, который медленно перебирался на свой балкон, крепко вцепившись в перила. — Не оставьте мокрое красное пятно на репутации нашего дома высокой культуры быта.

Сосед задорно хихикнул.

«Теперь-то слабо рот ручонкой прикрыть?» — злорадно подумала Нина.

— Хорошо, что я еще не успел застеклить балкон, — сказал сосед, добравшись до места. — Вы себе не представляете, Ниночка, как я вам благодарен.

— Да не за что. У нас с вами очень неплохо получилось. Когда выйду на пенсию, давайте вместе домушничать, Владимир, чтобы не умереть с голода и застеклить не только ваш, но и мой балкон.

— Почему бы и нет. С такой женщиной не страшно и в разведку.

— Спасибо за комплимент! До свидания! — Нина легко помахала рукой и повернулась, чтобы уйти.

— Нина Федоровна, постойте!

«И отчество знает? Наверное, был шпионом!» — заключила Нина про себя и снова вернулась к перилам.

— Вы, кажется, сказали, что плохо спите в последнее время?

— Есть такое.

— Если сегодня вечером вы свободны, приглашаю к себе на ужин.

— Вы думаете, я не сплю от недоедания? — Нина почувствовала себя неловко, решив, что полковник не понял шутку про пенсию.

— Да нет, конечно..., — Владимир замялся. — Дело в том, что я могу поделиться с вами одним секретом. Если последуете моему совету, будете спать, как младенец.

— И в чем же секрет?

— Об этой методике нельзя рассказать в двух словах.

— Но как она называется?

Владимир многозначительно посмотрел на Нину Федоровну.

— Система естественной коррекции сна! — объявил он, наконец, важным тоном. — Так что, придете?

— Пожалуй, приду! Что я теряю?

— Совершенно ничего. Жду вас в семь, идет?

— Идет.

Владимир игриво подмигнул и скрылся за перегородкой.

В последний раз приглашение на ужин Нина Федоровна получала не менее десяти лет назад, когда ее муж, Степан Копчик, еще копил грешную землю. Звучало оно примерно так:

— Ты мне дашь закусить, кобыла бенгальская, или нет?

— Облезешь, алкаш. Чтоб ты сдох! — неделикатно отклонила Нина предложение супруга.

Не дожив пару месяцев до сорока пяти лет, Степан внял рекомендациям жены и, слегка опохмелившись по ошибке антифризом, скоропостижно усоп, освободив полезную площадь. С радостью и всеми необходимыми почестями предав тело Копчика земле, Нина, наконец, зажила спокойной жизнью, на-

полненной работой, долгими прогулками с Крузиком и общением с парой одиноких подруг.

Неожиданное утреннее вторжение соседа и предстоящий ужин не на шутку взволновали вдову. Может быть, никакого интимного подтекста, в действительности, не было, и сосед всего лишь собирался поделиться с ней какой-нибудь вычитанной в газете ерундой? Многие военные, которых отставка привела в мир гражданских проблем, доверчивы, словно дети, и принимают за чистую монету все, что давно отринуто гражданскими. Или, чего доброго, окажется, что Владимир, сдав казенную портупею, для поддержки штанов подался в сетевой маркетинг и весь вечер будет рекламировать какой-нибудь вазелин, переименованный и упакованный в дорогие баночки. Перед глазами Нины Федоровны встал образ соседа, облаченного в приталенный бордовый костюм, в туфлях на шпильке и с фирменным золотым кулоном на шее. Кончиками указательных пальцев он наносит под глаза вазелин и говорит мерзким тоненьким голосом:

— Попробуйте и вы, милочка, это незабываемые ощущения! Вы прямо почувствуете, как морщинки разглаживаются, кожа свежеет и молодеет. Кроме того, у нас сегодня акция! Если вы приобретете две баночки нашего чудесного «Ультравазелина», то третью получите в подарок!

— Спасибо, дорогая, — слащавым голосом отвечает Нина Федоровна воображаемому консультанту-трансвеститу. — Третью я оставляю на работе. У нас как раз меняется начальство, так что мне понадобится.

Громко фыркнув, она откинула идиотские мысли. Как бы там ни было, а предложение уже принято, и идти придётся.

Переверошив кладовку и все ящики со старым барахлом, Нина нашла черную шелковую ленту, которой повязывала голову на похоронах мужа. Ловко скрутив что-то наподобие цветка и вшив в середину крупную искусственную жемчужину от старых бус, она пришила ее на дырку, сделанную в новой кофточке. Атрибут нивелировал асимметрию и, казалось, был задуман самим производителем.

— Хоть какая-то от тебя польза, Степаш-алкаш, — произнесла вслух Нина, поглаживая гладкую поверхность самодельного украшения.

После маски из свежих огурцов и прохладного душа она перестала чувствовать себя жертвенным хряком.

Входная дверь полковничьей квартиры напоминала вход в хранилище национального банка: это было массивное металлическое укрепление с тремя замками. Нина не удивилась бы, если бы внутри оказался засов. Она нервно поправила аккуратно уложенные пахнущие парфюмом каштановые волосы, но звонить не стала. Вместо консультанта на шпильках в голове вдруг возник Ганнибал Лектер, сбежавший из американской тюрьмы строгого режима и поселившийся в живописной Ялте, которая каждое лето до отказа наполнялась добычей самых разных возрастов и национальностей. Ведь о том, что она отправилась к малознакомому соседу на ночь глядя, не знал никто, кроме Крузенштерна. Можно было вернуться и сказать соседке тете Майе. Но делать этого не хотелось, так как информация, полученная тетей Майей, в течение пятнадцати минут вещалась во все близлежащие районы города, а также в Хайфу, Тель-Авив и несколько регионов Российской Федерации. Звонить подруге Люсе представлялось и вовсе нецелесообразным. В тот день она должна была знакомиться с англичанином, и, скорее всего, даже не сняла бы трубку.

Так Нина Федоровна и стояла в раздумьях, а в богатом ображении сосед уже аккуратно срезал верхнюю часть ее черепной коробки. Причем делал он это почему-то маникюрными ножничками от производителя «Ультравазелина».

Внезапно фортификационное дверное укрепление издало надрывный скрип и отворилось. На пороге стоял Владимир, одетый в черный джемпер и темно-синие джинсы. Поверх был повязан темно-красный фартук.

«Это для того, чтобы было видно следов крови», — пропульсировало в ее голове.

— Добрый вечер, Ниночка, вы как раз вовремя. Мясо «А-ля Чекушин» только что приготовилось.

— Чекушин — это, следует полагать, вы?

— Так точно! — сосед вытянулся по стойке смирно.

Осторожно ступая, Нина прошла вглубь коридора. Алкогольная фамилия соседа вновь напомнила о муже, отчего она невольно поморщилась.

— А давайте перед ужином по бокалу «Массандры»? Я кроме вина больше ничего не употребляю, — предложил сосед, будто прочитав ее мысли.

— А вы не забудете постулаты этой вашей системы коррекции после вина?

— Нисколько. Напротив, это даже поможет.

— В чем поможет? — не поняла Нина.

— Расслабиться, конечно.

Новое подозрение закралось в голову гостии. Что, если полковник занимается тонкими практиками и предложит экстравагантные процедуры, подразумевающие раздевание? У Нины Федоровны было два бюстгалтера: один — новый, ажурный, с черной сеточкой, второй — такой же модели, но на три года старше. От долгой эксплуатации из него в разные стороны торчали черные нитки, как шерсть на морде Крузенштерна. Медленно пережевывая сочную свинину «А-ля Чекушин», Нина Федоровна изовсех сил пыталась вспомнить, какой из предметов нижнего белья она надела перед выходом.

Время шло, сосед болтал без умолку, рассказывал о своей жизни, но о главной цели их вечернего свидания не упоминал.

Когда деревья за окном скрылись в толще ночной темноты, Нина Федоровна осмелилась спросить:

— Владимир Александрович, а как же обещанная система коррекции?

Сосед неожиданно смутился, встал и заходил по комнате, освещенной зеленым бра. Через минуту он снова сел за стол.

— Ниночка, вы..., — он отпил еще глоток вина. — Я живу здесь совсем недавно, но с самого начала обратил на вас внимание. Вы — просто очаровательная, умная, красивая женщина.

Он немного помолчал.

— Я должен признаться: утром я не терял ключей. Это был предлог, чтобы завязать знакомство.

Нина Федоровна, румяная от вина, еще больше покраснела. Ее глаза весело заблестели, и консультант с Ганнибалом окончательно улетучились.

— Это что же получается, раньше мужчины лазали к дамам в окна, а теперь — ИЗ окон?

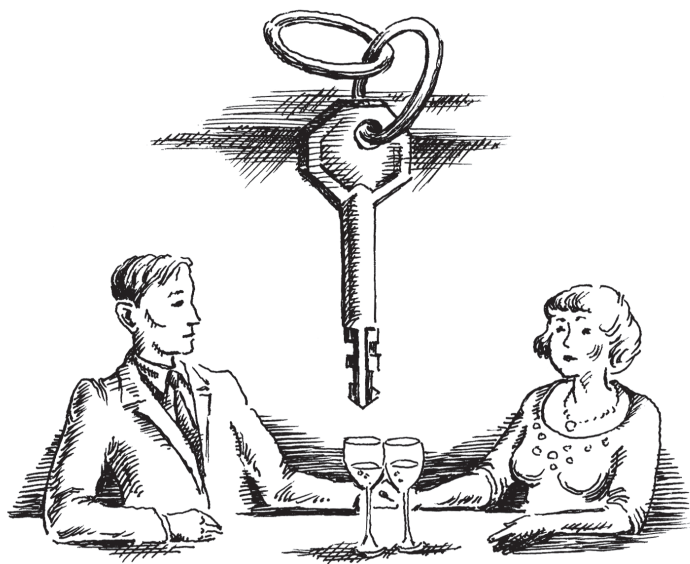
— Получается. Более подходящего повода я не нашел.

— А как же эта система естественной коррекции сна?

Владимир наклонил голову и интригующе заулыбался.
— Здесь все дело в аббревиатуре, Ниночка.

Несколько секунд Нина Федоровна слагала вместе первые буквы, затем звонко рассмеялась. Сосед тоже смеялся, аккуратно взяв ее за руку.

Больше Нину Федоровну Копчик не мучила бессонница. Теперь она, действительно, спала, словно младенец. И кто бы мог подумать, что причина нарушения сна может заключаться во все не в переедании, не в душевных переживаниях, а в том, что вы ложитесь спать не в той квартире.

По дороге с облаками

просите нескольких человек о самом необыкновенном путешествии в их жизни. Наверное, все они станут вспоминать то время, когда довелось им отправиться за многие сотни километров от дома. Сибиряк с теплотой и нежностью вспомнит, как при свете песочной луны гулял по ялтинской набережной и вдыхал запах искрящегося ночного моря. Крымчанин расскажет о том, как поразили его величественные московские соборы и простор столичных площадей. Москвич же, не исключено, с удовольствием поведает о прогулке на тайландском слоне и будет вдохновенно описывать статую золотого Будды.

Самое необыкновенное путешествие в моей жизни заняло не более трех часов. А было все так.

Ранним утром меня разбудил телефонный звонок.

— Могу я услышать Алену Сергеевну Борисову?

Бодрый альт врезался в помятое подушкой ухо, будто зубочистка.

— Это я.

«Я» получилось хриплое, отвратительное. Такое «я» могла бы изрыгнуть разве что пропитая старушка, проснувшаяся внутри мусорного бака. Впрочем, после выпитой накануне вечером бутылки дешевого вина при полном отсутствии закуски и компании было глупо и несправедливо ожидать от своих связей лирического сопрано Лары Фабиан.

— Вас беспокоит турагентство «Авигея». Если вакансии переводчика все еще вас интересует...

— Интересует! — прохрипела я, не позволив голосу окончить фразу.

Черт возьми, меня ничего не интересует так, как вакансии переводчика! После развода с мужем прошло уже три месяца, а я только и делаю, что хожу по собеседованиям и непрестанно дергаю за хвост свою тоску, которая больно кусает меня в ответ. Укусы лечу спиртным, на которое вчера потратила последнюю сотню.

— Очень интересует, — повторила я спокойней, чтобы не спугнуть кадровика.

— В таком случае, ждем вас сегодня не позже двенадцати.

— Двенадцати?

Я глянула на старые часы, доживавшие пятый десяток в коридоре над трельяжем. Побледнев от испуга, они показывали восемь утра. Но гораздо страшнее было то, что смотрело на меня из зеркала: возьмите сильно переваренный яичный желток, проколите в нем две глубокие дырки в виде глаз, а на место рта прикрепите кусок репчатого лука. Это даст вам довольно реалистичное представление о том, как выглядела я тем утром. Рыхлая землистая кожа, ввалившиеся глаза, бледные сухие губы. Гарпии разлетелись бы в страхе. Только то обстоятельство, что владельцы бизнеса в наших краях, как правило, не платили работникам больничное пособие, позволяло надеяться на удачный исход предстоящей встречи.

— Какие документы понадобятся на собеседовании? — спросила я после опасно затянувшейся паузы.

— Есть один нюанс.

Голос звонящего вдруг стал мягким и угодливым:

— Это будет не собеседование.

Я снова глянула в зеркало. Дела обстояли хуже, чем можно было подозревать. На «несобеседование», что бы это ни было,

я с трудом годилась и после недели, проведенной в стеклянной трезвости.

— В каком смысле?

— Дело в том, — стал объяснять кадровик, — что в нашем городе сейчас проходит международный музыкальный фестиваль. Ну, вы в курсе, да?

— Да, конечно же, — уверенно соврала я.

— Каждый день прибывают новые делегации, и переводчиков катастрофически не хватает. Сегодня нужно встретить китайскую группу в полвторого. Иногородним сотрудникам предоставляется гостиница. Так что, вы, можно сказать, попадаете с корабля на бал.

Да уж. Укачало меня вчера сильно, хоть корабль в мою бухту не заходил.

— Если достойно проявите себя в течение этой недели, — продолжал уговаривать кадровик, — мы гарантируем постоянное трудоустройство.

По тону его ощущалось, что необходимость найти переводчика была очень острой. Так случается, когда кто-то из нанятых людей отказывается от работы в самый последний момент.

— Так что, мы на вас рассчитываем?

— Конечно же! — согласилась я.

Тогда кадровик продиктовал адрес и быстро повесил трубку.

Итак, до назначенного времени оставалось около четырех часов. Дорога займет три часа, значит, для того, чтобы превратиться из тыквы в Золушку, у меня был всего час.

Минут на двадцать я погрузилась в до одури ароматизированную ванну. Если в вашем гардеробе есть поношенная кофточка, и одеть больше совершенно нечего (а именно так обстояло дело с моим телом), то ее следует хорошенько выстирать и ароматизировать. Благоухание непременно сгладит впечатление, которое о ней составят глаза окружающих.

После ванны я старательно загримировала переваренный желток и надела свой единственный приличный наряд — плиссированную синюю юбку до середины колена, белую блузку из трикотажа и лакированные туфли-лодочки. Волосы собрала на затылке в крепкий пучок.

С трудом найденный под кроватью кошелек был пуст, словно жилище монаха-отшельника. Суммы, собранной по карманам

курток и брюк, хватало на автобусный билет в один конец. Если что-нибудь пойдет не так, возвращаться домой придется, разве что, пешком. И на обед не было ни гроша. Окажись делегаты жадные (а так бывает довольно часто), тогда мне придется не сладко. Вернее, не сытно.

Однако выбирать не приходилось. Никто не собирался осипать меня предложениями работы, а друзья, даже самые близкие, уже не снимали трубку, опасаясь, что я снова попрошу денег в долг. Потому, бросив в сумку обнаруженные в глубине хлебницы суховатый кусок батона и карамельку, я перекрестилась перед зеркалом и отправилась на автобусную станцию...

Маленький пустошевский автовокзал задыхался от пыли и выхлопных газов. Счастливые энергичные новоприбывшие резво перетягивали разноцветные сумки. Их глаза горели в предвкушении отдыха. Те же, кто уже отдохнул, медленно и устало ползли к своим автобусам, дабы отправиться в родные города.

От касс, словно от сорнякового семени, тянулись длинные отростки очередей.

«Не успею!» — решила я и побежала к автобусу, чтобы искусить водителя взяткой и пристроиться хотя бы на ступеньках. Работа переводчика — билет в новую жизнь. Безбилетный проезд в автобусе по сравнению с этим — сущий пустяк.

Но водитель, толстый усатый дядька с орлиным носом и равнодушным взглядом, отрезал, не глядя в мою сторону:

— Я не обилечиваю. Идите в кассу.

— Но я не успею до отправления!

— Ничем не могу помочь. Контролер зайдет, я штраф из-за вас платить буду.

Злобно пнув подножку, я снова побежала в заросли сорняка, которые за минуту моего отсутствия дали новые бурные побеги. До отправления оставалось не больше четверти часа. Люди толкались, потели, злились, ругались, подгоняли друг друга, без нужды толкали вперед сумки, оцарапывая голые лодыжки окружающих, будто это могло ускорить продвижение очереди. Пару раз меня больно ткнули локтем под ребра и раз даже дернули за пучок на затылке.

«Через тернии к звездам», — думала я и терпела молча.

Когда огромная, словно борец сумо, кассирша уставилась на меня через залапанное стекло, до отправления оставалось три минуты.

— До Зеленоморска! — истерично крикнула я в арочное отверстие.

— Отправление через два часа, — равнодушно сообщила тетка и начала бить по клавишам.

— Нет! Мне на тот, что через три минуты!

— Вы не успеете.

— Успею.

Она пожала плечами и подобрала из металлической лунки все мои оставшиеся деньги.

Пробираясь через толпу, я отчаянно толкалась локтями, не без злорадного желания отомстить за последние пятнадцать минут страданий. Пучок на затылке ослаб и беспорядочно болтался, юбка подскочила под самую грудь, а лодочки надрывно скрипели, угрожая потерять стертые подошвы.

— Пустите! Опаздываю. Пус-ти-те! — требовала я, не переставая работать локтями.

Выбравшись из здания вокзала, я во весь опор пустилась к автобусу, который уже выехал со стоянки и медленно двигался прочь.

— Стойте! Стойте! — кричала я, размахивая сумкой, словно белым флагом. — Остановите его! Помашите ему!

Но люди, удобно сидевшие за укреплениями из своих саквояжей, пакетов и котомок, лишь глядели на меня с интересом и иронией и оставались неподвижными, как восковые фигуры.

— Чтoб вы все расплавились, — прохрипела я, когда автобус, вильнув толстым красным задом, исчез за поворотом.

Чувство досады и обиды на себя и весь мир истерично металось внутри моей грудной клетки, глухо и больно ударяясь о ребра широким лбом, пока я стояла посреди дороги с бессильно опущенными руками.

Поработала переводчиком. Перевела последние деньги и, не исключено, единственную возможность получить приличную работу. Мысль о накопившихся долгах давила, как воды океана на погружившуюся субмарину. Но я была сделана не из стали или титана, и рисковала в скором времени быть раздавленной в лепешку.

По сути, в тот момент я имела гораздо больше моральных прав на самоубийство, чем Анна Каренина или Эмма Бовари. В отличие от меня, первая не наделала столько долгов, а рядом со второй был преданный любящий муж.

Но смерть под колесами автобуса оказалась бы гораздо менее живописной и значительной, чем гибель на рельсах, а в столовой автовокзала едва ли подавали мышьяк.

— Дочка!

Звучный приятный голос отвлек меня от тяжелых размышлений. Принадлежал он невысокому полному мужчине среднего возраста. Круглая лысая голова с черными вихрами волос над ушами, большие, глубоко посаженные глаза и огромный живот делали его похожим на бамбукового медведя. На незакомце была льняная серая рубашка и темные брюки, пузырящиеся на коленях.

— Тебе куда ехать? В Зеленоморск? — снова заговорил он. Тогда я отметила необычную черту: глаза незнакомца обрамляли длинные густые ресницы. Таким позавидовала бы любая модница, но на лице Бамбукового Медведя они смотрелись странно, придавая, однако, мягкость и доброту его взгляду.

— В Зеленоморск, — согласилась я.

— Я тебя довезу, — радостно сообщил дядька и кивнул в сторону стареньких «Жигулей» грязно-голубого цвета.

— Не довезете, — покачала головой я. — У меня нет денег. Ни копейки.

— Зато у меня есть «Копейка».

Он снова указал на железную клячу.

— Я все равно еду в Зеленоморск. Довезу бесплатно.

Предложение привело меня в замешательство. На наших вокзалах не часто встречаются люди, занимающиеся бесплатным извозом. Такого Бамбукового Медведя уж точно следует занести в Красную книгу.

А что, если он — извращенец? Сейчас усядусь в машину и все. Пропала Алена Сергеевна.

— Я в Зеленоморск к сыну еду. У него ребенок родился. Внучка моя, — пояснил мужчина, будто угадав мои опасения.

Все-таки, на извращенца он не был похож. Взгляд ясный, добрый. Тело громоздкое. Он, вероятно, совсем неуклюжий и медлительный. Сексуальный маньяк из такого — не ахти какой.

— Спасибо. Вы меня очень выручите, — согласилась я.
— Тогда, трогаем!

Несмотря на почтенный возраст, «Копейка» была чрезвычайно ухожена. В салоне замечательно пахло чем-то вроде чайной розы. Уже через двадцать минут, пробравшись через городские пробки, мы выехали на шоссе и покатали в сторону морского берега. Летний ветер забивался в приоткрытое окно теплыми шелковыми лоскутами и приятно щекотал щеки и лоб. Разноцветные пригородные домики радостно бежали навстречу. Поравнявшись с нами, они на короткое мгновение останавливались, приветливо сверкали окнами и тут же пускались дальше, чтобы встречать следующих проезжающих.

Так же внезапно, как лазурная волна уносит с ладони горстку гладких камешков, с души моей сошла тяжесть.

— Какой хороший сегодня день, правда? — воскликнула я громко, сама себе удивившись.

— Все дни хорошие, — ответил толстяк и улыбнулся мне в зеркало заднего вида.

— Нет. Не все.

— Все, — настойчиво повторил он. — Просто это не сразу понимаешь. Как, например, звезды. Все они яркие, но об этом узнаешь только, когда их свет доходит до тебя.

Я кивнула, не желая спорить, хоть и подумала, что последние дни моей собственной жизни отличались отнюдь не чистым мерцанием далеких гигантов, а гадким душком неприятностей, которые Судьба наложила под самый мой порог. Для такого несварения она, должно быть, долго питалась салатиками в отделе кулинарии одного из местных супермаркетов.

Тем не менее, тогда, удобно устроившись за спиной своего случайного знакомого, я вдруг почувствовала, что устала себя жалеть. Еще минувшим утром казалось, что на сердце у меня — глубокое озеро тоски. Она медленно испаряется в солнечные дни и скоро возвращается проливным дождем. Но стоило мне покинуть Пустошев, как оказалось, что этой самой тоски осталось не больше стограммового стаканчика, который я осушила, не закусывая. Как самый отпетый алкоголик — увидела дно стакана, с той лишь разницей, что от этого полностью протрезвела.

Одну за другой, я вынула из пучка шпильки, больно тянувшие виски и затылок, отпустила волосы, и шелковые лоскуты ветра тут же впелись в них, заставив танцевать вместе с собою. Толстяк снова поглядел в зеркало:

— Голодная, небось?

— Да не то, чтобы...

— На сидении около тебя сверток с пирогом. Поешь.

Под самым моим боком, действительно, лежал рулет, аккуратно завернутый в белую бумагу. Удивительно, как я раньше его не заметила. Он издавал такой соблазнительный запах, будто его достали из печи секунду назад. Без лишнего стеснения я отломила огромный кусок и принялась есть.

— Ничего себе! Вот это вкусотища! Последний раз я такой у бабушки ела лет тридцать назад.

Но толстяк не слушал меня. Его внимание привлекло что-то впереди по курсу.

— Смотри. Твой брат по несчастью.

Я проследила за коротким белым пальцем и увидела бродягу, уныло сидевшего на обочине. Брат? Неужели мой вид был настолько плох?!

— Он тоже опоздал на твой торопливый автобус.

— Откуда вы знаете?

— Мне так кажется.

С этими словами дядька нажал на тормоз, и «Жигуленок» причалил к высокому пыльному бордюру, протянув метров десять от того места, где сидел бомж.

— Эй, любезный? Можешь подойти? — зазвенел мой благодетель, высунув лысую голову в открытое окно.

Мужчина нехотя повел глазами, затем медленно встал и поплелся в нашу сторону, оставив на месте свои грязные пожитки.

— Чего вам?

— Тебе ехать надо?

Ну вот, все ясно! Медведь этот — никакой не вымирающий вид и не извращенец. Обычный умалишенный на почве альтруизма. Сейчас наберет полную машину криминального элемента и подведет под монастырь и себя, и Алену Сергеевну.

— Ну, надо. И что? — грубо ответил бомж.

— Если в Зеленоморск, то нам по пути. Можем подвезти.

На пятнистом лице бродяги изобразилось удивление. Наверное, перевозку на попутках ему предлагали не чаще, чем мне — работу. Наконец, почесав грязную голову, он сказал:

— Подождите тогда. Я вещи возьму.

И поплелся назад к своим убогим вещмешкам.

— Мы что, его подвозить будем? — недоверчиво спросила я, будто не поняла состоявшийся только что разговор.

— А почему бы и нет? — удивился благодетель.

— Он же, вроде, бомж.

— Да хоть Папа Римский! Что ж ему теперь, ехать никуда нельзя?

— Ну, знаете, от Папы Римского, наверное, получше пахнет!

— А тебе почем знать? Ты нюхала, что ли?

Дело принимало неприятный оборот. Новый попутчик погрузил в багажник пару мешков, затем уселся на заднее сидение рядом со мной, прихватив с собой гитару в черном чехле. Я вплотную придвинулась к двери, чтобы не измазать о неряху белую кофточку, и отвернулась к окну. С одной стороны, высказывать недовольство в моем положении было большой наглостью: мало того, что меня бесплатно везли на место назначения, еще и накормили вкуснейшим пирогом. С другой — и благотворительность должна иметь разумные пределы. Что, если этот бездомный болен чем-то опасным?

— Я голосовал... Но автобус не остановился. Зараза! — внезапно заявил пассажир.

— А мы так и подумали, что ты пропустил свой рейс.

Альтруист быстро глянул через левое плечо и лукаво мне подмигнул.

— На что тебе в Зеленоморск, сынок?

Мужчина ответил не сразу. Я воспользовалась заданным вопросом, чтобы обернуться и рассмотреть его. Лет ему было не больше сорока. Лицо длинное, с опущенными уголками губ, вялой бородкой и слегка раскосыми глазами. Довольно унылое, в общем-то, лицо. Длинные волосы с проседью были собраны в хвост и перевязаны ветхой серой резинкой. Несмотря на жаркую погоду, одет он был в длинный темно-зеленый плащ, слишком широкий в плечах.

— Дело есть.

Он нервно передвинул гитару.

— Какое? — привязался благодетель.

Надо же, у меня он даже имени не спросил, а тут такое участие! Видно, чем дряннее выглядит объект его сверхъестественной доброты, тем больше заботы он проявляет. Меня пирогом угощал, а этого, чего доброго, в фешенебельный ресторан пригласит.

— Курить тут можно?

— Если дама не против, — согласился толстяк.

Не дожидаясь моего одобрения, бродяга вынул из-за пазухи сигарету без фильтра и закурил. Затем сильно затянулся, сощулив один глаз, и сплюнул в окошко. Гадость-то какая!

— Дело гиблое, — сбивчиво начал он. — Туда один воротила шоубизнеса приезжает. Он моему отцу кое-чем обязан был. Давно еще... Я музыку пишу.

Вот-те на! Музыку? Я удивленно уставилась на «ароматного» пассажира. Он же замолчал, будучи, по всей видимости, не слишком разговорчивым.

— Значит, ты хочешь, чтобы этот человек помог тебе продвигаться? — спросил альтруист серьезно, будто разговаривал с достойным кандидатом в эстрадные деятели.

— Хрен он мне поможет! — снова плевков в окно. — Еще десять лет назад запись посылал. Никто не ответил. У них сейчас только сиськи в цене.

При последних словах он бесцеремонно ткнул пальцем в мой еле второй размер, притаившийся под кофточкой. Я раздраженно повела плечом, отгородившись от наглеца, и процедила злобно:

— Чего же вы тогда туда намылились? Хотя, если бы вы хоть раз в неделю мылились, шансов было бы больше!

Вместо того, чтобы сказать в ответ какую-нибудь колкость, пассажир оглядел свой несчастный зеленый лапсердак, будто видел его впервые, уныло пожал плечами и отвернулся.

— А мне кажется, все у тебя получится, сынок. Музыку пишешь, наверное, хорошую. А это главное. Может быть, споешь чего? Веселее будет ехать.

Вопреки моим ожиданиям, грязнуля не отказался спеть. Даже напротив: его явно обрадовала просьба нашего благодетеля. Он сразу же выбросил сигарету в окно и закрыл его, вероятно, для лучшей акустики. Затем проворно и быстро, как

опытная вязальщица накидывает петли на спицы, справился с молниями на чехле и достал гитару — неожиданно ухоженный блестящий инструмент. Мягко цепляя струны и прислушиваясь, он покрутил колки, и, наконец, сказал, прокашлявшись:

— Ангелы.

Потом начал играть. Грустные и, в то же время, светлые звуки полились из-под его пальцев. Мотив плелся сложным изящным узором, аккорд за аккордом, петля за петлей, и, когда вступление подошло к концу, музыкант запел. Голос у него был тихий, но очень звучный. С первых же нот он заполнил все пространство вокруг меня так, что по телу пробежала дрожь:

На спине моей длинные шрамы,
Это от плети... или от крыльев,
Отзвук далекой, жестокой драмы,
Я знаю, ты помнишь, как это было...

Мне вдруг стало совестно за свое неприязненное отношение к нему. Такое чувство приходит иногда, если человек, о котором ты по какой-то личной причине отзывался плохо, вдруг делает тебе добро. Хочется попросить прощения, даже если он не знает о твоём досадном поступке.

Наш пассажир, несомненно, был настоящим художником. И, чтобы понять это, не требовалось иметь хороший музыкальный слух или вкус. Он был из тех, чей голос и музыку можно обожать или ненавидеть, но ни в коем случае не оставаться равнодушным.

Отзвук далекой, жестокой драмы,
Я знаю, ты помнишь, как это было...

— повторил он, и пальцы побежали навстречу следующему куплету.

Но внезапно музыку прервал глухой удар, донесшийся откуда-то извне. Машина резко вздрогнула и развернулась на месте. Гитара выскользнула из рук музыканта и с визгом упала в ноги, а сам он повалился на меня, отчего я больно ударилась головой о стекло...

Когда туман испуга рассеялся, а гудящая боль в затылке немного утихла, я почувствовала на своей голове мягкое теплое прикосновение. Наш Бамбуковый Медведь стоял у открытой двери и обеспокоенно заглядывал мне в лицо.

— Дочка, ты как? Больно?

— Голова... Что случилось?

— Небольшая авария. Ты сиди, сиди. А я пойду, посмотрю.

И он растерянно двинулся к черному «Фольксвагену» внушительных размеров, который и был причиной нашей нештучной встряски. Великан сиял на солнце, словно черный жук. На левом переднем крыле, которым он зацепил нашего ржавого малыша, была вмятина, кощунственно нарушавшая симфонию солнечных бликов, отбрасываемых отполированным панцирем машины. Музыкант, уже успевший выбраться наружу, прохаживался вокруг «жука», заглядывая в густо тонированные окна.

Через несколько секунд водительская дверь, наконец, распахнулась, и из автомобиля вышел священнослужитель очень высокого роста, в скуфье и рясе. Его худое степенное лицо выражало крайнюю озабоченность, лоб морщился складками, словно мех гармони. На правой щеке священника красовалась большая темная родинка, снова-таки напомнившая мне о жуках.

— Здравствуйте, — начал наш благодетель, почему-то кротко улыбаясь.

— Здравствуй, — ответил священник.

Говорил он тихо, почти не открывая рот, будто находился не на дороге, а в храме. И обращался на «ты», хоть был, по меньшей мере, лет на десять младше нашего Медведя. Я тоже вылезла из машины, чтобы лучше слышать разговор, хоть голова болела не на шутку.

— Как же это ты так? — спросил поп, глядя на альтруиста сверху вниз.

— Я?

— А кто же? Ты перестраивался в первый ряд и зацепил меня. Попортил имущество, благотворителями подаренное.

Толстяк недоуменно почесал лысину, глядя себе под ноги.

— Да ты чего, святейшество, вериги попутал? — ожесточенно вступил в разговор чумазий. При этом он угрожающе перехватил гриф захваченной из машины гитары. — Мы шли по своему ряду. Ты в нас вмазался, а теперь права качаешь?

Святой отец немного попятился, но продолжал протестовать:

— Это как же? Это не я, это он... Вы знаете, во что мне обойдется ремонт машины?

— И не только твоей! — наступал музыкант. — За нашу заплатишь, да еще ответишь за физический ущерб. Девушке вон голову раскроил!

Священник быстро глянул на меня, снова попятился, потом быстро развернулся и сел в свое авто.

— А вот мы сейчас милицию вызовем, и поглядим, кто прав, кто виноват, — крикнул он из приоткрытого окошка, тут же поднял стекло до упора и принялся нажимать кнопки на мобильном телефоне.

Музыкант кинулся было к обидчику, но толстяк поймал его за руку.

— Стой, сынок, не надо. Ни к чему все это, — заговорил он спокойно, словно уговаривал ребенка съесть ложку манной каши. — Я все улажу, а вы идите в машину.

С этими словами он подошел к «Фольксвагену» и жестом попросил священника открыть окно. Тот оценил, на безопасном ли расстоянии находится чумазый, и опустил стекло до середины.

— Послушайте, святой отец, не надо милиции.

Я и музыкант поглядели друг на друга с недоумением.

— Мы очень опаздываем. А опоздать нам никак нельзя, никак. Я вам оставляю свой паспорт, — он поспешно достал из кармана брюк синюю книжечку и подал священнику, — и не позже, чем завтра, я к вам приеду и заплачу за ущерб. Идет?

Поп глядел на толстяка с крайним удивлением. Морщины на его лбу стали глубже, будто гармонь сжалась, отыграв свою задорную мелодию. Надо думать, сам он не ожидал такой легкой победы.

— Идет. Чего ж не идет, — сказал святой отец, взял документ и быстро написал адрес, по которому следовало явиться нашему сумасшедшему.

Музыкант плюнул на горячий асфальт и сел в машину, я последовала за ним.

— У твоего отца что, с головой не в порядке? Или сильно вежущий? — спросил он тихо.

— Он мне не отец. Просто, предложил подвезти, как и вас. А с головой, наверное, не в порядке.

На всякий случай, я оторвала кусок белой бумаги, в которую был завернут пирог, записала помадой номер машины попа и спрятала в свою сумочку.

Дальнейший наш путь проходил в полной тишине. Только избитый «Жигуленок» время от времени стучал поврежденными внутренностями. Долговязый закрыл глаза и дремал, или делал вид, что дремал. Я смотрела в окно, то и дело подавляя желание высказать благодетелю свое негодование. Сам же он сосредоточенно всматривался в дорогу и выжимал педаль газа почти до упора. Мне было нестерпимо жаль этого странного человека. Но, в то же время, я испытывала досаду и даже злость за то, как малодушно он поступил, когда должен был отстаивать свою правоту до последнего.

Прошло около часа, и степь уступила место горным хребтам, возвещавшим о том, что Зеленоморск совсем близко.

— Смотрите, наш автобус, — нарушила я долгое молчание.

Впереди метрах в ста от нас полз красный междугородный автобус.

— Он! Он, сердечный! — подтвердил толстяк со странным воодушевлением и зачем-то прибавил ходу.

— Эй, папаша, потише! Твоей колымаге и так хватит приключений на сегодня, — проснулся музыкант.

Но альтруист будто не слышал его. Машина рвалась вперед со скоростью, крайне опасной для гористой местности.

— Едва успели, — пробормотал он, когда до автобуса оставалось метров десять, и вдруг вывернул на встречную полосу и пошел на обгон.

— Ээээ! Ты что делаешь?! — заорал музыкант.

Я крепко вцепилась руками в сиденье и смотрела вперед, пытаясь мысленно остановить легковую машину, идущую прямо нам в лоб. Вдоль встречной полосы тянулся обрыв, и водителю было некуда уйти от удара. Горячие секунды застыли, как воск свечи, капнувший на ладонь, и я с удивительной ясностью поняла, что столкновения не избежать...

В тот самый момент, когда в голове прозвучало последнее «Все!», наш сумасшедший вывернул руль вправо, вклинился перед автобусом, и выкинул в окно левую руку, показывая, что водителю следует остановиться. Раздался скрежет тормозов.

Наша машина стала, как вкопанная. Автобус тоже остановился, а через секунду перед нашими глазами открылось самое страшное зрелище, какое я когда-либо видела: по не асфальтированной дороге, уходящей в горы, что были справа от нас, на шоссе вылетел КАМАЗ, наполненный щебнем. Со страшным грохотом он пересек дорогу, проломил ограждение и улетел в пропасть.

Люди тут же высыпали из автобуса и с ужасом смотрели туда, где исчез несчастный грузовик. Я тоже выскочила из машины и на ватных ногах подошла к уцелевшей части ограждения. Из-под отвесного склона поднималось черно-серое облако пыли, сквозь которое едва можно было разглядеть перевернутый КАМАЗ.

— Вызывайте скорую! — крикнул кто-то в толпе.

— Не надо скорую.

Люди расступились, и все взгляды обратились к низкорослому человеку в синей спецодежде. Его тело била крупная дрожь, лицо побагровело.

— В кабине нет никого, — еле выговорил он. — Я забыл поставить на ручник.

— Идиот! — заорал знакомый мне водитель автобуса. Лицо его было еще багровей, чем у бедолаги, отправившего в полет груженую машину. — Ты бы нас всех угробил, если бы...

Если бы не Бамбуковый Медведь! Только сейчас до меня дошло, зачем он проделал дикий маневр, чуть нас не погубивший. Глаза мои встретились со взглядом музыканта, стоявшего рядом.

— Он не мог увидеть грузовик, там везде деревья, густой лес, — громко зашептал он мне, будто в горячечном бреде. — Он знал! Говорю тебе, он знал! Потому не стал дожидаться милицию и гнал всю дорогу.

— Где водитель голубого «Жигули»? Где «Жигули»? — спрашивали в толпе.

Но машины нигде не было. Вместо нее на дороге стояли пожитки долговязого и чехол с гитарой, на котором висела моя сумочка. Кто-то дернул меня за руку.

— Вы же были в той машине? Где она?

Я пожала плечами.

— А кто водитель? Как его зовут?

— Бамбуковый Медведь, — машинально ответила я, пытаясь осознать все, что произошло.

Молодой лиственный лес, прозрачный и светящийся, точно россыпь цаворитов, начинался сразу же за задним двориком деревенской церкви. Серебристые луковицы двух ее куполов светились лазурью под безоблачным небом, а там, где на них падала тень листвы, слегка зеленели и покрывались темными щербинками, будто были сделаны из бирюзы. Я прохаживалась по выметенной белой дорожке и вдыхала полной грудью чистый утренний воздух. Как же хорош был день! Впрочем, теперь все мои дни были хороши.

Со времени необычайного путешествия прошло три недели. Сумасшедшие, радостные, интересные. Каждый день был полон событиями, яркими впечатлениями, новыми лицами. Никогда прежде я не чувствовала себя настолько живой и не ощущала так остро радость каждого шага, каждого вдоха.

Едва только выдался первый выходной, я принялась разыскивать священника по номеру машины, записанному помалой на клочке бумаги. Лишь этот человек мог назвать имя того, кому я была обязана своей новой жизнью. Причем, не исключено, что не только новой, а вообще — жизнью. Некоторые из пассажиров автобуса также непременно хотели найти его, но я не призналась, что в моей сумочке — ниточка, которая может привести к Бамбуковому Медведю. Странная ревность охватила меня. Так и хотелось сказать всем: «Я первая нашла его! Значит, он мой!» И сердце подсказывало, что не стоит слишком распространяться о подробностях того дня, пока не станет ясно, кто этот человек, и откуда он взялся. Если бы он хотел благодарности, то не стал бы убегать с места происшествия. О том, что и моя благодарность была ему ни к чему, я старалась не думать. Желание снова увидеть его было сильнее разумных доводов.

Вначале поиски привели в один из больших соборов Пустошева, но отца Василия (так звали священника) там не оказалось. Бойкая пыльная старушка, хитро прищурившись, поведала, что совсем недавно отец Василий оставил собор и перешел на службу в приход деревни Укромное, что рядом с Пустошевским лесом.

— Чтой-то у него там случилось, — прочавкала женщина и картинно покрутила пальцем у виска. — Раздал все свое добро, собрал матушку с ребятишками и уехал. Дашь чего бабуле на хлебушек? — добавила она твердо, как осведомитель, которому обязательно полагается вознаграждение за ценные сведения.

Именно потому я прохаживалась теперь по дворику деревенской церкви и ждала отца Василия, который по заверению кроткой работницы должен был появиться с минуты на минуту.

— Доброе утро. Вы ко мне? — услышала я, наконец, знакомый голос.

Я обернулась и увидела отца Василия. После нашей неприятной встречи я не слишком хорошо помнила его лицо, но мне все же показалось, что он сильно изменился.

— Ах, это вы! — всплеснул он вдруг руками и почему-то широко заулыбался. — Как хорошо, что вы нашли меня!

— Почему? — смутилась я.

— Как же, почему! Все это время я ждал вас.

Тогда он увлек меня на широкую деревянную лавку под сенью дерева с густой кроной и стал рассказывать, чем обернулась встреча с Бамбуковым Медведем для него...

Водитель «Жигули» нарушил свое обещание и не явился на следующий день после аварии. Тогда отец Василий нашел в бардачке паспорт, открыл его и обнаружил на фотографии совершенно незнакомое лицо.

— И ведь тогда на дороге я проверял. Паспорт принадлежал ему. И фото было его. Я в этом уверен, — говорил Василий с горящими глазами.

Решив не оставлять это дело без разбирательства, священник отправился по указанному в паспорте адресу, где обнаружил благодарного владельца — некоего хирурга Осипова, потерявшего свои документы дня за три до того. Между ними завязался разговор, в ходе которого врач обратил внимание на родинку на лице священника и выразил крайнее беспокойство по поводу ее состояния.

— Я не придавал этому никакого значения. Меня ничего не беспокоило, — говорил отец Василий со слезами на глазах. — А тут...

Он отвернулся и замолчал на некоторое время.

— В общем, если бы тогда мы с вами не встретились, то шансов у меня почти не осталось бы. Кем бы ни был ваш спутник, он меня спас.

Священник повернулся и посмотрел мне в глаза. Слезы капали по его морщинистой щеке. Только сейчас я поняла, что изменилось в его внешности: вместо большой родинки был аккуратный свежий шрам.

— А теперь скажите мне, кто он?

— Я приехала, чтобы задать этот вопрос вам.

И я рассказала ему свою историю, от начала и до конца. Он слушал молча, подняв лицо вверх и глядя, как по небу проплывают первые прозрачные облака.

— Как думаете, это был Бог? — спросила я, наконец, то, чего не решалась спросить даже у самой себя.

— Не знаю, — тихо ответил священник.

— Но если так, то неужели он не мог уладить все проще? Мановением руки. Он же всемогущ!

— Не могу сказать. Может быть, на самом деле, он не может сделать для нас больше, чем каждый из нас может сделать для другого, как думаете? Мы ведь по образу и подобию.

Я пожала плечами.

— Значит, нам его теперь никак не найти?

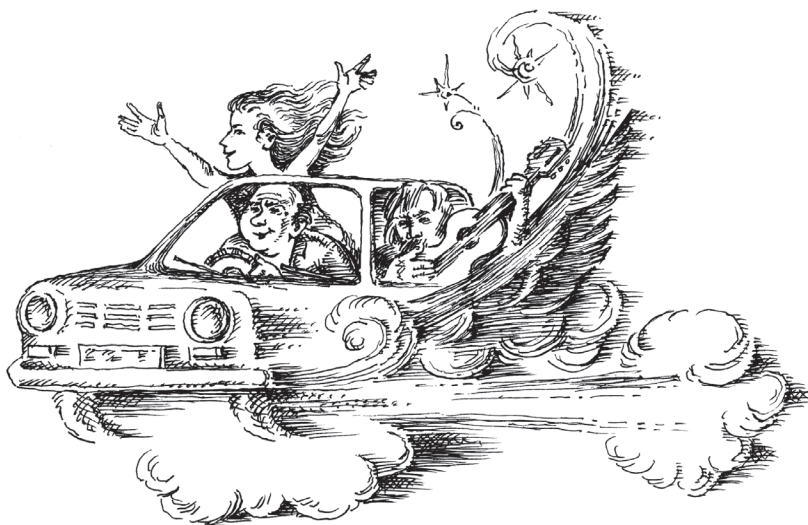
Священник внимательно поглядел на меня, крепко пожал мою руку и ничего не ответил. Погуляв еще немного в тени деревьев, я села в ожидавшее такси, и скоро лесная деревенька осталась далеко позади, утонув в зелени и собиравшихся клу-бах белых облаков. Водитель такси включил радио, и я услышала приятную знакомую мелодию.

— Вы могли бы сделать громче? — попросила я.

Мужчина нажал крошечную черную кнопчку, и из динамика полился звучный мужской голос:

На спине моей длинные шрамы,
Это от плети... или от крыльев,
Отзвук далекой, жестокой драмы,
Я знаю, ты помнишь, как это было.
Каждый из нас — по-своему ангел,
Вырваны крылья кем-то жестоким,
Властной рукою погашено пламя,

Нам предначертан удел одинокий.
В темной ночи нас увидеть непросто,
Словно волков в человечесей стае,
Кровью чужой мы зальем отголосок,
Знаний о том, что когда-то летали.
Память о том, что кого-то любили...
Мы забываем в кровавом угаре
Подлые руки, рвавшие крылья,
И о предательском, в спину, ударе.
На спине моей длинные шрамы,
Память о людях, когда-то предавших,
Каждый из нас — по-своему ангел,
Каждый из нас — по-своему падший.¹

¹ Автор стихотворения «Ангелы» — Дмитрий Шевчук

Вот только ухо

самом укромном уголке детской площадки, где покосившаяся карусель с грустью вспоминает детство своих ровесников, желтеет не заасфальтированный клочок земли. Сухая трава топорщится упругими щетинками, издавела напоминая потертый коврик в чьей-то прихожей. На коврике лежит пес.

Ласковое солнце сентября приятно греет круглый белый бок в аляповатых черных пятнах. Еще немного, и блестящая шерсть станет горячей, почти как оголенная труба в тепло-трассе зимой. Тогда пес встанет и, пошатываясь, сменит положение своего нескладного тела — подставит солнцу тот бок, что успел остыть от прохладной мягкой земли.

Приятно! Так приятно, что не хочется поддаваться дремоте, вязкой и сладковатой, как каша в приюте. Пес вздрагивает и вытягивает все четыре лапы разом. От этого по телу пробегает чудесная ломота, переходящая в широкий урчащий зев. Жизнь, можно сказать, удалась. Вот только ухо...

На треугольном плюшевом ухе — большая желтая бирка с красным номером. Она появилась у пса прошлой зимой, когда его заманили в приют вареной колбасой. Странное тогда выдалось время. Сначала пес долго сидел за решеткой, похожей на те, что в его дворе ставят на окна первых этажей. Только

не такой красивой — без колечек и завитков. Кормили в приюте сытнее, чем во дворе. Во всяком случае, чаще. Потом, неясно почему, пес надолго погрузился в сон, а когда проснулся, почувствовал сильную боль между задними ногами. Двое мужчин — один в очках, а от второго пахло вареной колбасой (той самой) — время от времени заходили к нему и мазали больное место чем-то колючим и вонючим. Еще пес запомнил девушку в голубом халатике. Утром она приходила раньше мужчин и гладила его по голове, приговаривая:

— Ты мой хороший, ты мой маленький.

Вот бы завести себе такую девушку, чтобы все время гладила. Только она не поместится в коробку за магазином, где ночует пес.

Едва боль между ногами стихла, пса выпустили. По привычке, а иногда — от нечего делать, он возвращался в приют и делал вид, что хочет каши. Хоть каша была, по правде сказать, не особенно вкусная. Отдавала мышами. Но чего не съешь ради хорошей компании? Чувствовал себя пес вполне здоровым. Вот только ухо...

Раньше оба уха были одинаково представительными — стремились вверх точеными антенками. Теперь же одно бессильно свисало, все равно что у несмышленого щенка, и назойливо щекало щеку, будто у всех блох на собачьем теле произошла урбанизация, и теперь они гнездились в одном месте — под свисшим ухом.

Дымчатое облако, бесшумно ступавшее по небу, приласкалось к солнцу и забрало себе его тепло. Пес поежился, сел и стал ленно осматриваться кругом. Рядом с площадкой беспокойно сновал взад-вперед фокстерьер Смартти.

Как же не везет все-таки этим домашним! Мало того, что целыми днями они сидят в своих клетках (даром, что с завитками и колечками), так еще и на улице ими беспощадно помыкают.

— Смартти, ко мне! Смартти, фу! Смартти, принеси!

То-то он такой дерганый и глупый. Когда же ему думы думать, если он все время на побегушках и на «принесушках». Зад поджарый, хвост поджатый, взгляд чумной.

Вот пес — совсем другое дело! Приличная уравновешенная собака. Тело плотное, закаленное. Лапы крепкие, хвост упругий. Вот только ухо...

Пес снова зевнул и встал. Живописно выставив вверх широкий зад и припав на передние лапы, он потянулся. Волна упительной истомы перекаtilась от груди к животу и растаяла. Тогда пес степенно зашагал к колбасному магазину за углом.

По псиной статистике примерно каждый тридцатый человек, покупающий колбасу, оказывается добрым. Если учесть, что магазин находится в проходном месте, а глаза у пса — красивые и печальные, то улов, вернее, «упрос» получается вполне приличный. Иногда за день можно добыть не меньше десяти сосисок.

А приди сюда какой-нибудь Смарты с дорогим ошейником и гнусными повадками — шиш его кто-то угостит. Пусть, мол, кормят те, кто тебя купил. А, между тем, у Смарты ребрышки так и проглядывают. Небось, дома не слишком балуют. Только на прошлой неделе пес своими собственными глазами видел, как Смарты на галетное печенье во дворе бросался и хрустел с удовольствием. Сам пес к такой гадости в жизни бы не приотронулся. Нет, тогда он, конечно, съел одно, но это не считается. Это было из солидарности, так сказать, чтобы не выказывать пренебрежения по отношению к ущербному домашнему питомцу.

Около невысокой металлической лестницы, с трудом доползавшей до скрипучей двери магазина, стояла продавщица Люба. Завидев пса еще издали, она вынула изо рта сигарету и крикнула хриплым альтом:

— Ты куда намылился, жирдяй? А ну, пшел вон!

Пес не остановился, но немного замедлил шаг, чтобы показать, что предостережение во внимание принял, но намерений своих менять не собирается. Люба — хоть громкая и склочная, а по натуре — не злая. Весь день делает вид, что пса терпеть не может, а после смены то и дело выносит ему просроченную копченую грудку или крылышко.

— Жри, — говорит, — жирдяй. И откуда ты только взялся, уродец, на мою голову?

Псу, конечно, такое обращение не очень по душе, но какую компанию не вытерпишь ради копченой грудки. Пусть и с душком. Да и ясно ему, почему Любка с жиру бесится: у нее на груди тоже бирка приколата. Это, поди, еще хуже, чем на ухе. Особо, если и у нее блохи имеются.

Пристроившись на тротуаре так, чтобы выходящий из магазина покупатель сразу же встречался взглядом с влажными собачьими глазами, пес стал ждать. Вот выползла пожилая тетка в худом зимнем пальто. От этой приличной подачи ждать нечего. Станет она сосиски раздавать, когда у самой на осенний плащик средств не находится. От нее лучше отвернуться, а то окажется сердобольной и начнет совать в нос кусок батона. И ведь придется же пожевать, чтобы не обидеть.

Вслед за теткой магазин выплюнул высокого круглолицего мужчину средних лет. В руках щекастик держал пухлый пакет, запах от которого сразу же завертелся в воздухе ароматным вихрем и вскружил псу голову.

— Ветчина, окорок и сыр, — безошибочно определил шевелящийся черный нос.

Пес инстинктивно подался вперед и с надеждой вытянул морду в сторону счастливец с пакетом. На самом деле, он прекрасно знал, что типаж покупателя не позволял надеяться на благосклонность. Среди «колбасных благотворителей» мужчины попадались редко. Разве что только выпившие. А этот явно был трезвенник. Уж очень вылощенный и угрюмый.

Так и есть. Даже не глянул. Ну и ладно! Пусть жует свое добро в одиночестве. Кто станет делить трапезу с такой жадюгой? Нет, пес, конечно, разделит бы. Но исключительно из любви к ветчине, а не потому что он — собака без гордости и принципов. В жизни все просто: если ты — хороший человек, то друг всегда рядом. И рад тебе во всякое время, хоть ты пришел его почесать с пустыми руками. Если же ты — человек дурной, но у тебя есть ветчина, то друг тоже найдется. Только имей в виду: друг этот будет рядом без всякого удовольствия. Может быть, даже с отвращением. Вот так!

Пес проводил взглядом пакет с мужчиной и снова занял наблюдательно-просительный пункт. На этот раз ждать пришлось долго. В животе начинало урчать, а в голову забирались кислые мысли о приютской каше. Через свисшее ухо забирались, никак не иначе. Приятные мысли попадают в голову только через правильные красивые отверстия.

Пес совсем уже было расстроился, когда божество всех голодных и честных сжалилось над ним: в дверях магазина показалась молодая мама с легкой летней коляской. Печальные

взгляды и приветливые помахивания хвостом, затраченные на таких, почти никогда не оказывались тщетными. Мамы часто жалеют песьего брата.

«Добреют, что ли, оценившись, — думал пес. — Или мелкое зверье им собственных детей напоминает? Кот его знает!»

Едва женщина опустила коляску на землю, пес подошел, не вставая (важно показать, что не представляешь никакой опасности), и приветственно фыркнул.

— Ой, Мишенька, посмотри, какая собачка! Ав-ав! — заговорила она высоким голосом с белобрысыньким мальчуганом в коляске.

— Ав! — повторил малыш.

«Да, сходство определено есть», — подумал пес.

— А давай собачку угостим? — предложила женщина.

— Ав! — ответил мальчуган.

«Давай. Конечно, давай!» — согласился пес и размашисто завилял хвостом.

Тогда из тряпичной сумки, подвешенной между ручками коляски, появился огромный жареный пирожок. Свежий, пухлый. По форме и цвету пес сразу же понял — с мясом. Причем, домашний, а значит — мяса в нем много. И оно сочное, без хрящиков и жилок. От такого пирожка, наверное, и та пенсионерка в пальто не отказалась бы. Хорошо, что она уже ушла.

Не переставая вилять хвостом, пес подошел и взял угощение. Потом положил его так, чтобы мальчуган в коляске видел, как он будет есть. Приятнее было бы отнести пирожок в кусты около бойлерной и насладиться им без лишних глаз, но пес знал: маме будет приятно, если детеныш понаблюдает. А если еще и расхохочется, то в следующий раз она обязательно захватит еще какое-нибудь лакомство. Мам этих нужно прикармливать, так сказать, хорошими впечатлениями.

Пес лег на живот, зажал пирожок между передними лапами и стал отщипывать по маленькому кусочку. День пока что был не рыбный, вернее, «не сосисочный», стоило растянуть удовольствие. Солоноватое тесто сначала тянулось, потом мягко отрывалось, и через образовавшееся отверстие сочился вкусный мясной сок. Жизнь удалась. Ох, и удалась же!

Пес так увлекся, что не заметил, как мама с малышом ушли. Когда от пирожка осталось лишь жирное пятно на тротуаре, он поднял голову и увидел прямо перед собой мужчину и женщину.

— Ваня, смотри, что у этой собаки с ухом? — спросила женщина, указывая пальцем на желтую бирку. — Ее что, на отстрел поместили, что ли?

— Ну и тупая же ты! — заявил мужчина, не отрывая взгляда от телефонного экрана. — Это значит, что он — кастрат.

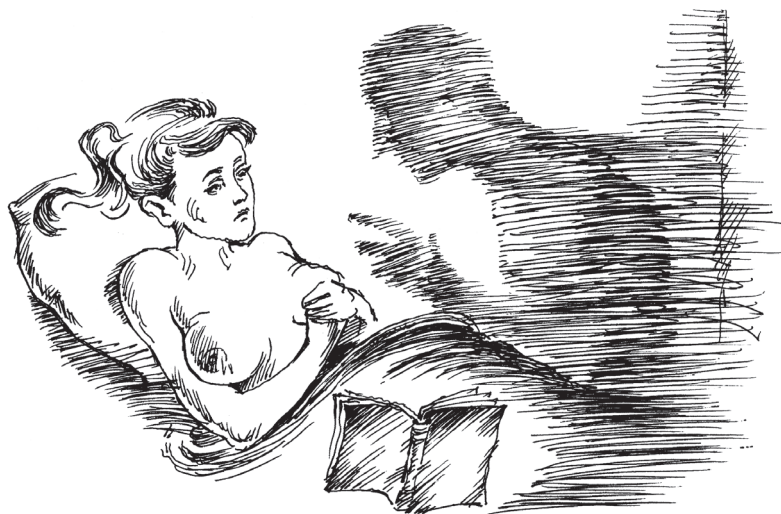
Женщина недовольно хмыкнула, взяла спутника под руку, и они пошли своей дорогой.

«На себя-то погляди, — подумал пес, провожая их взглядом. — Ноги тонкие, как у цапли, проплешина светится ярче, чем телефон в руках. Был бы хоть хвост, чтобы вилять им да от лысины отвлекать».

От обиды у пса даже пропал аппетит. Посидев еще несколько минут, он решил сходить в больничный двор, расположенный неподалеку. После полудня в столовую завозят продукты на небольшом грузовике. Можно будет всласть погавкать вместе с больничной приживалкой, собакой Чернушкой. А потом, гляди, чего-нибудь перепадет и в столовой.

Пустившись медленной трусцой вдоль витрин, пес глядел на свое отражение. Красивая собака, с крепким телом и цельной натурой. Всего-то изъянов — ухо. Только ухо. Ну и что!

Одноклассники

Несмотря на то, что одним из определений Катиной профессии было «публичная женщина», Трошина всячески старалась избегать публики. Она не посещала шумных компаний, разве что только по долгу службы, когда постоянный клиент нуждался в эскорте, не регистрировалась в социальных сетях. Как и большинству выпускников, удалившихся во времени от школьной скамьи на весьма почтенное расстояние, ей было интересно посмотреть на своих одноклассников и узнать, как сложилась жизнь каждого. Однако Трошина явственно представляла, какую гримасу скорчит лицо широкой общественности, выйдя она из укрытия и встань перед ним в свой полный профессиональный рост. Прилежные домохозяйки, амбициозные коммерсанты, трудолюбивые продавцы и прочие добропорядочные граждане, с которыми она когда-то делила школьную скамью, безусловно, были хорошо осведомлены о роде ее деятельно-

сти. Подобные новости — как горстка марганцовки: попадая в воду, она темными клубами расплзается по сосуду, быстро достигая всех его краев. Причем, чем меньше сосуд, тем больше сгущаются краски и тошнотворнее становится привкус. А Зеленоморск — город маленький. Дай им волю, и они станут с жадным интересом рассматривать довольно миловидную Катину персону, будто пытаясь отыскать особые знаки, которые должны отличать представительницу древней профессии: вышивка в форме алой буквы на груди, например, клеймо в виде лилии на плече, следы тяжелых венерических заболеваний и тому подобное. Все без исключения будут изумленно понимать брови, рассуждая о том, как она, Катя Трошина, дочь работающей учительницы, высокоморального человека, могла докатиться до такой безнравственности. В итоге, скорее всего, сойдутся на одном вердикте: «Да она еще в школе была гулящей!» Или на таком: «Чего еще можно было ожидать от этой смазливой пустышки?»

Однажды Катя случайно встретила на улице Марусю Зяблик — бывшую старосту класса. В школе Мария — низкорослая пепельно-русая отличница с маленькими острыми глазками и тонкими губами — ненавидела, когда ее называли Марусей. Именно поэтому все обращались к ней только так.

— Катя! Трошина! Это ты? — громко возопила она, чуть не упав с тротуара на проезжую часть.

— Катя Трошина — это я, — согласилась Катерина, сразу же узнав одноклассницу.

— Ты меня помнишь?

— Конечно, Мария. Ты почти не изменилась.

В школе суетливая активистка сильно походила на маленькую старушку, и возрастная перемена, действительно, была не слишком заметна.

— Чем занимаешься, Катечка?

В глазах Маруси мелькнул огонек жгучего любопытства.

— Я работаю учительницей младших классов.

На лице Зяблик изобразилось нескрываемое недоумение.

— Учительницей? А в какой школе?

— В сельской, — недолго думая, нашлась Трошина.

— И давно?

— Уже десятый год.

Задавать дальнейшие вопросы было бы уже совсем некорректно. Маруся переминалась с ноги на ногу, не зная, что еще сказать.

— Извини, Мария, мне нужно бежать. Дети ждут, — заявила Трошина, довольная, что смутила настырного Зяблика.

— Слушай, мы тут собираемся устроить встречу класса. Все будут очень рады, если ты придешь.

— Спасибо за приглашение, но я очень устаю в школе. Вряд ли получится.

— Знаешь, давай я запишу номер твоего мобильного и...

— У меня нет мобильного, Мария. С зарплатой учителя не позволишь себе такую роскошь.

Зяблик бросила озадаченный взгляд на итальянские замшевые сапоги на Катиных ногах.

— Рада была тебя видеть, Мария.

Староста поморщилась. С раннего детства она относилась к тому типу людей, которые знают все про всех. Даже то, чего сами «все» не знают о себе. На этот раз порцию полезной информации получить не удалось, и она выглядела разочарованной, словно ребенок, который разбил хрюшку-копилку и обнаружил, что накопленных денег не хватит на желанную игрушку.

— Слушай, я запишу тебе, на всякий случай, мой номер. Встреча через неделю, в следующую пятницу. В этом году будет очень интересно. Приезжает Лида из Англии и Виктор Железнов из Москвы.

Она достала из сумки небольшую пачку бумаги для записок в виде бледно-розовой клубники, которая резко контрастировала со строгим, можно даже сказать, мрачным видом Маруси.

— Спасибо. Если появится свободное время, я позвоню.

Трошина натянуто улыбнулась и зачем-то помахала клубничным листком с номером телефона.

Если бы не упоминание о Викторе Железнове, Катя сразу же выбросила бы из головы нелепую встречу со старостой. Однако это имя было упомянуто неспроста: Зяблик знала, что первая и несчастная Катина любовь непременно станет отличной приманкой.

Шалуна Амура по традиции принято изображать в виде румяного малыша с луком в пухлых ручонках. На самом деле, го-

раздо достоверней было бы представить это существо в виде лысоватого толстяка в камуфляже с автоматом в руках. Лысоват он от избытка тестостерона, а лишний вес имеет от обилия жизненных соков, которые высасывает из миллионов влюбленных. Несмотря на то, что он — меткий стрелок, и может запросто поразить двух людей одной пулей (что, значит, вызовет взаимное чувство), он изо всех сил старается этого не делать, так как, очевидно, питается чужими страданиями. Разве что случайно, если зачесется пятка или перо от собственных крыльев попадет ему в нос.

Когда в 11-Б класс средней зеленоморской школы №33, где училась Катя, вошел новый ученик Виктор Железнов, глаза всех девочек подернулись мечтательной дымкой. Высокий темноволосый юноша в первый же день затмил всех мальчишек широкой обаятельной улыбкой, джинсами фирмы «Мустанг» и настоящими кроссовками «Адидас».

Почти все девочки, не считая пары отличниц, которым было не до любви, и трех откровенных дурнушек (у этих точно не могло быть шанса), боролись за внимание Виктора, не жалея помады, туши и ажурных колготок. Но в скором времени он неожиданно остановил свой выбор на Кате. У ее мамы не было средств на косметику и красивые капроновые колготки, но длинные ноги, грудь третьего размера и вьющиеся бронзовые волосы перевесили все сексуальные атрибуты женского гардероба и маскировки.

Нежные романтические отношения длились полгода, но весной настойчиво потребовали плотского воплощения. Случай представился в апреле, когда родители Виктора отправились на Ибицу, оставив пятикомнатную квартиру с джакузи в распоряжение сына. От невиданной роскоши, сладкого вина и близости Виктора Катина голова шла кругом. Но, когда дело дошло до главного, оказалось, что заправский ловелас — девственник, а все его намеки на многочисленные похождения — плод горячего юношеского воображения. Виктор сидел перед Катей с горящими от страха ушами, и в глазах обоих отражался ужас перед неизвестностью. Так — с ужасом — все и сделали.

Невзирая на довольно неудачный первый опыт, этот вечер сблизил молодых людей. Катя, как и полагалось наивной девушке, чувствовала, что отдала ему что-то очень важное, может,

даже самое важное, чего никому другому, наверняка, больше не даст. Виктор же испытывал скорее психологическую зависимость, так как она была единственным человеком, знавшим о его совершенной неопытности в любовных делах.

На выпускной соседка тетя Рая пошила Кате изумительное бирюзовое платье с белой окантовкой на воротничке и подоле юбки. Туфли решили купить тоже белые: мама — под воротничок, Катя — с перспективой на скорую свадьбу, о которой они с Витей условились втайне от родителей.

Однако в один из теплых летних вечеров Железнов объявил, что уезжает поступать в Москву. Так решили его мама и папа. На сына они имели далеко идущие планы и глубоко отложенные внушительные средства. Женитьба на Кате, само собой, в эти планы не вписывалась.

Катя не устраивала истерик. Даже не плакала. Она изрезала свои белые туфли портновскими ножницами и провалила экзамены в университет. Так закончилась история ее первой любви.

С тех пор прошло семнадцать лет, целая жизнь, но весть о приезде Виктора взволновала ее. Желание увидеть снова своих бывших возлюбленных многие, наверное, обоснуют так: «просто интересно» или «да ничего интересного, просто делать было нечего, вот и пошла». На самом же деле, все обстоит совсем по-другому. Давно зажившая душа, как и любой серьезно раненый орган, иногда ноет на погоду. Мысль же о том, что в скором времени обидчик предстанет пред твои ясны очи, рождает надежды на маленькое отмщение. Вот он — стоит, побитый жизнью, с недельной небритостью и опущенным хвостом. Видит, какой красивой, независимой и мудрой ты стала, и не может унять горькой досады на себя за то, что бросил... нет, лучше потерял тебя когда-то. Придя в свою жалкую пустую лачугу, он обязательно будет кусать локти до крови. Может быть, даже ударится головой о стену и умрет. Ну, хоть бы разок.

Вот только чаще всего бывшая любовь является на встречу гладко выбритая, упитанная и вполне довольная жизнью. В разговоре обнаруживается, что она не только не переживает по поводу прошлого, но даже ничего из этого прошлого не помнит. Несколько раз называет тебя чужим именем и спрашивает, не умерла ли еще твоя любимая собачка Буся, которой у тебя в помине никогда не было. В итоге к концу вечера ты сама го-

това искушать чьи-нибудь локти или ударить хоть кого-нибудь головой о стену.

Обстоятельства Катиной жизни уже давно превратили ее в закоренелого реалиста, выдавили всю романтику, как зубную пасту из тюбика, скрученного в рулончик. Но где-то в глубине души она все же надеялась, что Железнов не забыл нежные юношеские отношения и хоть чуточку жалеет об их нелепом провале. Потому в четверг Трошина все же позвонила Марусе.

В ярко освещенном холле ресторана Катя подошла к большому зеркалу, чтобы окончательно зафиксировать спокойное и приветливое выражение лица и принять непринужденную позу. Делать это обязательно нужно перед зеркалом. Во-первых, мимические ощущения могут обмануть, и выйдет нелепая и забавная рожа. Во-вторых, собственное отражение в свежем макияже и нарядном платье придаст уверенности в себе.

В этот вечер Трошина выглядела изумительно. Облегающее платье из легкой черной ткани делало ее похожей на скрипку перед концертом. Настроенная и хрупкая, она лежит в своем дорогом футляре. Еще миг — и ее тонкий стан нежно запоет в руках талантливого музыканта.

Игриво подмигнув гардеробщику, который все это время глядел на нее с глуповатой улыбкой, Катя ступила в зал ресторана. Заведение было оформлено в псевдо-японском стиле. На мраморном полу лежали маты татами (или что-то наподобие), в глубине зала мягко освещалась гипсокартонная токонома со свитком. На стене у входа зачем-то висел индейский томагавк. Возможно, славный зеленоморский самурай, владевший заведением, отобрал холодное оружие у какого-нибудь бродячего индейца, такого же зеленоморского, и повесил на стену как боевой трофей.

— Катька! Посмотрите! Это же Трошка! — бухнуло прокуренным басом от одного из массивных столов.

Вся компания была уже в сборе и, судя по розовым вспотевшим лицам, успела поднять не один тост за встречу. Во главе стола восседал Гена Лишаенко. Именно ему и принадлежал прокуренный бас. В школе Гену называли Леший. С точки зрения языковой логики по всем меркам его должны были окрестить Лишаем. Лицо Гены, вечно покрытое красными пятнами непо-

нятного происхождения, также выступало в пользу дерматологической клички. Но мощнейшим контраргументом являлись Генины внушительные габариты и, в связи с этим, очень тяжелый удар. Рядом с Геной с обеих сторон ютились его более мелкие, но не менее круглые друзья — Толя и Коля. Они были похожи между собой, словно родные братья, и оба глядели на Лишаенко с подобострастием, как и семнадцать лет назад. По левую сторону стола чинно расположились три матроны в вечерних туалетах, лет тридцати каждая. Их лица были незнакомы Кате, но она сразу поняла, что это жены Гены, Толи и Коли. Их выдавал все тот же подобострастный взгляд в сторону Лешего. Как раз там, где величественно заканчивалась последняя матрона, скромно присоседилась Маруся Зяблик. Она пылливо оглядывала всех присутствующих и нервно теребила крупные розоватые бусы, надетые поверх серой водолазки в мелкий рубчик. Справа сидела утонченная Лида. Она так утончила себя в области талии красным кожаным ремешком, что вряд ли смогла бы поместить внутрь себя что-нибудь из заказанной еды. Рядом с ней развалился совсем лысый Юра в потертом шерстяном свитере и со своей фирменной язвительной улыбкой. Завершал подкову собравшихся немного сгорбленный седоватый мужчина с длинными волосами в разноцветном пиджаке, напоминавшем пончо.

«Не его ли томагавк?» — подумала Трошина, опускаясь на стул под приветственные возгласы одноклассников. Мужчина поднял глаза, и она узнала Железнова.

— Трошка, выглядишь — просто отпад! Вы посмотрите, старая ведь кляча, а выглядит на двадцать пять! — прогремел Геннадий комплимент, не смутивший публику, хорошо знакомую с его репертуаром. — Давайте выпьем за Трошку!

Выпили.

— На самом деле, Катя, выглядишь великолепно, — подтвердила Лида с легким английским акцентом. Она вышла замуж за англичанина в двадцать девять и уже пять лет жила в стране монархов и жареного картофеля. За такой срок было сложно приобрести натуральный акцент, но иметь его полагалось каждой уважающей себя англичанке. Поэтому Лида очень старалась. — Как тебе это удастся?

— Формальдегид, — радостно выдал Юра штампованную шутку.

— Нет, регулярный секс, — отрезала Трошина.

Первая матрона, тучноватая ухоженная блондинка, недовольно хмыкнула. Две другие, шатенки, удивленно расширили глаза. Кате почему-то очень захотелось выкинуть перед ними что-нибудь неприличное, например, засунуть руку в декольте и громко почесать грудь. Тем более, что грудь правда чесалась от упругого кружева бюстгальтера. Но нормы общественной морали не позволяют совершать многие приятные и полезные поступки.

— Ну что, одноклассники, пришло время каждому рассказать о себе! — Леший потер мощные ладони. — Давайте-ка за это выпьем!

Выпили.

— Ну, кто начнет?

— Гена, обычно такое предлагает тот, кто больше всех хочет рассказать о себе, — заключил Юра, кривясь от выпитой водки.

— А что, я могу и о себе. Мне, пожалуй, есть, что рассказать.

Леший откинулся на спинку стула и любовно погладил свое круглое брюхо:

— Я занимаюсь предпринимательской деятельностью. Имею небольшой заводик, так сказать. Толю и Колю вот приютил. Они у меня в отделе маркетинга трудятся.

— Я вот думаю, — перебил его Юра, — неправильное это слово — предприниматель. Непонятное. Вашего брата нужно называть просто — «приниматели». Вы ведь только и делаете, что наше бабло принимаете.

— Правильно, Юрик! И за это мы сейчас выпьем!

Выпили.

— Есть у меня семья, так сказать, — продолжал Лишаенко. — Вот моя жена, Алина.

Гена ткнул пальцем в сторону блондинки. Та выпрямилась и оборотисто ему улыбнулась.

— Двое спиногрызов у нас. Наследники.

— А что производит твой завод? — полюбопытствовала Катя.

— Эксклюзивный санитарный фарфор.

Трошина вдруг вспомнила, что папа Лишаенко когда-то был директором местного завода, производившего фарфоровые изделия. Видимо, именно это предприятие Леший «принял» у папы и государства в личное пользование.

— Эксклюзивный фарфор, это как? — осведомилась Лида.

— Это не «как». Это «для как»! — Юра покотился со смеху, а матроны снова удивились.

— Мы производим раковины, унитазы и биде высокого качества, — вдруг подала голос Алина. Женщина произнесла последние слова с чувством глубокого достоинства, будто гордилась каждым писсуаром, сошедшим с конвейера мужа.

— О, биде, — воскликнула Лида. — А как это по-русски?

Юра снова закатился, и теперь вместе с ним не выдержала и Катя. Иностранка часто заморгала густыми черными ресницами.

— Ну, Юрик, теперь твоя очередь рассказывать о своих успехах. Если таковые, конечно, имеются, — Леший, обидевшись, принял язвительный тон. — Чем по жизни занимаются наши бывшие отличники?

— Вряд ли это будет интересно бывшим троечникам, Гена.

Юра откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Волны его свитера потерлись на локтях, и сквозь истончившуюся ткань просвечивала белая рубашка в синюю полоску. Пару лет назад Катя видела, как Юра грузил товар в супермаркете. Сейчас она чувствовала неловкость и едва уловимое отвращение от того, что ему придется произнести слово «грузчик» перед упитанной кучкой выходцев из высшего общества и их домохозяйками.

— Ну, почему же, очень интересно, — настаивал Леший. Видимо, он тоже бывал в том супермаркете.

— Я работаю грузчиком в ночную смену. В дневную пишу.

— Ого. Так ты у нас Пушкин, значит.

Леший довольно потер ладони, будто Пушкиным называлось мясное блюдо в грибном соусе, которое он собирался съесть.

— Не совсем. Я только прозу пишу, — Юрины скулы нервно покраснели.

— Юра, а твои работы публиковались? — вставила, наконец, Зяблик, выглянув из-за массивной груди одной из шатенок.

— Несколько рассказов и одна повесть. В местных журналах. У меня есть еще два романа, но издательства пока молчат.

— А зачем же ты пишешь, если это никому не надо? — не унимался Леший.

Катя подумала о том, что люди с возрастом не меняются. В школе Гена тоже был похож на глупого стаффордширского терьера. Уж если во что вцепится, то оторвать можно только пережав глотку.

— Это мне надо, — ответил Юра сдавленным голосом. — И другим еще будет надо. Не всегда же пища для ума будет цениваться ниже, чем товары для жопы.

Блондинка раздраженно скомкала салфетку и встала из-за стола:

— Я выйду на минутку, Гена.

Штенки последовали за подругой.

— Ты следи за языком, Юрик, — угрожающе повелел Леший. — Здесь дамы.

— Да пошел ты, Лишай!

Юра резко встал, с грохотом отодвинул стул и пошел к выходу.

Повисло тяжелое молчание. Только Толя и Коля продолжали синхронно стучать вилками, уплетая мясное ассорти и запивая его томатным соком. Катя искренне жалела, что согласилась прийти на злополучную встречу. Ради этого она отказалась от свидания с постоянным клиентом, пожилым одноногим адвокатом Игорем Сергеевичем. Адвокат редко, но стабильно пользовался ее услугами, щедро платил и был очень вежлив и обходителен. Перед встречей всегда покупал отличное шампанское и вкусный шоколад.

— А помните, как мы в восьмом классе воровали пончики в столовой? — взвизгнула вдруг Маруся, пытаясь исправить положение, и истерично засмеялась.

Толя и Коля отвлеклись от переработки съестного и захихикали. Пончики они явно не забыли.

За все время Виктор Железнов не проронил ни слова. Катя даже начала сомневаться, действительно ли сутулый чудак в цветном пиджаке — тот самый спортивный общительный красавец, в которого она когда-то влюбилась. Мужчина не ел ничего из принесенного официантами, хотя на вид все блюда выглядели весьма аппетитно и замечательно пахли. Он понемногу отпивал из коньячного бокала и очень внимательным, но, вместе с тем, равнодушным взглядом следил за каждым говорящим.

Трошина тоже почти ничего не ела. Платье сидело чересчур плотно в области живота, и, дай она волю своему аппетиту, то очень скоро стала бы походить не на скрипку, а на аккордеон или другой не особенно изящный инструмент. Может быть, даже не музыкальный, а столярный, например. Потому хмельная волна властно прокатилась по всему голодному телу, и мысли стали дерзкими. Нестерпимо хотелось выяснить отношения с каждым из собравшихся: сорвать с шеи Зяблик ужасные бусы, которые та продолжала теребить так, будто пыталась их сексуально удовлетворить; обзывать Лешего тупым бараном, а его вернувшуюся из туалета супругу — Парашей Ивановной (почему Ивановной, Трошина не знала); для свиты Лишаенко — Толи и Коли — сам собой просился банальный эпитет «два конца из ларца». Она прямо-таки видела, как верные одинаковые толстячки выскакивают из бледно-голубого фарфорового сундука и дружно кричат: «Что, Гена-хозяин, надо?» Лиду она представляла лежащей на шезлонге в консервной банке с надписью «Килька британская». И уж сколько всего можно было сказать Железнову, убедись она, что это, действительно, он.

— Хотите посмотреть фотографии? Мы с Колином только вернулись из путешествия. Я принесла альбом, — предложила Лида.

— Супер! Супер! Конечно, показывай, — Зяблик захлопала в ладоши, и альбом пошел по рукам.

На первом снимке Лида в красивом сарафане и широкополой соломенной шляпе махала с палубы белой яхты. Катя ткнула пальцем в снимок и громко спросила:

— А шезлонг на ней имеется?

— Ну конечно, — гордо подтвердила Лида. Трошина глупо захихикала, но осеклась, встретив непонимающие взгляды. «Мне б такую консервную банку», — подумала она с досадой.

Из сотен Лидиных фотографий можно было смело составить наглядные пособия для полного школьного курса географии. Париж, Рим, Лас-Вегас, Рио, Веллингтон, Токио и многие другие места приветствовали одноклассников из-за изящной спины и приятно округлых бедер простой русской девушки. Недаром с самого окончания школы Лида регистрировалась во всех городских брачных агентствах, посещала разнообразные сайты и тратила последние деньги на фотосессии. Поиск и по-

пытки продолжались более десяти лет, но результат превзошел все ожидания.

— Лида, а вы были в Египте? — вдруг подала голос одна из шатенок, жена Толи-Коли.

— Нет. Египет — это как-то банально. Туда ездят те, у кого не хватает на нормальный отдых, — ответила Лида.

Жены скорчили обиженную гримасу, из чего Катя заключила, что в Египте они бывают регулярно. Или же все трое — ярые патриотки страны усопших фараонов.

— На Новый год мы опять поедем в Новую Зеландию. Ну, это откуда хоббиты и эльфы, знаете?

— А в Старой Зеландии вы бывали? — спросила Трошина.

— Нет, — Лида задумалась. — Кажется, нет. А где это?

— Следует понимать, где-то недалеко от Новой. Откуда голыши и гремлины, ты не слышала?

— Нет, — буркнула Лида, сунула альбом в сумку и принялась за салат.

— Итак, чья теперь очередь? — снова вступила Маруся, явно напуганная перспективой рассказа о собственной жизни бухгалтера ПТУ сразу после импровизированной программы «Вокруг света». — Катя, давай теперь ты? — бодро предложила она.

Еще до Катиного прихода Зяблик поведала одноклассникам, что во время случайной встречи с Трошиной последняя так устыдилась своего ремесла, что наплела небылиц о сельской школе и сложной учительской доле.

— Моя очередь? Отлично! — Катя весело выпрямилась, подав вперед все четыре размера, манящие из глубокого декольте. Толя и Коля во второй раз отвлеклись от тарелок, Леший слащаво заулыбался.

— И что вы хотите обо мне узнать? — спросила она, игриво глядя на Гену. Сам по себе он не представлял никакого интереса, но уж очень хотелось позлить блондинку.

— Про твою работу в школе, например, — мило предложила Зяблик.

— В какой школе?

— Ну, в сельской. Ты ведь учитель?

— Да ты что, Маруся, перепила? Разве я похожа на учителя?

— Неееее, не похожа, — проблеял вдруг Коля, не отрывая взгляда от декольте.

— Я — врач-уролог, — заявила Катя, сделав серьезное лицо. — Так что, мальчики, если какие проблемы — обращайтесь! Подлечим, поддержим, поднимем боевой дух.

Блондинка изобразила сильное отвращение:

— Может, сменим тему?

— И что, много сейчас клиентов у врачей-урологов? — продолжал Гена, не обращая внимания на негодование жены.

— Да хватает. Потенция — штука коварная, как сутенер. Пользуется тобою вовсю, а ведь может кинуть в любой момент.

— Послушайте! — злобно взвизгнула блондинка и с вызовом уставилась на Катю. — Я бы хотела сменить тему.

Трошину вдруг перестала потешать сложившаяся ситуация. Блондинка покраснелась, и от нее повеяло истерикой.

— У меня есть неплохой знакомый невропатолог, если с членами семьи что не так, — продолжила нагнетать Катя, по-прежнему глядя в упор на Лишаенко.

— Да ты, да ты...

Волосы на макушке блондинки приподнялись, словно перья у испуганной мускусной утки, и она разразилась жуткими ругательствами, обнаружив недюжинное знание синонимов словосочетания «публичная женщина». Маруся ахнула и прижала ладони обеих рук к груди. Остальные сидели неподвижно с такими лицами, какие бывают у безбилетных пассажиров, когда в троллейбус входит контролер. Человек, похожий на Виктора Железнова, встал и обратился к Трошиной:

— Катя, пойдем отсюда.

— Да ладно вам, ребята, — Леший тоже привстал.

Железнов ничего не ответил и не посмотрел в сторону Лишаенко. Он помог Кате выйти из-за стола, и они покинули ресторан.

— Чего тебя вообще туда понесло? — спросил Виктор уже в такси.

— А тебя?

— Я первый спросил. Захотелось на меня поглядеть?

— А тебе?

Железнов засмеялся и от этого стал больше похож на прежнего себя.

— Мне хотелось, разумеется. На тебя приятно посмотреть, как и прежде.

— И не говори. Сама от зеркала не отхожу, так приятно.

Железнов больше не казался угрюмым, как в ресторане. Он открыто улыбался в ответ на Катины шутки и раз даже аккуратно прикоснулся к ее плечу. Вдыхая зыбкий хмельной туман, плавающий перед глазами, Катя неожиданно для себя предположила, что все в их жизни сложилось по-другому. Будто поступать в Москву они поехали вместе, а после университета поженились. Только что они были вовсе не на встрече однокурсников, а отмечали очередную годовщину свадьбы, а дома их ждут двое сыновей — одному девять, второму — шесть. Сейчас они отпустят такси, поднимутся в квартиру, и младший сын радостно выбежит в прихожую:

— Папа, папа, а почему у тебя такие длинные волосы?

— А это, сынок, чтобы закрывать мои большие уши.

Катя мотнула головой, прогоняя нелепые фантазии, и с трудом удержалась, чтобы не засмеяться. Такси, тем временем, уже причалило к ее подъезду.

— Ну что, пригласишь блудного друга на рюмку чая?

— Только на чашку водки.

— Идет.

В некоммерческие отношения с мужчинами Трошина не вступала уже, по меньшей мере, лет восемь и потому чувствовала себя крайне неловко. Наступая на каждую ступеньку в лестничном пролете, она сосредоточенно высчитывала про себя: «Дать, не дать, дать, не дать....» Так гадают на ромашках влюбленные отроковицы. Только не совсем о том.

— Дать, — сообщила последняя ступенька.

— Ну, это мы еще посмотрим, — возразила ей мысленно Трошина.

Задушевная беседа полилась как-то сама собой вместе с янтарным коньяком, то и дело наполнявшим два бокала на тонких ножках. Катя узнала, что, окончив университет, Железнов женился на дочери главы той фирмы, в которую несколько лет до того инвестировали его родители, и где для Виктора имелось вакантное место заместителя директора по рекламе. Через год родился сын. В течение следующих пяти лет Железнов исправно выполнял свои обязанности и подавал большие надежды. Его супруга, как полагается, воспитывала ребенка посредством няни и вела хозяйство при помощи двух горничных

и повара. Но в какой-то момент Виктор понял, что все это — «не его», и покинул супругу. В тот же день квартира, «Майбах» и должность тоже стали «не его». А еще через год, ввиду обстоятельств, Железновы лишили сына права на наследство и переписали все на внука.

— Вот так, остался гол, как сокол, — заключил Виктор и улыбнулся, явно довольный собой.

— А в ближайшем секонде продавалось только это жуткое пончо?

— Темная ты женщина. Это дизайнерская работа. Дорогая вещь, между прочим.

Железнов снял пиджак и положил Кате на колени.

— А брюки тоже дизайнерские?

— Нет.

— Фух, пронесло, — Катя вытерла со лба воображаемый пот. — А то ты бы и их снял.

— Не все сразу.

Железнов поставил на стол пустой бокал, и лицо его стало вдруг серьезным. На лбу и вокруг глаз обозначились глубокие морщины.

— Знаешь что? — сказал он, понизив голос. — Все так нелепо вышло, потому что с самого начала я совершил ужасную ошибку.

«Вот оно!» — закричало Катино сердце и заплясало в груди. Раскаивается, значит, сволочь! Понял, что она была его единственной любовью. Ну, ничего. Теперь она уже не глупенькая неопытная школьница.

— Подожди минутку, — попросила Катя томным голосом и ушла в спальню. Через три минуты она снова вернулась в полупрозрачном пеньюаре и черных чулках, подошла к креслу, в котором сидел Железнов, и медленно опустилась на ковер.

— Катя, что ты делаешь?

Только сейчас она заметила испуг на лице бывшего возлюбленного.

— Я тебя соблазняю. Вроде бы.

— Зачем?

— Но ведь ты же сказал про ошибку.

— О Господи! Ты подумала, что я говорю о нас с тобой? Прости меня, пожалуйста.

— Ну и сволочь же ты, Железнов.

Она поднялась с пола и села во второе кресло, раздосадованная собственной оплошностью.

— Катя, я — гей. Ты что, не поняла? Родители из-за этого изменили завещание.

Трошина подняла голову и впиалась в него непонимающим взглядом:

— А чего ты тогда ко мне приперся-то?

— Прощения у тебя попросить. За то, что так с тобой тогда обошелся.

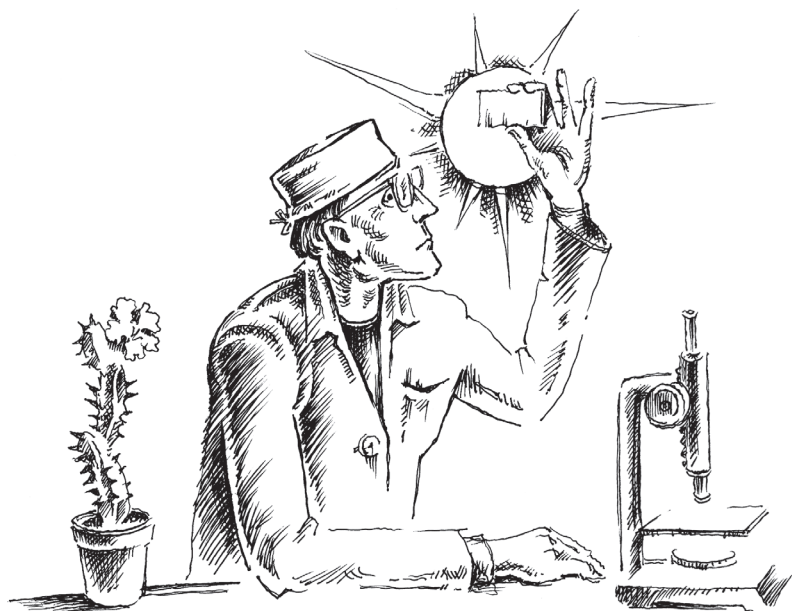
И тут Катя расхохоталась. Настолько сильно, что даже протрезвела. Она смеялась над своей нелепой выходкой с пеньюаром, над коварной свахой-ступенькой, над родителями Железнова, которые сейчас, наверное, были бы счастливы, если бы их единственный сын женился на ней, над дизайнерским пиджаком, напоминавшим оперение австралийского попугая.

Когда утром Катя провожала его на перроне, на душе было легко, как никогда еще в жизни.

— Трошина, если захочешь приехать в Москву, мой дом — твой дом. И работу подыщем, — сказал Железнов на прощанье.

— Спасибо, Вить, у меня свой дом есть. И работа.

Патент

верной звонок громогласно возвестил о том, что в дом Филиппа Аркадьевича Задумина пришел неожиданный гость.

— Филька, разве у тебя сегодня есть ученики? — прокричала из кухни Анастасия, жена Задумина.

— Нет, Ася. Никого.

— Ну вот тогда иди и открывай! — ожесточенно выдала она, не расслышав ответ. После пятнадцати лет работы на машиностроительном заводе Анастасия стала тугоухой и сутулой, ступни ее растоптались, высохли и походили на задние лапы кенгуру. Хотя ей было всего сорок, на вид она годилась в матери Ольге Дмитриевне, тридцатипятилетней учительнице математики, которую любил Задумин.

Звонок прогремел во второй раз.

— Борька, наш ученый оборзел, сукин сын. Открой ты, у меня руки в фарше.

— Ма, у меня бой на глобальной карте, — ответил из дальней комнаты недовольный помающийся голос.

— Вот лодыри свинорылые! — выругалась Анастасия и пошла открывать дверь сама.

До того, как в школе появилась сдержанная культурная Ольга Дмитриевна, Задумина ничуть не заботила привычка жены все время браниться. Он и сам частенько не брезговал красным словом. Но теперь ее брань чрезвычайно раздражала его. Стоило Анастасии изрыгнуть очередную гадость, и Филипп чувствовал примерно то же, что заядлый автолюбитель, который только что выдраил до блеска свою колымагу, как внезапный проливной дождь превратил дороги в грязное чавкающее месиво.

Несмотря, однако, на горькую досаду, Задумин никогда не упрекал жену вслух и не обнаруживал своего к ней брезгливого отношения. Он понимал, что паруса их не слишком крепкой семейной ладьи надувала совсем не зарплата учителя биологии средней общеобразовательной школы. Грубая и давно холодная Анастасия заработала на заводе трехкомнатную квартиру, построила маленький уютный дачный домик у реки в пригороде, купила старую, но резвую малолитражку. Сэкономленных на еде и отдыхе денег хватило, чтобы холеный игроман Борюсик протирал штаны в государственном приборостроительном университете, а сам Филипп мог беспрепятственно тратить все свободное время на исследования в домашней лаборатории, результаты которых предположительно должны были озолотить семью Задуминых. И Ольгу Дмитриевну, разумеется. Ведь речь шла не то что о достатке из разряда «дом — полная чаша», но о деньгах, которыми при желании можно было бы до краев наполнить чашу размером с просторный трехэтажный дом. Вот уже десять лет Задумин работал над выводением растительных клеток, способных накапливать и отдавать энергию в количествах, достаточных для создания мощной солнечной батареи. Если расчеты Филиппа Аркадьевича были верны (а выведенная им из клеток кактуса культура превосходила даже самые смелые ожидания), то простому учителю биологии

из русской глубинки предстояло перевернуть представления всего мира об альтернативных источниках энергии, указать новый путь развития науки и промышленности и спасти человечество от неминуемой гибели, которую в ближайшем будущем вызовут загрязнение окружающей среды и нехватка ископаемого топлива.

Для того, чтобы по возможности обезопасить великое открытие от присвоения непорядочными деятелями науки и всяческими заинтересованными корпорациями, Задумин разделил свои записи на четыре части, которые заверил у разных нотариусов. Саму же культуру он подсушил до пастообразного состояния и хранил в холодильнике в специально вырытом потайном подвале на семейной даче.

— Филипп, к тебе тут товарищ пришел, — сообщила Анастасия, раздвинув пылеулавливающие полосы из плотного полиэтилена, преграждавшие путь в лабораторию. — Говорит, из патентного ведомства.

Задумин поднял на лоб защитные очки.

— Странно, я ведь не подавал еще заявку.

— Так и есть, — отозвался пришелец из-за спины Анастасии. Голос у него был высокий, с нотками истеричности. — Мне о вас рассказал наш общий друг, Василий Сергеевич.

Мужчина встал на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть внутренность лаборатории, но Анастасия отошла в сторону, и он смущенно отступил от двери.

— Григорий Григорьевич Фискалюк, доктор биологических наук, — представился пришелец.

— Очень приятно. Настя, дай, пожалуйста, гостю халат, бахилы и шапочку.

Через минуту Фискалюк превратился в посетительницу косметического салона: голову его покрывала узорчатая шапочка для душа, а поверх серого костюма красовался приталенный белый халат с игривым цветочком на грудном кармане.

Пройдя через самодельный воздушный барьер (устройство неясного происхождения тихо гудело над дверью и выдавливало из себя потоки теплого воздуха), Фискалюк очутился в маленькой аккуратной лаборатории. По левую сторону у стены расположились массивные столы. На первом стояли отличный цейсовский микроскоп и культуральный бокс — камера

из плексигласа с кварцевой лампой и отверстиями с рукавами. Второй стол служил платформой для мелкой техники — электрической плитки, центрифуги, весов и прочих необходимых биологу вещей. Вдоль правой стены лаборатории протянулись этажерки с культуральными сосудами — трехлитровыми бутылками, в продырявленные крышки которых были вставлены шланги, подведенные к компрессору. Ртутные лампы мягко освещали чистые полки этажерок. На подоконнике в узорчатых горшочках красовались кактусы.

— Вот, значит, где обретается самый великий гений нашего времени! — заявил доктор, с интересом оглядывая комнату.

— Да что вы, какой же я гений? — с неискренним смущением ответил Задумин. — Мне просто повезло.

— Не скромничайте, Филипп Аркадьевич, не скромничайте.

Задумин глядел на гостя с едва скрываемым недоверием. Душу раздирала досада на Ваську. Филипп Аркадьевич считал его другом, а он оказался предателем. Разболтал все третьему лицу. А то небось еще и четвертому, и пятому, и десятому. Трепач! Теперь один Бог знает, из каких бюро и корпораций ждать шпионов.

— Удача — штука капризная. Она отворачивалась и не от таких, как я, — продолжал отговариваться Задумин.

— Не сгущайте краски, Филипп Аркадьевич. Вы ведь не Маяков, а нынешняя реальность — совсем не роман Стругацких. Сейчас мир нуждается в вашей находке, как никогда.

Фискалюк встал и заходил по лаборатории. Движения его были порывистыми и обнаруживали крайнее беспокойство.

— Вы, конечно, не разрешите взглянуть в дневник? — спросил он, наконец, с надеждой глядя в глаза Задумину.

«Ишь, чего выдумал! Какая дерзость! И на что только этот коротышка рассчитывал, собираясь сюда?» — подумал Филипп, но ответил другое.

— Да у меня жуткий беспорядок в записях. Черт ногу сломит.

— Ну да, ну да, — задумчиво произнес Фискалюк, не переставая мерить комнату нервными шагами.

— Может, чаю? — предложила Анастасия, темный силуэт которой показался за лентами.

Гостя освободили от салонных принадлежностей и усадили на кухне, подальше от лаборатории. Тему задуминского откры-

тия за чаем не поднимали, только обменивались общими, ничего не значащими фразами. Когда доктор Фискалюк, наконец, сообщил, что ему пора идти, даже Анастасия вздохнула с облегчением. Она не вникала в тонкости работы мужа, но ждала от него гораздо большего, чем мог себе представить сам Задумин. Нажитый на тяжелой работе варикоз жестоко мучил ее. Она никогда не жаловалась, но, прикладывая примочки к ногам, покрытым пугающей синеватой лепниной, втайне мечтала о том, как уволится с завода и посвятит все время своему здоровью и отдыху.

Глядя на любопытного пришельца, Анастасия думала, не вытолкать ли его взашей. Однако слово «ведомство», произнесенное в начале разговора, настораживало. Что если Филькины исследования на самом деле не так ценны? А обида, нанесенная важной птице из «ведомства», могла, чего доброго, вылиться в серьезные проблемы.

Уже стоя в прихожей и застегивая куртку, Фискалюк вдруг поднес к лицу ладони, только что вымытые в ванной, и сказал:

— У вас что-то с водопроводом неладно?

— Вроде бы, все в порядке, — ответил Задумин и распрощался с гостем.

— И чего его приносило? — спросила Анастасия, едва захлопнулась входная дверь.

— Да Васька выболтал.

Она округлила глаза в бешенстве.

— Говорила тебе языком не тряпать!

— Сам знаю, что оплошал. Но ты не переживай. Я ему обо всем в общих чертах рассказывал. Ничего существенного он выдать попросту не мог.

— Вот придет к тебе, кто надо, возьмут за яйца, и сам выдай, идиот, — наращивала обороты Анастасия.

— Тебя послушать, так кругом одни «кто надо».

Анастасия скептически скривилась.

— Да нет, кругом как раз «кто не надо», как Васька твой, гнида. А паранойей ты меня сам заразил. Кто на даче катакомбы рыть придумал, я что ли?

— Ладно тебе кипятиться. У меня все уже готово. Через три дня заявку подам. А что там у нас с водой?

— Не знаю, сейчас посмотрю.

Анастасия закинула на плечо вафельное полотенце и толкнула дверь в ванную, но вдруг резко отпрянула.

— Филька, диверсия! Стой на месте! — закричала она, схватив мужа за рукав.

— Что там? — испугался Задумин.

Анастасия подняла подбородок и понюхала воздух.

— Чувствуешь запах?

Ноздри Задумина зашевелились.

— Что-то есть. На бензин похоже.

— Никак этот Фискалюк сжечь нас решил! — с ужасом предположила Анастасия.

— Да ну, зачем это ему? Дай-ка я гляну, что там.

— Может МЧС вызвать?

Она по-прежнему не отпускала рукав Филиппа Аркадьевича.

— И собаку с милицией. Перестань.

Он отодвинул жену и осторожно вошел в ванную. Розоватый кафель сиял чистотой, в душевой кабине было пусто и сухо, пузырьки с шампунями и прочими моющими средствами стояли на полках в обычном порядке. Задумин медленно нагнулся и заглянул за унитаз, но оттуда на него лишь уныло глянул знакомый вантуз.

— Не понимаю, откуда такая вонь. Тут ничего нет.

Анастасия осмелела и тоже зашла в ванную.

— А ну-ка, открой воду.

Задумин на всякий случай снял с плеча жены полотенце, накрыл кран и слегка повернул его. Раздался урчащий звук, затем металлический носик задрожал, запрыгал и выпустил струю желтоватой жидкости.

— Фу! — Анастасия зажала нос пальцами. — Это что еще такое?

Полотенце соскользнуло в раковину и тут же покрылось вонючими желтыми пятнами.

— Похоже на бензин.

Задумин закрутил кран и недоуменно уставился на жену. Она ответила ему взаимностью.

— Как такое может быть?

Филипп Аркадьевич пожал плечами.

— На насосной что-то случилось, наверное. Сходи к тете Тане, она всегда в курсе всего.

Анастасия двумя пальцами подняла испорченное полотенце и глянула на него так, как смотрела на молодых специалистов, проходивших практику в ее бригаде на заводе:

— Ничего себе, авария! Потравить нас всех решили, что ли? Ладно, я схожу, а ты предупреди Бориса. Он, когда заигрывается, себе не хозяин. Хлебнет еще из-под крана, чего доброго.

— Пусть хлебнет. Может, хоть эта отравка ему мозги промоет, раз ты не можешь.

Анастасия бросила на Филиппа уничтожающий взгляд обиженной материнской гордости и отправилась к соседке на разведку.

Вернулась она быстро и, не сказав ни слова, прошла в ванную прямо в сапогах, постояла перед открытым краном несколько минут, а потом прошла на кухню и проделала то же самое.

— Да что с тобой, Настя? — спрашивал Задумин, испуганно бегая вслед за женой.

Она тяжело опустилась на стул, по-прежнему не замечая, что забыла снять сапоги. Полный негодования взгляд сверлил Филиппа Аркадьевича, как шнековый бур.

— Значит так, ученый, — начала она, тяжело дыша. — Не знаю, какой хреномантией ты занимаешься в своей лаборатории, но в нашем доме творится чертовщина. У тети Тани из кранов идет чистойшая вода. Сама проверяла. Она стирает уже полчаса, и никаких перебоев не было.

— Не может быть! Мы на одном стояке.

— Более того, — повысила голос Анастасия, — с нашим кухонным краном тоже все в порядке. И не надо мне напоминать, что у нас в квартире одна водопроводная труба.

Не поверив, Задумин подскочил с табуретки, открыл воду и долго смотрел на прозрачную бесцветную струю.

Вместо обеда устроили семейный совет. Анастасия ругалась самыми тяжелыми выражениями из своего арсенала. Она безапелляционно винила в происходящем исследованию мужа, хоть и не могла объяснить, как именно они могли повлиять на водопровод таким образом. Задумин горячо оправдывался и выдвигал гипотезы. Борис молча наблюдал за родителями и загадочно улыбался. Потом взъерошил и без того лохматые космы и сказал:

— Мать, хватит агриться. Не говно же бежит, а бензин. Давайте попробуем залить в Червяка и проехаться.

— А если это не бензин?

— Конечно, не бензин. Это — коньяк, мать. Пойди, остограмься, — съязвил Борис.

Анастасия, не привыкшая спорить с сыном, согласилась на авантюру. Филипп Аркадьевич сбегал в гараж за канистрой, и неизвестная жидкость была без промедления залита в бак малолитражки «Чери». Затем семейство устроилось в автомобиле и приготовилось к путешествию. На лицах всех троих было такое выражение, будто они перенеслись в прошлое на полвека и попали на Байконур в момент запуска ракета-носителя «Восток» с Гагариным на борту.

— Заводи! — скомандовала Настя, и Задумин осторожно повернул ключ зажигания.

Мотор тихо заурчал.

— Ну, с Богом!

— Сдается, Бог тут ни при чем. Сама говорила, чертовщина творится, — заключил Задумин и тронулся.

Соседка тетя Таня видела с балкона, как маленькая машина с круглыми от удивления глазами плавно выехала со двора и поползла к повороту на проспект.

Крылатый конь Пегас, гуляя однажды по вершине горы Геликон в Беотии, с силой ударил копытом о землю, и из недр тут же брызнул волшебный источник. С каждым путником, попившим из этого источника, происходила удивительная метаморфоза. Нет, бедняга вовсе не превращался в парнокопытное, как несчастный герой русской народной сказки — он всего лишь начинал говорить стихами. Обрести такую способность — однозначно лучше, чем оборотиться в козла. Но все же дар спонтанного стихосложения не может сравниться в полезности с неиссякаемым источником отличного автомобильного бензина в собственной ванной.

Не прошло и двух недель после открытия «месторождения», как предприимчивая Анастасия наладила скромный нелегальный бизнес: несколько пустошевских таксистов каждый день охотно приобретали бензин по ценам ниже рыночных и не задавали лишних вопросов.

Для осуществления волшебнo-коммерческой деятельности Филиппа Аркадьевича заставили уйти в отпуск. Каждое утро ученый восемь раз наполнял двадцатилитровую канистру, восемь раз клал ее в большой рюкзак, восемь раз спускался с этой ношей с третьего этажа и проделывал двухсотметровый путь до ближайшего гаражного кооператива и обратно. Озадаченной странным поведением Задумина тете Тане сказали, что у Филиппа Аркадьевича обнаружили серьезное заболевание позвоночника, вылечить которое можно было только при помощи длительного хождения с грузом за спиной.

На самом же деле, работая бензовозом, Задумин, не носивший в своей жизни более пяти килограммов с ближайшего продуктового рынка, быстро захиревал. Учителское тело беспощадно ломило, обострился застарелый остеохондроз.

Увидев, что муж вот-вот будет не пригоден к эксплуатации, Анастасия изобрела более гуманный способ доставки благословенной жидкости на черный рынок: теперь Филипп Аркадьевич подгонял машину на задний двор многоэтажки и вставлял спущенный с балкона шланг в большой бак, помещенный в багажник. Тете Тане объяснили, что Задумин выздоровел и решил продолжать свои исследования на даче, где пока что не вырыли скважину.

Через месяц торговли Филипп Аркадьевич взорвался:

— Настя! Хватит уже этим заниматься! Мне нужно подавать заявку на патент. Идеи витают в воздухе. Я опоздаю, понимаешь?

— Еще чего не хватало! — возмутилась Анастасия. — Не с твоей зарплатой в пятнадцать тыщ от таких доходов отказываться.

— Мое открытие принесет в миллион раз больше, ты ведь знаешь.

— Ничего я не знаю. Лучше сто тыщ в руках, чем сто миллионов в небе.

Она с грохотом поставила на плиту кастрюлю с рагу.

— А ты не думала, что пора вызвать специалистов и разобратсья в ситуации?

— Еще чего! Никого не подпущу к моему кранику.

— «Моему кранику», — перекинул Филипп. — Ты не думала, что в этот краник по ту сторону дышит сам дьявол?

— Кто б в него ни дышал, я радуюсь, что в доме появился хоть один на что-то способный краник.

Анастасия приставила руку к паху и сделала неприличный жест.

— Ну хорошо. Давай ты возьмешь отпуск и займешься этим, а я подам заявку?

— Ты идиот? Твоя научная возня привлечет к нам внимание. Мы не сможем и шагу ступить без постороннего взгляда.

Задумин схватился за голову.

— Это ужасно, просто ужасно! Настя, сама подумай: я десять лет работал над тем, чтобы мир избавился от необходимости сжигать топливо. А что теперь? Я сам же барыжу бензином! Может быть, это искушение, посланное мне, чтобы сбить с истинного пути?

— Искушение у Маньки в трусах, а это — манна, — отрезала Анастасия. — Завтра же езжай в школу и пиши заявление на увольнение.

Не на шутку разозлившись на жену, Филипп Аркадьевич стал втайне от нее реализовывать больше бензина. На вырученные деньги он покупал Ольге Дмитриевне подарки — колечки, сережки, сумочки, кофточки, шарфики из натурального шелка, изящные сапожки и туфельки.

Тайну происхождения своего внезапного богатства он не открывал, а Ольга Дмитриевна, женщина тактичная и скромная, никогда не спрашивала его об этом. Она знала только, что биолог оставил школу ради рутинной, но прибыльной деятельности.

Как-то раз, совсем осмелев, Филипп Аркадьевич повел возлюбленную в дорогой ресторан. Склонившись над тарелкой мясных итальянских деликатесов, он стал жаловаться, как тяжело заниматься нелюбимым делом.

— Мое открытие могло бы изменить мир, Оля, а я растрачиваюсь на мелочи.

Ольга Дмитриевна украдкой глянула на последнюю преподнесенную ей «мелочь» — золотое кольцо с сапфиром и пятью бриллиантами.

— Не мучай себя, Филипп. Мы не можем знать наверняка, как сложится судьба твоих уникальных клеток. Ведь тебя могут обмануть, или просто положат дело в долгий ящик, как это часто бывает. А так ты твердо стоишь на ногах.

— На роликах. Стою на роликах, — тихо поправил ее Задумин.

— Что?

— Я ведь — королева бензоколонки.

Ольга Дмитриевна непонимающе пожала хрупкими плечами и принялась за соте из морепродуктов.

Огромные солнечные батареи, когда-то являвшиеся Задумину в свидениях, сменились огнедышащими бензиновыми монстрами. Прозрачные чудовища с колышущимися телами гнались за Филиппом по горячему прибрежному песку. Приятный холодный прибой звал к себе, глубокие воды обещали вечное убежище и покой, но Задумин не решался броситься в море. Он боялся, что сотни ядовитых тел последуют за ним и отравят собой весь свежий зеленый простор. С трудом проснувшись, Филипп Аркадьевич вытирал краем простыни холодный пот, льющийся со лба, шел на кухню и выпивал стакан холодного молока. Тогда страх отступал, и на его месте восстанавливалось прежнее тихое уныние.

Время мчалось стремительно и незаметно, как новенький «Фольксваген». Год петуха уже забрался на забор и поджидал, когда уставшая обезьяна приберет за собой банановые шкурки и уйдет с поста на следующие одиннадцать лет.

Филипп Аркадьевич перестал заходить в свою лабораторию. Выполнив дневную норму, установленную Анастасией, он приезжал домой, ложился на диван, включал ток-шоу и проваливался в пустую бесцветную дремоту, просыпаясь лишь во время рекламного блока. Иногда он находил телеканал на одном из тюркских языков, носители которого составляли национальное меньшинство Пустошева, и, не понимая ни слова, долго вглядывался в раскосые лица, казавшиеся ему почему-то дружелюбными и спокойными. Он больше не читал по вечерам любимый научный журнал "Nature" и не виделся с Ольгой Дмитриевной. Не хотелось.

На жену, помолодевшую и раздобревшую от нахлынувших благ, Филиппу Аркадьевичу и вовсе было противно смотреть. Частенько он даже позволял себе дерзость — называл ее звгленой зеленой, а сына — малярийным плазмодием, намекая, по всей видимости, на незатейливую организацию первого и паразитизм второго организмов, деливших с ним жилплощадь.

Однажды, когда вся семья собралась у телевизора для просмотра популярного талант-шоу, которое должно было на-

чаться после вечерних новостей, Задумина разбудил восторженный голос диктора:

— А теперь самая главная новость сегодняшнего выпуска! — громогласно сообщил мужчина с лакированной прической. — Ученый-самоучка по имени Веньян Ли, живущий в дельте реки Янцзы, вывел новую клеточную культуру, способную накапливать огромное количество энергии. Взоры всего ученого мира сейчас устремлены на скромного китайского подданного, превратившего обычный кактус в мощную солнечную батарею!

На экране появился низкий круглолицый человек в темном укороченном кимоно. За его спиной возвышались живописные конусы гор и спокойно текли желтоватые речные воды. Голос за кадром рассказывал о том, как упрямый сын миллионера наотрез отказался продолжать семейное дело — каботажные перевозки. Вместо того, чтобы работать на всем готовом, он ушел из отчего дома в бедную деревню и много лет прожил в одиночестве, едва сводя концы с концами.

— Веньян никогда не сомневался в том, что рано или поздно сумеет оправдать надежды, которые когда-то возлагали на него родители. К сожалению, до этого великого дня дожила только мать Веньяна...

Душа Филиппа Аркадьевича задрожала и обрушилась с грохотом, словно старый дом от взрывчатки. Он скинул с себя одеяло, схватил металлический торшер и с диким воплем ринулся в ванную. От первого удара тяжелого основания светильника кран надрывно взвизгнул и страдальчески изогнулся. Задумин снова взмахнул торшером, и на этот раз бензиновый кормилец не выдержал, сорвался и полетел на кафельный пол. За краном сразу же последовала раковина, расколовшаяся на несколько острых кусков. Бензин тонкой струйкой полился из трубной культуры.

— Ты что же делаешь, ирод! — взмолилась Анастасия, не решаясь, однако, подойти близко к мужу.

Услышав ее, он медленно повернулся. Лицо, искаженное горем и яростью, подергивалось, сжатые кисти рук посинели от напряжения. Метнув пылающий взгляд поверх голов своих домочадцев, Задумин издал страшный победный крик, поднял правую ногу и с силой ударил по трубе. Металл треснул на стыке со стояком, труба отвалилась и из образовавшейся

дыры полилась вода. Филипп Аркадьевич глянул вниз и вдруг захохотал. Горько и надрывно.

Пока Борис бегал в подвал, чтобы перекрыть воду, а Анастасия вычерпывала потоп пластмассовым ковшом, Задумин положил в сумку спортивный костюм, документы, ключи от потайного дачного подвала и половину сбережений за год, а затем, сильно хромая, вышел из дома.

С тех пор никто из близких и знакомых больше его не видел. Через несколько лет по телевидению для национальных меньшинств транслировалась сельскохозяйственная передача. Раскосый веселый журналист в длинной дубленке рассказывал о необыкновенном фермере, который основал на севере страны тепличное дело с использованием новой экономической технологии. Герой программы, бородатый хромой мужчина, любовно державший гостя под руку, с гордостью демонстрировал помидоры и огурцы, совершенно южные на лицо. Журналист восхищался урожаем и низкими ценами и всячески нахваливал фермера на тюркском языке. Но в Пустошеве, кроме национальных меньшинств, его никто не понял.

О жизни, смерти и фотографии

Когда свекровь, Елизавета Андреевна, увидела мой новогодний подарок, ее неживые татуажные брови встретились над переносицей, образовав хмурую покосившуюся крышу.

— Это что еще? — спросила она с натянуто-любезной улыбкой.

— Это портрет вашего Мусика. Разве не похож?

С небольшого полотна в скромной деревянной рамке на Елизавету Андреевну смотрела отвратительная морда ее возлюбленного шестнадцатилетнего кастрата, кота Моисея, также известного под именами Мусик, Мосик, Масик и Усик. Выцветшие глазенки перекормыша глупо таращились из-под густых пучков шерсти. Нижняя челюсть сильно выдавалась вперед, напоминая троллейбусный компостер.

— В общем-то, не очень похож, — процедила свекровь. — Мусик — милое и доброе создание, а у тебя получился какой-то..., — она сделала мысленное усилие, пытаясь подобрать нужное сравнение, — какой-то Горгулий.

— Я ведь не с натуры писала. По фото сложно передать характер, — отступила я, как делала довольно часто во избежание скандалов.

На самом деле злобный зверек вышел на картине вполне реалистично. Конечно, я могла бы покривить душой и попытаться приукрасить засранца, чтобы угодить свекрови. Но такое отвратительное существо не смог бы преобразить даже сам Бэзил Холлурд.¹

— Так-так, а что для меня приготовила Анюточка?

Свекровь не сказала более ни слова по поводу моего сюрприза и небрежно сунула его в руки мужа, Виктора Сергеевича. Теперь она смотрела на Анну, младшую невестку, и голос ее сразу стал сальным и угодливым, как смазанный подшипник.

— Вот, мамочка, мы с Женюшкой поздравляем вас с Новым годом! — объявила Анна и извлекла из бумажного пакета небольшую пеструю подушку, в середине которой была изображена серая мышка.

— Какая прелесть! — воскликнула свекровь, и крышу ее бровей снесло к волосам волной притворного умиления.

— Но ведь Елизавета Андреевна хотела, чтобы мы с тобой сделали подарки своими руками, — осмелилась напомнить я. Подушечка явно имела фабричные корни.

На изрядно отеком лице Ани мелькнуло презрение.

— Мышку я подобрала и наклеила сама, — сообщила она с таким достоинством, которое было бы в пору Копернику, когда тот пришел к выводу о гелиоцентричности мира, положив начало научной революции.

— Замечательная мышка! — поспешила вмешаться свекровь. — Остроумно и красиво. Кроме того, Анечка и вовсе могла не утруждать себя в ее положении.

Не проходило и дня, чтобы в нашей большой «дружной» семье не говорили об Анечкином положении. Беременность двадцатипятилетней домохозяйки воспринималась, как событие необыкновенное, будто была она не прокуренной дочерью директора ювелирного магазина, а девой, совершившей непорочное зачатие. Об уровне лейкоцитов и тромбоцитов в ее крови и сахара в моче сокрушались по телефону, за обеденным столом, во время

¹ Бэзил Холлурд — персонаж романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Портрет главного героя романа, написанный художником Холлурдом, оказывается магическим: изображение стареет и приобретает следы порока и разврата, которым предается герой, осознав, что сам он, благодаря портрету, будет всегда молод и красив.

просмотра вечернего телешоу. Многочисленная родня слала разнообразные кремы, бандажы, пинетки и шапочки. И я не удивилась бы, если б узнала, что первый тест на беременность, полосатый, как столбы на железнодорожном переезде, был послан бандеролью в Германию, Израиль, Соединенные Штаты, или по всем направлениям в нескольких экземплярах. Что стоило Анне писать на тест, ради того, чтобы родня писала от восторга!

— А что приготовила для нас своими руками Елизавета Андреевна? — вступил, наконец, в разговор Юрий, друг моего мужа и наш общий однокурсник по художественному училищу. Он выразительно потянул носом в сторону столовой. Я же испытала к нему острый приступ благодарности за то, что разговор на опостылевшую тему был прерван, едва начавшись.

— Да-да, Юрик прав! Прошу всех к столу! — провозгласила свекровь, и вся компания проследовала в просторную столовую, пахнувшую отменными угощениями.

Каждый человек, независимо от того, суеверен он, или же вовсе не склонен к предрассудкам, старается встретить Новый год в самом приятном для себя месте. Категорическое и пугающее утверждение «С кем Новый год встретишь, с тем его и проведешь» заставляет его тянуться к близким, милым сердцу людям. Возможность поучаствовать в самых веселых массовых затеях часто отвергается в пользу скучного и уютного праздника в кругу семьи.

Среди причин, приводивших каждый год нескольких гостей в дом Елизаветы Андреевны Ермоловой, никогда не было вышеуказанной. Веселый и вечно голодный холостяк Юрий, очевидно, покидал свою творческую мастерскую ради всевозможных грибных, винных, сметанных соусов, рыбы и мяса на гриле, оригинальных салатов и гарниров. Сыновья, Евгений и Александр, возвращались в родительский дом по праздникам из опасения потерять материальную поддержку матери, без которой одному пришлось бы бросить онлайн игры, а второму — бесплодное творчество, и пойти на работу. Виктор Сергеевич, подтянутый красномордый дедушка, изнемогал здесь, так как до смерти боялся жены. До первых двухсот грамм он украдкой отсылал сообщения тридцатилетней любовнице. После — начинал сбивчиво, но подробно описывать, какое именно имущество они с женой сумели накопить для сыновей, и как тяжело

приходилось их семье на челночном поприще. Анна снизошла в этом году до всех присутствующих, так как вскоре должна была родить единственного наследника торговой империи, занимавшейся продажей элитной европейской одежды из Одессы. Я же боялась обидеть ранимого мужа Сашу очередным скандалом со свекровью. Это могло снова отсрочить создание первого шедевра, который все ждали уже более десяти лет. О том, почему в доме свекрови в ту ночь оказалась ее визажист Леночка, в начале вечера я не могла и подозревать.

— Наконец-то! — без смущения провозгласил Юрий, едва все усьелись за стол. — Приступим!

Он смело потянулся к самому большому блюду с салатом.

— Стой! — одернула его свекровь. — Сначала сфотографируемся на память.

Она вынула из секретера профессиональную камеру и, сделав беглый снимок гостей, принялась фотографировать стол.

— Ма, какого хрена? — нетерпеливо обратился к ней Евгений. Судя по кислой mine, он как раз пропускал какую-то особо важную виртуальную битву.

— У ма новое хобби, — объяснил Виктор Сергеевич. — Она фотографирует еду и выкладывает в сеть.

— Зачем? — тускло поинтересовался Александр. Непрерывно терзаемый муками ускользающего вдохновения, он не понимал смысла и более полезных вещей.

— Да как же ж, зачем? Показать людям такую вот красоту. А то сейчас налетите, да все попортите, — доброжелательно разъяснила Елизавета Андреевна, и вспышка озарила румяные бока убиенной курицы.

— Чё на нее смотреть? Если сожрать нельзя! — не унимался младший сын, все более раздражаясь.

— А это, так сказать, для эстетического удовольствия, — поспешил вмешаться Юрий. — Вроде как посмертная фотография. Знаете, был такой обычай в девятнадцатом веке?

Свекровь застыла с камерой в руках.

— Какой такой посмертный обычай?

— Когда в доме кто-нибудь умирал, — неохотно начал объяснять Юрий, уже поняв неудачность подобранного сравнения, — вызывали фотографа, и он делал снимок... покойника. Ну, или труп приносили в студию. И там его... того...

Он бросил скорбный взгляд на жареную курицу.

— Ели? — искренне удивился свёкор.

— Да нет же, па, фотографировали, — сконфуженно пояснил Александр.

— А какое отношение это имеет к моему столу? — недоверчиво осведомилась Елизавета Андреевна.

— Да никакого, собственно. Просто, они тоже старались запечатлеть то, чему суждено было вскоре исчезнуть, дабы сохранить память о муже, например. Или умершем ребенке.

Анна широко раскрыла глаза и издала испуганный вздох.

— Кстати, мертвых детей фотографировали чаще, так как процедура была долгая. Живой бы не высидел, — продолжал Юрий весело, не заметив все более ужасающуюся Анну.

Удивительно, как меняет женщину беременность. Еще полгода назад она совершенно не испугалась своего интересного положения, наступившего после десяти лет курения и довольно частого распития горячительных напитков до беспамьятства. Теперь же даже невинные рассказы об усопших в позапрошлом веке младенцах приводили ее в оцепенение.

— А еще иногда фотографии рисовали глаза на закрытых веках, чтобы...

— Может, хватит о мертвых детях! — злобно оборвала его Анна.

— Это безобидные исторические факты. Ничего страшного в них нет, — возразила я.

— Тебе этого не понять! — рявкнула она в ответ, и одутловатое ее лицо залилось нервным румянцем.

— Давайте уже пожрем, блин! — весело предложил Евгений и выхватил самое большое блюдо с салатом из-под носа у Юрия.

Так уж повелось, что в цивилизованном и гуманном человеческом обществе, сумевшем высоко подняться над животным миром и своими звериными инстинктами, всегда было принято пожирать особей своего вида за место под солнцем, за лишний кусок мяса и даже за неспособность дать потомство. Долгое время я совершенно не чувствовала себя ущербной из-за того, что, прожив в браке десять лет, не имела детей. Но когда годовая стрелка часов моей жизни доползла до отметки тридцать пять, все изменилось. Почти все мои ровесницы уже

успели обзавестись одним или даже несколькими чадами, оставили работу и закрепились, словно кораллы, в нежно-розовых зарослях материнства и супружества. Те из них, что ранее смотрели на меня с некоторой завистью и даже уважением из-за того, что на профессиональном поприще мне удалось добиться некоторых успехов, теперь приняли тон злорадного сочувствия. Если бы я относилась к числу женщин, которые осознанно отказываются от материнства, открыто пренебрегают обществом, в котором говорят лишь о педиатрах и эффективности метода Кегля в реанимации послеродовых «ранений», тогда меня совершенно не удручало бы такое положение вещей. Но дело в том, что сама я долгое время отчаянно хотела побыть в роли «коралла». Хотя бы немного.

Из-за того, что обе мои родные сестры не могли иметь детей, в семье мужа по умолчанию считалось, что в сложившихся обстоятельствах вся вина лежит на мне. Ни Александр, ни я никогда не ходили по этому поводу к врачам, так как моим старшим сестрам все медицинские новшества помогли лишь избавиться от многолетних накоплений, но не вылечили недуг. По правде говоря, муж не слишком расстраивался, так как его заботили только тщетные попытки стать хорошим художником. Я тоже успела смириться с мыслью, что кроме детей в жизни человека есть множество других радостей. И, казалось бы, этот вопрос больше никого не должен был заботить. Но окружающие меня «кораллы» оказались на редкость деятельными. Все они, соскучившись на своих рифах, намекали, спрашивали, советовали, сожалели, обсуждали, выдвигали идеи и, в общем-то, не оставляли меня в покое.

— А вы с Сашей пока не собираетесь завести малыша?

— А вы пробовали ЭКО?

— А Саша не хочет ребеночка?

— А вы не хотите взять девочку из дома малютки?

Самым худшим, однако, были высказывания, наподобие отпущенного Анной: «Тебе этого не понять!» Будто я больше не принадлежала к некоему «сословию женщин», «тайному обществу матерей» и превратилась в существо без определенного пола.

Бывало, что в подобных случаях я отвечала довольно резко, но это выводило из равновесия лишь меня саму, так как взрослый, хорошо укрепившийся «коралл» вряд ли испугаешь,

сердито топая по дну и поднимая ил. Напротив, его даже развеселит представление. Пока он прикреплен к надежному ржавящему остову затонувшего корабля, ему ничего не грозит. Потому все чаще я просто делала вид, что не замечаю вопрос или обидное высказывание.

Вечер тянулся нестерпимо долго. Юрий и Александр, вместо интересных разговоров, которые они обыкновенно вели в мастерской или на нашей адски крошечной и чертовски уютной кухне, сегодня молча жевали угощения, дабы не смущать обидчивых родственников, как случайно сделал это Юрий в начале застолья. К полуночи изрядно раскрасневшийся Виктор Сергеевич уже перечислил все ковры, этажерки, комоды, сервизы, телевизоры, соковыжималки, электромясорубки, душевые кабины, компьютеры, дубленки и прочие простые радости работника торговли со стажем, подаренные когда-то семьям сыновей, и теперь неустанно стрелял хитрыми выцветшими глазками в сторону Елены. Он, видимо, так же, как и я, не подозревал тогда, почему визажист Елизаветы Андреевны проводила Новый год в кругу семьи Ермоловых. Или просто забыл. Страсть к хорошеньким молоденьким девушкам сохранилась в нем гораздо лучше, чем память. Леночка, в свою очередь, мило улыбалась. За весь вечер, она, кажется, не проронила ни единого слова, за исключением тех случаев, когда кротко и целомудренно отказывалась от спиртного.

Елизавета Андреевна выпивала не много, но, стараясь побороть природную схожесть с комодом в стиле ампир, закусывала очень умеренно и потому сильно опьянела. Она непрерывно совала каждому из гостей обожравшегося полусонного Моисея, который недовольно крякал, но не сопротивлялся прихоти кормилицы, как и все члены семьи Ермоловых. Временами она включала караоке и тоненьким заунывным голосом исполняла какую-нибудь народную песню, а свекор все повторял:

— Ну, просто Ангелина Толкунова, или как ее там?

Когда до боя часов оставалось минут пять, Елизавета Андреевна попросила всех наполнить бокалы и встала, дабы провозгласить тост.

— Дорогие мои дети! — начала она, трогательно улыбаясь и едва заметно покачиваясь. — Вот и прошел еще один год. Я от всей души, — тут она прижала руку к массивной груди, вроде

бы указывая на местонахождение своей души, — поздравляю вас с наступающим Новым годом! Желаю здоровья, счастья, всех благ. Следующий год будет особенным для нашей семьи, — на ее глазах выступили крупные блестящие слезы. — Вы все знаете, как долго я ждала внуков и вот, наконец-то, время пришло. В этом году в нашей семье появятся малыши! — заявила она и вдруг осеклась.

— Ба! Да у Анны ожидаются близнецы! — воскликнул Юрий, тоже порядком опьяневший.

— Нет, конечно, вы что? — поспешила ответить Анна. — Боже избавь! У меня будет один мальчик.

Свекровь воровато скользнула глазами по Леночке, затем глянула на Александра, который моментально съехался, побледнел, и нехорошее предчувствие пудовой гирей повисло на моей шее, заставив сгорбиться.

— Оговорилась.

Она наигранно прокашлялась и продолжила свои поздравления, но я больше не слышала ее. Зачем ей, с ее снобизмом и жадностью, понадобилось вдруг приглашать на семейный праздник постороннего человека? Из чужаков в этом доме обычно бывал только Юрий, так как Елизавете Андреевне было лестно принимать у себя художника, о котором регулярно писали все местные газеты. Весь вечер девица отказывалась от спиртного и вела себя, как невеста на смотринах. Последней каплей в стакан моих подозрений стало воспоминание об эпизоде, произошедшем месяца три назад. В течение недели Александр по просьбе матери все время отлучался, дабы помочь какой-то ее приятельнице с переездом. Случайно узнав, что приятельницей была визажист Елена, я тогда удивилась, что свекровь принялась помогать тому, кто был для нее обслуживающим персоналом, но не придала этому никакого значения. Мало ли, может, у них система взаимозачетов.

Но теперь острые осколки неведения мгновенно сложились в металлические прутья мрачного витража под названием «правда». Я поняла, почему в последнее время муж относился ко мне с преувеличенным вниманием, почему он, когда звонила мать, поспешно брал сигарету и снимал трубку только на балконе, притворив дверь так, чтобы я не слышала разговор. Стало ясно, отчего в его творчестве произошел самый дли-

тельный застой — ни одного наброска, ни одной идеи за последние месяцы.

Неясно было лишь то, почему меня еще не отнесли к числу «чужаков» и пригласили на злополучный праздник. Видимо, Александру не хватало духу, чтобы признаться во всем, а сама Елизавета Андреевна побаивалась открыто сообщить мне о своих планах, так как хотела создать видимость того, что решение исходило от него самого. Как и положено в приличных семьях.

Мне не нужно было спрашивать мужа об истинности собственных догадок. Достаточно было посмотреть на его белое, будто стена, лицо и приклеившиеся к тарелке глаза. Едва стих бой курантов, я взяла стакан для сока и доверху наполнила его водкой, что заставило все голоса стихнуть. Затем осушила его залпом, не закусывая. Анна снова порицательно ахнула.

— Теперь я спою! — громко произнесла я и встала со стула. Комната плыла перед глазами.

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла!

— громко, не попадая в ноты, забасила я. Гости молчали, уткнувшись в тарелки. Похоже, кроме меня и Юрия, недоуменно моргавшего и озирающегося по сторонам, все были в курсе.

Но ждали все, чтоб елочка
Скорее родила!
Ведь без потомства елочка
Для всех говна кусок.
Давайте срубим елочку
Под самый корешок!

Голос изменил мне, надломился на последнем слове, и по щекам сами собой потекли слезы. Повисла угнетающая тишина. Александра была нервная дрожь. Елизавета Андреевна смотрела на меня враждебно, ее полное красное лицо блесло от пота.

— Маш, пошли отсюда.

Юрий, наконец, догадался, в чем дело. Он подошел ко мне и осторожно потянул за руку.

— Пошли, милая, не надо. Не надо плакать.

Мне очень хотелось сказать каждому из них что-нибудь очень гадкое, что-то такое, что могло бы уничтожить каждого.

Найти средство, которое разом выдернуло бы с корнем эти проклятые «кораллы» и разбило на крошечные щепки остовы затонувших кораблей, но сил не было. Юрий взял меня за плечи и повел прочь.

Забирать из моей квартиры ковры, комоды, сервизы, этажерки, телевизоры, соковыжималки и электромясорубки Александр, видимо, отказался. Потому через пару месяцев сделать это приехала сама Елизавета Андреевна. Мы не обмолвились друг с другом ни словом. Пока она, при помощи двух нанятых выпивох, переносила подаренное когда-то имущество в грузовую «Газель», я пила чай в своей крошечной уютной кухне. Когда набитая доверху всяким скарбом машина отчалила, наконец, от подъезда, я зашла в комнату: в доме стало пусто, а на душе — легко.

Уже в феврале наступившего года мы с Юрием обнаружили, что я вовсе не бесплодна, и он решил положить конец своей холостяцкой жизни. В апреле вместо ковров и шкафов свекрови квартиру заполнили коляски, кровати и тюки детского трикотажа, так как у моего ребенка планировалось целых трое родителей — мы с Юрием и сестры с мужьями. Все старались внести свою лепту в обустройство моей адски маленькой квартиры.

С Александром мы встретились случайно через несколько лет в супермаркете. Я сразу узнала его — сутулый, худой, как прежде. Он медленно раскладывал по полкам какой-то товар.

— Здравствуй, Саша.

— Здравствуй! — он очень обрадовался. — Как ты?

— Да потихоньку. Как мама с папой?

— Мама умерла в прошлом году. Сердце. А отец...

Он махнул рукой, не договорив.

— Мне жаль.

Александр кивнул, продолжая внимательно меня изучать.

— Ты хорошо выглядишь. У вас с Юрой, вроде, дочка есть? — несмело поинтересовался он.

— Есть. Пять лет. А у тебя?

— У меня сын. Значит, вы решили взять девочку?

— В смысле?

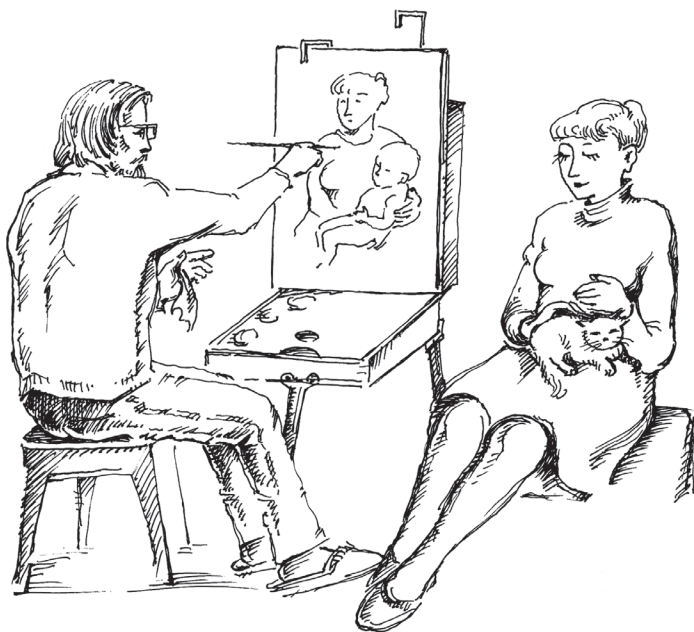
Я не сразу поняла вопрос. Выходит, он ничего не знал и даже не догадывался все эти годы, что, вероятно, растил не своего ребенка. Говорить правду не хотелось, так как чувство обиды давным-давно улеглось в моей душе. Кроме того, этот «затонувший корабль» и без того выглядел скорбно. Наверняка, он бросил творчество. В погасших глазах не было и следа бывлой искры. Говорить неправду тоже не хотелось. Для чего нужно, чтоб кто-то думал, что дочь мне не родная? И я выбрала.

— Саша, моя дочь не из дома малютки. Она моя и Юрина. Зовут Елена, в честь Юриной мамы.

Я открыла кошелек и показала ему фото Ленки. Черноволосая, курносая, полнощекая, она была моей маленькой копией. Он изменился в лице. Весь его вид выражал недоумение и сильную усталость.

— Ты прости, мне надо бежать.

Продолжать тяжелый разговор больше не хотелось, и я ушла, не дожидаясь ответа. Нечего мутить воду, когда весь ил уже давно осел.

Чужой труд

Моя бывшая однокурсница Соня сидела за столом, время от времени закидывая ногу на ногу. Делала она это зрелищно и так же медленно, как Алиса Льюиса Кэрролла падала в кроличью нору. Ноги были длинные, загорелые и так тщательно «обесшерствлены», что я понимала: идеальные девушки из рекламы — это не миф. Люди! Нас не обманывали, они существуют! Все остальные части Сониного тела не уступали ногам в своей идеальности: высокий бюст, вырывающийся из бюстгальтера, будто готовый к взлету аэростат, бронзовая шея, украшенная толстой золотой цепочкой с изумрудным кулоном. Волосы она перекинула на одну сторону, словно говоря: «Простите, они настолько густы, что я вас не слышу. Поэтому освобожу одно ушко, а то поговорить не удастся». Время от времени Соня поправляла спутавшиеся ресницы кончиком вевообра-

зимо длинного ногтя. «Какое же удовольствие, наверное, вытаскивать такими ногтями из носа козявки! Ведь ими можно проникнуть в самые недоступные и неизведанные места», — пришла в мою голову глупая мысль.

— Так где ты работаешь? — спросила меня Соня, сделав заказ.

— В школе.

Я немного подтянулась на стуле так, чтобы боковая часть моей пятой точки не свисала с сидения. То, что находилось между моими бедрами и тем местом, где когда-то располагалась талия, определенно, весило больше, чем вся Соня целиком вместе с ее изысканным ридикулем.

— В школе? — переспросила она и поморщилась. За пять минут нашей встречи это произошло уже в пятый раз. — Как же тебя туда занесло?

— Да так, попутным ветром. Ураганным, учитывая мой нынешний вес.

Соня криво улыбнулась, пытаясь, наверное, выразить сочувствие. Интересно, съешь она столько шоколада, сколько съела я за последние полгода, и поправься до моих габаритов, что бы она делала? Свела бы счета с жизнью, не иначе. Лучший способ в таком случае — начать морить себя голодом: если успеешь похудеть, то умирать не придется.

— Ты замужем? — спросила Соня, достав плоскую продолговатую пачку сигарет.

— Да.

Снова удивление. «Наверное, какой-нибудь неудачник», — вероятно, подумала она.

— А кем муж работает?

Вопрос подтвердил мою догадку.

— Он мой коллега. Учитель физики в школе. Там и познакомилась.

«Ну, тогда все ясно», — засветился ответ в Сониных глазах.

— А ты чем занималась после университета?

— Я путешествовала, — она выпустила тонкое облачко белого дыма, пахнущего малиной и еще чем-то сладким.

— По работе?

— Нет. С другом. Мы объехали весь мир. Южная и Северная Америка, Европа, Восток. В Одноклассниках есть фото, если хочешь, зайди, посмотри.

— Зайду, обязательно.

Не заметив на Сонином пальце обручального кольца, я тактично воздержалась от встречного вопроса о семейном положении. Других вопросов на ум не приходило, поэтому я принялась за малиновое пирожное, пока моя собеседница осторожно цедила кофе без сахара.

— Не вкусно, наверное, без сахара?

— Сахар — белая смерть, — сразу же отреагировала Соня, явно уже не в первый раз употребляя эту фразу.

— Да, это радует. Жизнь у нас сейчас — не сахар, потому жить будем долго.

Она снова снисходительно улыбнулась.

— А кем ты работаешь? Как я понимаю, не по профессии?

— Нет, конечно. Кто сейчас по профессии работает? Хочешь жить — умей вертеться.

Меня так и подмывало спросить, на чем вертится Соня, чтобы жить. Эта фраза тоже давно входила в Сонин лексический арсенал. Удержаться удалось лишь невероятным усилием воли. В университете у нее был потрясающий талант к списыванию. Она могла списать что угодно и откуда угодно. Души именно таких людей стоит сажать списывать грехи других после смерти. Так вот, когда она таким образом получала очередную пятерку, то говорила всем сдававшим почетному, расстроенным троечникам: «Хочешь жить — умей вертеться!»

— Я работаю менеджером в одной компании.

— А чем занимается ваша компания?

— Разным.

Тон, которым было произнесено последнее слово, отбивал желание узнавать подробности.

— Ну, давай ближе к делу. Чем я могу быть тебе полезна? — спросила я, желая поскорее окончить скучный разговор.

— Я хочу предложить тебе работу.

Соня перекинула копну волос на другое ухо. Наверное, первое устало слушать, или замерзло.

— Какую работу?

— У нас в организации открывается вакансия помощника менеджера.

— В смысле, твоего помощника?

— Вообще-то, да. Я уже месяц перебираю кандидатуры, но ничего стоящего не нашла.

Соня поморщила носик, и мне невольно представилось, как она ковыряется лопаткой в кучке с маленькими кандидатами на должность ее помощника.

— Тогда я вспомнила про тебя. Ты, вроде, английский хорошо знаешь и обязательная.

«И толстая, никакой конкуренции мне», — добавила я мысленно.

— А что входит в обязанности твоего помощника?

— Да ничего особо сложного. Перевод писем, общение с инвесторами. Сейчас мы стали работать с иностранцами, а я уже немного подзабыла язык. Ну, еще кое-какая документация.

— То есть, я буду твоим переводчиком, получается?

— Не только. Конечно же, тебе самой нужно будет вникнуть в суть дела. Я часто нахожусь в загранкомандировках, сопровождаю директора в поездках. В это время помощник должен справляться сам.

— Так в какой области, все-таки, работает фирма?

— Медицинское оборудование, и не только.

— Ясно.

В сердце моем слабо забрезжила надежда. Нет, не то, чтобы я не любила свою работу. Даже наоборот, у меня с самого начала довольно неплохо получалось находить общий язык с детьми и, при этом, серьезно готовить их по своему предмету. Думаю, за восемь лет учительской деятельности я принесла своим ученикам немало пользы. Во всяком случае, значительно больше, чем преподавательская деятельность принесла в нашу с мужем крошечную «хрущевку», где до сих пор стояла советская газовая колонка для нагревания воды.

Насчет должности все было ясно: Соня хотела найти себе эффективную замену, которая, при этом, не была бы в состоянии заменить ее на всех фронтах. Чем надежнее и способнее окажется человек, посаженный в окоп, тем стабильнее и спокойнее будет самой Соне в тылу.

— Предложение интересное. До иняза я ведь пыталась поступить в медуниверситет, так что темой этой интересовалась.

— Вот и отлично. Через пару недель можем начать испытательный срок.

— Испытательный? На каких условиях?

— Пару месяцев поработаешь за минимальную зарплату, а потом посмотрим, как будешь справляться.

— А какая у вас минимальная зарплата?

— Да как и везде. Тысяча сто пятьдесят гривен.

Соня повертела в руках сигаретную пачку и спрятала ее в модную сумочку. Я почему-то подумала, что такой спичечный коробок на ремешке стоит не меньше трех тысяч гривен.

— Но я в школе получаю две тысячи.

— А какие у тебя там перспективы? До старости с дураками возиться?

— Ну, почему же с дураками? Ведь из них же потом получают менеджеры, которые путешествуют по всему миру?

— Нет, ты если не хочешь, то скажи. Я же тебе не навязываюсь.

Соня нервно дернула плечом, волосы упали на обе стороны.

— Сейчас все кричат, что работать негде, а как предлагаешь, так никто ничего делать не хочет. Уборщицу, и ту найти невозможно. За два часа в день подавай им тысячу-полторы.

— А ты что, уборщице меньше тысячи платить хочешь?

— Естественно, тринадцать гривен в час — более, чем достаточно.

— А сама ты тоже тринадцать гривен в час получаешь?

— Нет, конечно. Ты не сравнивай. То уборщица, а у меня, вообще-то, труд квалифицированный.

Я запихала в рот остатки пирожного. От приторного вкуса уже тошнило, и доедать его не хотелось, но оставлять было жалко.

— Ты, наверное, тысяч десять долларов в месяц получаешь? — спросила я, проглотив сладкую жижу.

— Нет. Ты что? Так много я не получаю.

— Значит, твой труд не ценят.

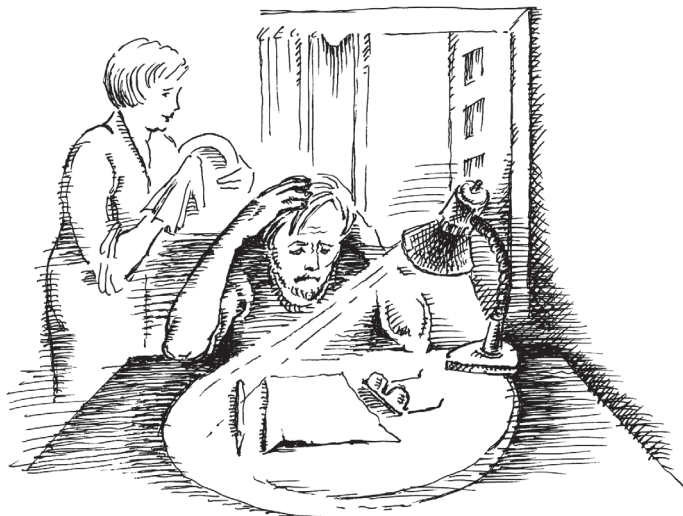
— В смысле?

— Думаю, за такой квалифицированный труд, как твой, девушки в гостиницах не меньше ста долларов за час просят. Хотя, может быть, вы там оптом работаете? Оптом дешевле.

Соня сощурилась и приготовилась сказать ответную гадость, но я поскорее достала из своего портфеля пятидесятигривневую бумажку (мое пирожное дороже не стоило) и засеменила прочь из кафе, загребая пыль своими старенькими балетками.

Уже минут через десять я пожалела, что была так резка с ней. То ли мне стало обидно за учителей, то ли за уборщиц. А, может, за моих «дураков». Школа у меня захолустная, не модная гимназия, потому вряд ли многие из тамошних лоботрясов станут менеджерами или путешественниками. И Сонька в этом не виновата. Ведь и ее квалифицированный труд ценится хоть и высоко, но не долго.

Чётки

Если бы к своим неполным тридцати пяти годам Михаил Небогов написал хоть один успешный роман, сейчас он непременно покончил бы с собой. Сидя в старом проваленном почти до пола кресле и глядя на задернутые шторы, он представлял свои похороны. Массивный дубовый гроб, строгий и элегантный, в каком и подобает возлежать телу великого писателя, стоит на постаменте, густо украшенном бордовыми розами. Толпа поклонников бессмертного гения Михаила Александровича роняет слезы на блестящий паркет главного зала дома культуры Зеленоморска. Нет, лучше театра имени Луначарского. Там обстановка гораздо изысканней. Кроме того, в этом театре с ошеломляющим успехом прошла постановка по роману Небогова. Бывшие коллеги, перо которых не отточить до уровня мастерства Небогова даже на токарном станке, по очереди произносят торжественные речи. Каждый говорит

о том, какой неоценимый вклад сделал покойный в современную литературу, создав пусть единственный, но непревзойденный шедевр. И как много мог бы он еще сделать, если бы не свел счеты с жизнью, устав от поисков нового источника вдохновения.

Но у Небогова не было романа, потому кончать с собой было совершенно бессмысленно. Ни один из тех немногих читателей, что держали в руках тоненькие сборники лирических рассказов Михаила Александровича, и не вспомнит о нем. Наверняка, думал Небогов, эти крошечные книжонки пригождаются им лишь для того, чтобы коротать время в клозетах, и они более углубляются в биологический процесс, нежели в чтение рассказов.

Михаил Александрович, между тем, чувствовал в себе необыкновенный потенциал. Он, несомненно, был способен создать такую книгу, которую ни один даже самый отпетый невежда не посмеет взять в клозет, но будет бережно хранить на самом видном месте.

Небогов поерзал в кресле, и дубовый гроб в его мыслях сменился толстой книгой в дорогом переплете. В центре обложки — загадочная иллюстрация, плод воображения знаменитого абстракциониста. Книга переведена на пять иностранных языков. Нет. Лучше десять. На всех витринах книжных магазинов — плакаты:

М. А. Небогов

Лидер продаж

Роман «Обреченные»

Нет. Лучше «Покинутые». Или «Забытые». Сам Михаил Александрович сидит за столиком в строгом элегантном костюме. Вокруг него гудит толпа поклонников. Все они ждут автографа.

— Мишка, ты чего опять в темноте сидишь?

На затылок Небогова с глухим шлепком опустилась увесистая ладонь.

— Господи, мама!

Виолетта Андреевна прошла к окну и рывком раздвинула шторы, игнорируя протест сына.

— Сколько раз просил тебя не делать так!

— Не умрешь! — заявила мать и обернулась к Михаилу Александровичу. Лицо у нее было широкое, с тонкими губами и взглядом Генриха Мюллера. — Опять киснешь, писака?

— Не называй меня так! Я, между прочим, член Союза писателей, — в который раз обиделся Небогов.

Виолетта Андреевна скривила издевательскую гримасу.

— Ты обедал, член?

— Оставь меня в покое.

— Сейчас как оставлю, — и Виолетта Андреевна угрожающе подняла ладонь. — Слушай, Мишка. Звонила тетя Шура, завтра она отправляет к нам курортников. Нужно срочно освобождать квартиру.

— Что?! Апрель месяц, какие курортники?

— Курортные. На что прикажешь тебя кормить, писака?

— А кто тебя вообще просит меня кормить?

Михаил Александрович подскочил с кресла и принялся быстро ходить по комнате.

— Я у тебя ничего никогда не просил, ясно?

От расстройства и негодования голос его срывался на фальцет.

— Знаю, что не просил. Но, думаешь, мне приятно знать, что ты здесь на одном хлебе с майонезом живешь? Ты хоть несурьезный, а все ж сын мне! Единственный, между прочим.

Виолетта Андреевна опустила в кресло, отчего то беспомощно развело в стороны подлокотники.

— Мама, я к тебе больше не буду переезжать! Как ты не понимаешь, мое творчество страдает от этого. Если бы не твои постоянные «поехали на дачу», «сходи на рынок», «вытри пыль», я, может, уже давно роман бы написал.

— Ладно, Миша, не сердись. На этот раз я гораздо лучше все устроила. Тебе не придется ко мне переезжать.

Небогов остановился посреди комнаты и настороженно уставился на мать.

— За двести километров от Зеленоморска есть деревня. Приозерное называется. Так вот, там у тети Шуры знакомая живет.

— Нет! — Небогов замотал косматой головой. — Нет!

— Подожди ты, дослушай. У знакомой этой, ее Софья Валентиновна зовут, большое хозяйство, с которым она сама не справляется. Я подумала и решила...

— Решила, значит? — простонал Михаил Александрович. В голове снова появился гроб.

— Решила. Завтра же утром отправляйся туда на лето. Будешь Софье Валентиновне помогать и за это столоваться и жить у нее.

— Господи! Какое унижение!

Небогов воздел к потолку длинные худые руки.

— Брось причитать. Потрудишься немного, а там, гляди, и идею для романа найдешь.

— Да что ты? — Небогов скривил саркастическую гримасу. — В стогу сена найду? Или в навозе откопаю?

— Не паясничай. Все уже договорено. В восемь утра автобус.

— Послушайте меня, Виолетта Андреевна, никуда я отсюда не уеду. Это мое последнее слово!

Через три часа монотонного пути по шоссе изможденный автобус, следовавший по маршруту Зеленоморск — Приозерное, свернул на проселочную дорогу и затрясся, как от болезни Паркинсона.

Михаил Александрович выглянул в окно, и в его печальных глазах отразился серый пейзаж — маленькая деревня, обнятая подковой стального озера.

«Каждое лето Михаил Александрович был вынужден прерывать свой литературный труд, дабы отправиться в захолустную деревню вдалеке от дома и зарабатывать на кусок хлеба тяжелым физическим трудом». Именно так напишут о Небогове его будущие биографы. «Хозяйка фермы, Софья Валентиновна Халявка, ограниченная и жестокая пенсионерка, заставляла писателя выполнять самую грязную работу. Грошей, которые она платила, едва хватало на бумагу и... шариковые ручки».

Небогов поморщился. Как жаль, что нынче не пишут чернилами. «Шариковая ручка» звучит совсем не поэтично. Как-то по-собачьи.

На странице с описанием этого периода жизни Михаила Александровича обязательно будет фотография старого покосившегося домика и грязного двора, по которому ходит тощий и унылый домашний скот.

Дом с табличкой «Каменная 27» обманул скорбные ожидания Небогова и испортил драматический момент в трудах его будущих биографов. Двухэтажный особняк старой постройки,

но чрезвычайно ухоженный, приветливо глядел на Михаила Александровича множеством чистых окон с крестообразными рамами. За сетчатым металлическим забором виднелся просторный двор с выметенными бетонными дорожками и посаженными вдоль них круглоголовыми кустами.

— Михаил Александрович?

Небогов обернулся и увидел женщину лет тридцати. Круглое лицо в оправе темных курчавых волос, смешной вздернутый нос, такой же розовый, как и полные щеки. На плечи она накинула красный платок с пестрым узором, а из-под длинного коричневого плаща виднелись крепкие ноги в теплых красных колготках. Должно быть, женщина подбирала колготки под платок, но из-за того, что вещи эти имели разный оттенок, наряд вышел безвкусный, вычурный.

«Как с ярмарки», — отметил про себя Небогов.

— Да, я Михаил Александрович. Я ищу дом... — Небогов достал из кармана клочок бумаги, будто не помнил имени, и прочел медленно, — Софьи Валентиновны Халаявки.

— Это я и есть.

Женщина кротко улыбнулась, обнажив хорошие мелкие зубы. И с чего он решил, что его тираном в изгнании станет пенсионерка?

— Я ходила встречать вас к автобусу, но, видно, мы разминулись. Вы проходите в дом, чего мы тут стоим-то.

На просторной веранде Михаила Александровича ожидал завтрак, накрытый белым вышитым полотенцем.

— Устали с дороги? Откушайте, пожалуйста, — предложила круглолицая.

Пока Небогов «откушивал» пять пирожков с мясом, тарелку салата Оливье, две котлеты с сыром и полную кружку горячего какао, хозяйка безмолвно наблюдала за ним, сидя по другую сторону стола.

— И где вы меня поселите? — спросил, наконец, Михаил Александрович, дожидывая завтрак.

— Да где вам понравится! Места хватает, слава богу. Поначалу можете устроиться в зале наверху, оттуда озеро видеть, — она снова обнажила белые зубы и принялась накручивать на палец кончик платка.

— И что будет входить в мои обязанности?

Софья Валентиновна потупила темные глаза.

— Ну, не знаю. Что всегда.

— Интересно, — язвительно протянул Небогов и громко отхлебнул какао. — Откуда мне знать, если вы, человек, так сказать, с детства в этом опытный, сами не знаете.

— С чего это? Совсем я не опытная, — обиделась хозяйка.

— Вот-те раз! Ну ладно, — Небогов отодвинул в сторону пустую чашку. — Дело усложняется. Значит, мне придется самому все ваше хозяйство исследовать и решать, что с ним делать. А платить вы мне сколько собираетесь?

Глаза Софьи Валентиновны вдруг широко открылись и наполнились слезами. Она зашевелила губами, пытаясь что-то ответить, но не могла произнести ни слова.

И тогда Небогов все понял. Его левый глаз задергался от нервного напряжения.

— Мне сказали, что вам нужен работник. За скотом ходить, в огороде копать, — тихо пояснил он. — А выходит... выходит, меня к вам свататься подослали.

Гладкие, словно японский фарфор, щеки Софьи Валентиновны запылали от стыда и досады. Блестящая полоска над нижним веком собралась в крупную слезу и поползла по щеке.

— Срам-то какой, господи! — сказала она, встала и отошла к буфету, стараясь незаметно смахнуть слезу кончиком платка.

Небогов часто моргал. Он не знал, что сказать этой бедной женщине. Нужно было объясниться с ней прежде, чем садиться за стол. Теперь вкусное угощение, которое селянка явно готовила с особым старанием, усугубляло муки его совести, будто совесть эта находилась где-то в желудке. Окажись здесь сейчас Виолетта Андреевна, он, наверное, поколотил бы ее. Даром, что мать. И надо же было подстроить такое издевательство.

— Вы простите меня, пожалуйста. Я сейчас же пойду обратно на автобус.

— Автобуса не будет до завтрашнего утра.

Софья Валентиновна повернулась к Небогову. Она совладала с чувствами, и только небольшие розовые пятнышки на лице выдавали ее волнение.

— В полдень ушел последний рейс на Зеленоморск.

— Как неудобно. А можно здесь у кого-нибудь комнату снять до завтра?

— Да чего уж там, можете в зале заночевать на втором этаже. Опасаться вам нечего. Исследовать хозяйство никто принуждать не станет.

Небогов побледнел от стыда.

— Матушке вашей обещано, что с вами все благополучно будет. Правда, она говорила, что вы ждете не дождетесь, чтобы...

Она осеклась и махнула рукой.

— Ну и ладно. В общем, оставайтесь, а я управляться пошла. Прошу меня простить, — закончила она голосом холодным и тяжелым, как чугу́н, и вышла во двор.

В такой идиотской ситуации Небогов не оказывался еще никогда. Идея женить сына уже давно стала для Виолетты Андреевны навязчивой, но раньше она всегда предупреждала его о цели знакомства с очередной дочерью или племянницей подруги. Яростное сопротивление Небогова смотринам всегда ломалось с треском, как сухая ветка под тяжелым ботинком, и Михаил Александрович, побритый и умытый, отправлялся на первое и, как правило, единственное свидание.

Последней претенденткой на писательское сердце была Света из колбасного магазина — крашенная блондинка двадцати восьми лет с огромной грудью и узким задом. В кафе девушка упорно не заказывала ничего, кроме кофе, и вела себя довольно сконфуженно. Предложение отправиться домой к Небогову, однако, выдвинула сама. Дома из ее не совсем изящного ридикюля появились пара колец Краковской, добрых полкило отличного балыка и бутылка водки.

Не прошло и получаса, как девушка, весело опрокинув четыре полные рюмки, заявила:

— Ну что, Миша, я тебе свою колбаску выложила, теперь твоя очередь! Показывай свою!

Женщины у Михаила Александровича не было уже очень давно, со времен поэтического конвента. Но бесстыдная фамильярность колбасной фокусницы привела его в ярость.

— Простите! — заявил он. — Но продовольственный отдел нашего универмага сегодня закрыт!

После этого он выпроводил девушку, не вернув Краковскую и балык.

«Пусть это будет маленькой компенсацией за моральный

ущерб, причиненный нахалкой», — решил Небогов и снова остался холостяком.

Остаток дня Михаил Александрович провел в просторной комнате на втором этаже. Сперва он принялся читать роман молодого автора, на который его попросили написать рецензию, но воспаленные мысли никак не хотели складываться в авторитетное мнение. Тогда Небогов уселся у окна и стал уныло рассматривать живописный деревенский пейзаж. Темные, едва начинавшие зеленеть склоны убегали к озеру, в котором, будто на негативе, серели грозовые облака. Дальше начинался хвойный лес, казавшийся совсем черным из-за пасмурной погоды. Высокие сосны стояли плечом к плечу, будто оберегая что-то страшное, неведомое за своей спиной. Такие суровые и угрюмые места созданы для жестких и крепких, словно глыба, людей. И как только Виолетте Андреевне пришла идея женить его, Небогова, на русской глубинке? Его тонкая лирическая натура, помещавшаяся в хилом долговязом теле, шла этому месту не более, чем кавалерийское седло домашнему ослу.

Михаилу Александровичу вдруг представилось, что он сидит на веранде Софьиного дома, тускло освещенной керосиновой лампой. В доме было электричество, но оно подходило для грез еще меньше шариковой ручки. Низко склонив седую голову, он точит топор. Глаза его мутные, почти угасшие, как и керосинка на столе. Руки сплошь покрыты грубыми мозолями. Но самый большой мозоль — Софья — сидит на лавке под стенкой. Она выпростала из-под замасленного халата невероятно большую грудь и кормит ребенка, круглого и румяного, как мать. Вот кто окончательно поставит крест на карьере Небогова! Гений и отцовство — вещи несовместны. Софья мерно покачивается и поет колыбельную:

Лунные поляны.

Ночь, как день, светла-а.

Спи, моя Светлана.

Спи, как я спала...

Небогов выпустил из рук воображаемый топор, опустил голову на подоконник и погрузился в глубокий сон.

Когда Михаил Александрович проснулся, у самого его носа стоял глиняный горшок, полный пельменей с маслом и свежей

зеленью, и расписной чайник с горячим сладким чаем. Пряный густой запах яства наполнял всю комнату. Есть было, конечно, совестно, но бесконечно вкусно. Стряпня Виолетты Андреевны не шла ни в какое сравнение с блюдами Софьи Халавки. Потому пельмени Небогов поглотил с рвением новенького пылесоса.

От непривычки к плотному домашнему питанию писателя снова потянуло в сон, но нужно было поблагодарить хозяйку, и Небогов отправился вниз, прихватив опустошенный поднос.

На веранде горел яркий свет, и приятно пахло мылом. Софья Валентиновна стирала белье в большом алюминиевом тазу. Сейчас на ней было длинное трикотажное платье, черное, в редкий голубой цветок. Волосы она убрала со лба обручем, и они вились мелкими колечками до середины осанистой спины. Утром в пальто она показалась Небогову огромной и бесформенной. Теперь же тонкое приталенное платье обнаруживало приятную полноту и аккуратные линии.

— Добрый вечер. Пришел поблагодарить за угощение, — хрипло начал Небогов. Голос не слушался его, видимо, от непривычки к сытости.

— На здоровье, — ответила Софья Валентиновна, не глядя на постояльца и продолжая ловко перетирать белье в тазу.

Небогов поставил поднос на стол и осторожно присел на край табуретки. Нужно было начать разговор, ради вежливости, но кроме невесты откуда взявшегося «И какие теперь удои в Приозерном?» ничего не шло в голову. От напряжения ком подступил к горлу. Хотя, это мог быть последний проглоченный насильно пельмень.

— Над чем сейчас работаете?

Софья Валентиновна нарушила молчание первой.

— В каком смысле?

— Ну, вы ведь писатель?

— Писатель. Вроде как, — засмущался Небогов.

— Вроде как писатель, значит. Хорошая профессия, — пошутила Софья Валентиновна и бросила на Небогова быстрый лукавый взгляд. — И что вы сейчас вроде как пишете?

Небогов поерзал на стуле.

— Сейчас ничего не пишу. Застой. Последний сборник рассказов был не очень удачным.

— Почему это?

Софья Валентиновна оставила стирку, вытерла руки о фартук и тоже села за стол.

— По-моему, отличный сборник.

— Вы читали мои рассказы? — удивился Небогов.

— Читала. С большим удовольствием. Особенно мне понравился тот, в котором девушка отдала свою почку на пересадку, когда ее жених попал в автокатастрофу. В его машине еще была другая девушка, которую героиня не знала.

— Ах, вы имеете в виду рассказ «Верю»!

— Да-да, именно. Вы знаете, когда она поверила и спасла его, а в конце оказалось, что девушка — его сводная сестра, приехавшая на свадьбу, я даже всплакнула. Очень правильно вы показали. Если любишь — нужно верить несмотря ни на что.

Софья Валентиновна говорила с неожиданным воодушевлением. Темные глаза ее горели. Из дородной зрелой матроны она вмиг превратилась в романтическую девушку. Небогову очень польстили ее суждения и понравилась внезапная перемена.

— Вы знаете, все мои коллеги в один голос заявили, что это мой самый слабый рассказ, «сопли с сахаром». Я очень рад, что он вам понравился.

Софья Валентиновна нахмурилась.

— Вот я не понимаю, почему все, что о жизни, о доверии, так сразу сопли? Все, что просто и доступно, считается сейчас примитивным. Бывает, возьмешь какую-нибудь знаменитую современную книгу, а там — матери с сыновьями грешат, кровь рекою льется, а то и вовсе такая околесица, что от нее здоровый человек помутиться рассудком может. Нет, увольте меня. Я за сопли с сахаром.

В сердцах она громко вдохнула и замолчала, застеснявшись своего порыва откровенности.

— Софья Валентиновна, а как к вам моя книга попала?

— Так матушка ваша всем знакомым по экземпляру подарила. Она вами очень гордится. Говорит: «Миша мой — талант. Он еще всем покажет!»

В душе Михаила Александровича закипела радость. Мало того, что он услышал в свой адрес похвалу от простой мудрой женщины (при том, весьма недурной собой), но еще и узнал, что мать ценит его творчество. Он-то думал, что в кругу своих

знакомых она тоже называет его «писакой» и насмехается над его трудом. А, выходит, на самом деле, она им гордится.

Еще долго сидел Небогов на веранде и разговаривал со своей новой знакомой. Софья Валентиновна с неподдельным интересом слушала истории появления тех или иных рассказов, задавала вопросы, высказывала простые и емкие суждения.

Когда Небогов вернулся в отведенную ему комнату, было уже полночь. Набухавшее весь день небо разразилось яростной грозой. Дождь бил в окна, и от его хлестких капель стекла возмущенно гремели. Молнии то и дело освещали озеро, склоны и лес, которые, казалось, менялись при каждой вспышке.

В такую ночь едва ли удастся поспать. Да и не хочется совсем. Небогов уселся на высокую перину, которая мягко выпустила поток ароматного воздуха.

Никакой он не современный писатель, а русский мелкопоместный дворянин. Село Приозерное досталось ему в наследство от покойной матушки. Небогов представил Виолетту Андреевну на смертном одре, и на его глаза навернулись слезы. Вот уже несколько лет живет он холостяком в деревне и успешно ведет дела. Крестьяне его любят и уважают, так как Небогов — хоть и строгий, но справедливый барин. Вместе с ним в доме живет молодая экономка Софья Валентиновна — девушка скромная и рассудительная. Она чрезвычайно нравится Михаилу Александровичу и отвечает ему взаимностью. От мысли о взаимности в голове Небогова приятно помутнело. Он поднялся на нетвердые ноги, постоял с минуту и решился.

В спальне экономки, находившейся прямо напротив покоев Михаила Александровича, горел слабый свет. Он осторожно приоткрыл дверь. Софья Валентиновна сидела у старенького трельяжа. На ней была тонкая ситцевая сорочка, облегавшая большие красивые груди и расклешенная книзу. Колечки волос падали на спину, плечи и лицо.

— Что случилось? — недоуменно спросила она.

— Софья Валентиновна.

Голос снова не слушался Небогова, но уже не от сытости, а от страсти.

— Софья, я пришел осуществить первоначальную цель своего визита.

— В огороде покопать? — шутливо спросила она.

— Нет. Свататься.

С этими словами он решительно подошел к ней и стал целовать, блаженно вдыхая запах ландышей от ее пушистых волос.

Было в этой женщине что-то особенное. По натуре простая и прямая, как деревянная ложка, она умела быть неожиданно изысканной, словно дорогое столовое серебро. Бесформенная, с грубыми руками, она орудовала лопатой с силой и уверенностью непьющего деревенского мужика, но стоило Небогову проявить к ней нежность, как все ее черты смягчались, прикосновения становились нежными, а взгляд излучал ту особую чистую любовь, которую может дарить только женщина, не ждущая ничего взамен. Ее чувство было, как тихий высокогорный ручей. Свежее и прозрачное, оно выбивалось из недр души, чтобы напоить путника, не забросав при этом его одежду брызгами обид и требований, не оглушая громом упреков, как делают это иные водопады.

С неделю Михаил Александрович наслаждался своей новой жизнью. С его лица сошла обычная бледность, щеки зарумянились, как у малыша, едва оторвавшегося от груди. Но чем толще становились Небоговские бока, тем скорее возвращалась к нему обычная творческая тоска. Ненаписанный роман снова являлся в кошмарах...

Михаил Александрович заходил в книжный магазин, где на многочисленных полках стояла только одна книга — его книга. Он брал первый попавшийся экземпляр, открывал его и с ужасом обнаруживал, что все страницы пусты.

В другой раз он оказывался на судебном заседании в качестве ответчика, а истцом выступала некая Дарья Хромая, у которой имелись неопровержимые доказательства, что единственный роман Небогова написан ею. Добавляло Михаилу Александровичу позора еще и то, что Дарья была и в самом деле хромая и вообще кривоватая. За дверями судебного зала Небогова ждала толпа, разъяренная обидой, которую горе-писатель нанес несчастному инвалиду. Когда судья выносил смертный приговор, огромные дубовые двери открывались, и Михаил Александрович просыпался в поту.

Если бы одним утром с Небоговым не случилось необыкновенное, можно даже сказать магическое происшествие, история его могла бы окончиться очень печально.

Проснувшись, как всегда, довольно поздно, Михаил Александрович обнаружил на тумбочке возле кровати небольшую картонную коробочку, обвязанную атласной лентой. Под коробочкой лежала записка, в которой говорилось следующее:

«Михаил!

Чувствую, что тебе плохо, и не могу больше смотреть, как ты терзаешься. Вещь, которую ты найдешь в коробке, обязательно поможет тебе. Она заговоренная.

Уехала за саженцами в город. Вернусь после обеда с дедом Николаем».

Небогова не на шутку озадачили слова Софьи. Как-то раз она упомянула, что бабка ее была деревенской врачевательницей, но сама Соня казалась ему совершенно не склонной к мистицизму.

Он осторожно открыл коробку и обнаружил в ней деревянные четки. Крупные блестящие бусины были окрашены в темно-бордовый цвет. На некоторых красовался витиеватый черный узор, что придавало вещице еще больше загадочности.

Михаилу Александровичу понравился неожиданный подарок. Гладкие темные бусины было приятно перекачивать между пальцами и передвигать по крепкой черной нитке. Кроме того, Софья была женщиной серьезной. Она никогда ничего не говорила зря, а, значит, ее словам можно было доверять.

Что, если четки на самом деле заколдованные? Что, если Небогов повертит их в руках, и его озарит новая выдающаяся идея?

И он принялся вертеть. Позавтракал и вертел. Вымыл посуду и вертел. Потом устроился на старом кресле во дворе и продолжал перебирать бусины, глядя перед собою и размышляя, какой сюжет вдохновил бы его. Какой персонаж позволил бы не сомневаться в каждом написанном предложении, но шел свободной легкой походкой от завязки и до самого конца романа.

Мысли толкались и гудели, словно покупатели в очереди за дефицитным товаром, которого никак не хватит на всех. Бусины грелись в руках и становились мокрыми.

И чего это он вдруг ударился в суеверия? Ладно Сонька, глупая деревенская баба! Он-то хорош! Образованный здравомыслящий человек, и поверил в такую ерунду.

Небогов швырнул четки в сторону, досадуя на Софью Валентиновну, на мать, сославшую его сюда, на свои собственные мысли, которые, вместо полета, выстраивались в очередь за итальянскими сапогами, или черт знает чем.

Когда Софья Валентиновна вернулась из города, уже опустились сумерки. Окна ее дома темнели, словно вход в пещеру.
— Уехал! — выдохнула она чуть слышно.

Не нужно было дарить ему четки. Решил, что она сумасшедшая, и уехал. А ей было так хорошо все это время. Она уже успела привыкнуть к интересным беседам до поздней ночи, к его переменчивому настроению, ко взгляду, то печальному и холодному, то горящему воодушевлением и, как ей казалось, любовью.

Размечталась! Нужно было идти замуж за Ваську Карпа, да жить, как у Бога за пазухой. Даром, что глаза и мозги у него рыбы, а вся романтика уместается в бочонок с пивом. Зато зажиточный и работающий. И любит ее давно. Своей безмолвной рыбьей любовью.

В сердцах Софья Валентиновна стукнула ногой по входной двери так, что та распахнулась с грохотом.

— Не получилось, и шут с ним! — сказала она себе вслух.

— Получилось! — тихо ответил звенящий голос из темноты.

Софья подпрыгнула от неожиданности и включила свет.

Небогов сидел за столом. Волосы его были взъерошены, как у сорванца, которого поймали на горячем и от души потаскали за вихры. Глаза воспалены. В дрожащих руках Михаил Александрович держал простой карандаш с обгрызенным концом. Белые листы, исписанные мелким почерком, были беспорядочно разбросаны по столу. На одном из них, чистом, лежали четки.

— Я просто сразу не понял, что с ними делать, — продолжал он со странной улыбкой, глядя поверх Софьиной головы. — А потом понял: если их на каждый лист минут на пять класть, то все получается. За час написал план нового романа. Только что закончил первую главу.

Он потер красное лицо обеими руками.

— Я пойду ужин готовить, — сказала Софья Валентиновна звенящим от радости голосом. — А ты пиши, Миша, пиши, не останавливайся.

Останавливаться Небогов и не собирался. День за днем он вставал рано утром, устраивался во дворе с термосом какао и миской пирожков, бережно доставал из коробочки четки и клал их на толстую стопку белой бумаги. Каждый лист, побывавший под необычным пресс-папье, вскоре превращался в следующую страницу рукописи. Персонажи ходили вокруг Небогова по свежей весенней траве, осязаемые, настоящие, живые, шептали ему на ухо свои мысли, садились напротив, чтобы поведать о своих горестях и радостях. Михаил Александрович, слушая их, смеялся, плакал и запивал переживания горячим сладким какао.

К приходу лета роман был почти окончен. Оставалось лишь написать развязку. Прodelанный труд вышел большим, сложным и искусным, как персидский ковер ручной работы. Дело было за малым — сделать окантовку, чтобы волшебный узор не распустился.

Именно в это время в Приозерное приехал погостить друг Михаила Александровича — Константин Овсянников. Это был невысокий сутулый человек с темно-русыми волосами и идеально круглой лысиной, которую близорукий скорее принял бы за еврейскую шапочку. Его лицо с редкими невидимыми ресницами и бровями всегда имело постное выражение, будто радости в жизни этого человека тоже случались редко и проходили почти незамеченными. Возможно, объяснялось это тем, что Овсянников был слишком умен, чтобы радоваться всяким глупостям. Писал ли он критические очерки, пил водку или щупал грудь любовницы — выражение его лица никогда не менялось.

Небогов, однако, очень ценил дружбу Константина Овсянникова. Потому Софья Валентиновна устроила критику царский прием. В день его приезда были приготовлены самые лучшие угощения, натоплена баня. У соседа, деда Николая, позаимствовали рыболовные снасти и два велосипеда.

Три дня Овсянников снисходительно терпел все прелести отдыха в русской глубинке, когда Михаил Александрович отважился показать ему свою рукопись.

— Ты пишешь роман?

Константин очень удивился. Он непременно поднял бы брови, если бы не имел настолько неподвижное лицо.

— Дописываю, Костик! Остались последние штрихи.

В ожидании мнения друга, которое должно было созреть к утру следующего дня, Небогов обгрыз все ногти, выпил сам бутылку водки и даже перекопал сотку огорода.

Ночью ему снился кошмар. Видел он, будто Овсянников ловит рыбу в местном озере. Улов каким-то загадочным образом сразу становится копченым. Со злорадной улыбкой Константин заворачивает каждую рыбешку в отдельную страницу Небоговской рукописи. Буквы мгновенно расплываются от влаги, бумага желтеет и расплзается. А у Овсянникова все клюет и клюет без перерыва.

Михаил Александрович проснулся в ужасе. Он был готов броситься наверх и отобрать рукопись у друга. Но, почувствовав тонкий аромат от пушистых Софьиных волос, успокоился и снова уснул.

Ранним утром Небогов нашел критика в кресле под черешней. Константин был чрезвычайно бледен, глаза воспалились от долгого чтения.

— Что я тебе скажу, Миша, — начал он, делая большие значительные паузы. — Это просто невероятно. Ты знаешь, я всегда ценил тебя, как автора, но такого я даже не мог ожидать. Эта вещь принесет тебе большую известность. Я не сомневаюсь, что так будет.

Критик бережно протянул рукопись Небогову.

— В творчестве ты изменился до неузнаваемости. В чем секрет? Любовь?

— Любовь — да. Но есть еще кое-что.

Поначалу Небогов не собирался никому рассказывать о четках. Овсянников был убежденным атеистом и прагматиком. Узнай он о магической вещице, вдохновившей Небогова, — обязательно рассмеется. Чего доброго, еще расскажет об этом в городе, и Михаил Александрович превратится во всеобщее посмешище.

Но теплые слова вызвали в душе автора бурю нежных чувств. В порыве благодарности за похвалу Небогов выудил из кармана свою коробочку и протянул Овсянникову.

— Что это?

— Это то, без чего не было бы этого романа. Посмотри!

Овсянников открыл коробочку и двумя пальцами достал четки, глядя на них, как на козявку, которую только что достал из носа, с интересом и легким отвращением.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

И тогда Михаил Александрович принялся вздох рассказывать историю своего сокровища. Овсянников слушал, презрительно поджав губы и не глядя на собеседника.

— Ты мне не веришь? — спросил, наконец, Небогов.

— Миш, да ты в своем уме? Ерунду такую городишь. Вот уж чего я в людях не люблю, так это склонность к подобного рода предрассудкам.

Небогов не стал переубеждать критика. Смутившись, он положил коробочку обратно и сменил тему разговора.

Следующим утром, проводив Овсянникова в город, Михаил Александрович снова устроился в любимом кресле. Радуюсь тому, что можно опять приступить к работе, он достал коробку, открыл ее и обомлел от ужаса: вместо любимых четок на дне лежало несколько речных камешков, наспех завернутых в карамельные фантики.

— Соня! Соня! — застонал Небогов, сраженный предательством и потерей источника писательской силы.

В этот день Небогов не написал ни слова. Ничего не смог он изобрести и в последующие две недели. Белые листы слепили его, пугали. Персонажи забились в самые темные углы Софьиной усадьбы и больше не показывались.

— Мишенька, я сделаю тебе новые, точно такие же, — уговаривала Софья Валентиновна.

— Не надо мне новые! — отвечал Михаил Александрович из-под одеяла. — С другими у меня ничего не получится.

— Еще лучше получится. Я на них прочту заклинание посильнее.

— Не хочу новые! — упорствовал писатель и отворачивался к стене, натянув одеяло по самую макушку.

В конце второй недели, когда Софья Валентиновна уже собиралась вызвать врача, Небогов встал с постели решительно, злобно сверкая глазами и ожесточенно почесывая густую щетину.

— Я иду на почту звонить Овсянникову!

— Побрейся хоть, — посоветовала Софья Валентиновна, но Небогов послал в ответ такой взгляд, каким смотрит муж на жену, потратившую всю получку на флакончик французских духов.

В крошечном почтовом отделении было пусто и тихо. Худенькая девушка с большими веснушками и доверчивыми светло-серыми глазами охотно протянула Небогову дисковый

телефонный аппарат, облокотилась на стойку и стала жадно ждать, кому же он станет звонить.

— Овсянников слушает, — прозвучал в трубке пресный голос.

— Константин, это я, Михаил.

Небогову хотелось сразу же сказать какую-нибудь едкую гадость, обозвать критика, но девушка продолжала разглядывать его и слушать разговор.

— А, Миша! — воскликнул Овсянников беззаботно, будто он своими мерзкими лапками не лишил Михаила Александровича возможности стать великим русским классиком.

— Как поживаешь, дружище? Как Софья?

— Я как раз звоню спросить, как ты поживаешь? — прошипел Небогов. — Как тебе пишется, Костик?

— Ах, ты об этом? Должен признать, жестоко ты надо мною подшутил. Нельзя людям тщетные надежды давать.

— Ты о чем вообще толкуешь? Я тебе ничего не давал! Ты сам эти надежды упер!

Михаил Александрович повысил голос и добавил:

— Писака!

— Да ладно тебе! Было бы, чего злиться. Кому нужна твоя деревяшка? Толку от нее никакого. Я ее, разве что, к заднице не прикладывал. Наплел мне небылиц. А я за это время ни слова не написал.

В голосе Овсянникова явно звучал упрек. Экая наглость!

— А ты себе другие сделай. Из собачьего помета. Навозник!

Небогов швырнул трубку, и девушка подпрыгнула от неожиданности. Немного постояв молча, Михаил Александрович попросил:

— Дайте-ка мне вон те конфеты и бутылку красного вина.

До самого обеда Софья Валентиновна не решалась спрашивать Небогова о состоявшемся разговоре. Только когда они выпили по бокалу вина, он сам спросил ее:

— Что, Сонюшка, выходит, не было никакой магии? Эффект Плацебо?

— Была магия, Миша, — сказала Софья, глядя на него с теплотой. — Магия твоего таланта. И не нужно тебе никаких заклинаний.

— А где ты четки-то эти взяла?

— Дед Николай из города жене привез. Думал, браслет. Она его обругала и в мусорку. Там я их и заметила.

Небогов громко расхохотался. Вечером он заснул крепко и спокойно, как не спал уже давно.

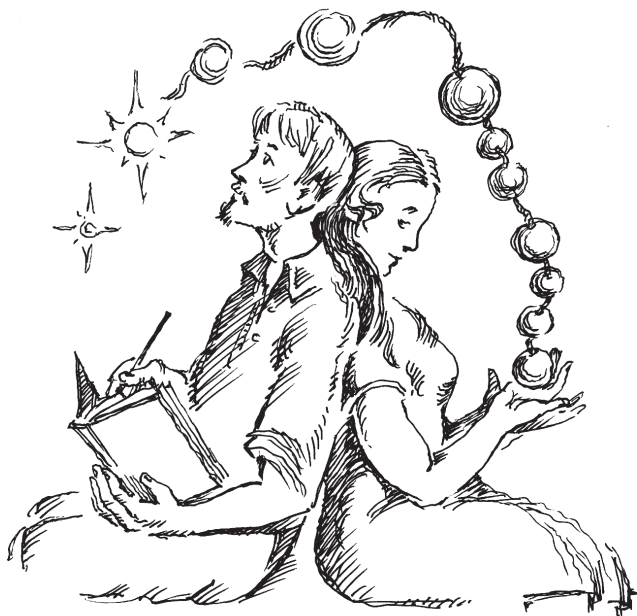
В огромном типографском цехе пахло краской и свежей бумагой. Множество людей в синей спецодежде сновали вокруг станков. Высокая сухая женщина поглядела на Небогова через очки в золотой оправе.

— Ну что, запускаем?

— Запускаем!

— Запускаем! — скомандовала женщина работнику, стоявшему у большого экрана.

Михаил Александрович сунул руку в карман и легонько ущипнул себя за бедро. Нет. Это был не сон. И не далекие красивые мечты. Всего лишь обычная магия.

Об авторе

Нина Юрьевна Абакумцева (творческий псевдоним — Нина Шевчук) — филолог, писатель, мама.

Автор юмористических, лирических и мистических рассказов, лауреат международного литературного фестиваля «Шорох», лауреат литературной премии «Молодой Петербург».

Работы автора публиковались в различных печатных и сетевых изданиях России и зарубежья.

Осенью 2014 года вышла первая книга Нины Шевчук — «Аутизм в нокаут» — руководство для родителей особенных детей, научно-популярное издание, повествующее о методах реабилитации детей с аутизмом, испробованных на собственном опыте.

В книгу «По дороге с облаками» вошли избранные юмористические и лирические рассказы. С другими работами автора можно познакомиться на сайте www.ninashevchuk.ru.

«Спасибы»

Спасибо моему мужу, Дмитрию Шевчуку. Без его веры в мое творчество и неизменного «твоя-рассказы-лучше-чем-котлетки» за всю свою жизнь я не написала бы ничего, значительнее списка покупок.

Спасибо моей маме, Марине Абакумцевой, за огромную орфографическую, пунктуационную, моральную и материальную поддержку.

Спасибо моей бабушке, Алле Фридман, за значительный финансовый вклад во все мои творческие начинания.

Спасибо моему художнику, Александру Российцеву. Персонажи, оживленные этим гениальным человеком, обнаружили качества, о которых не подозревал сам автор.

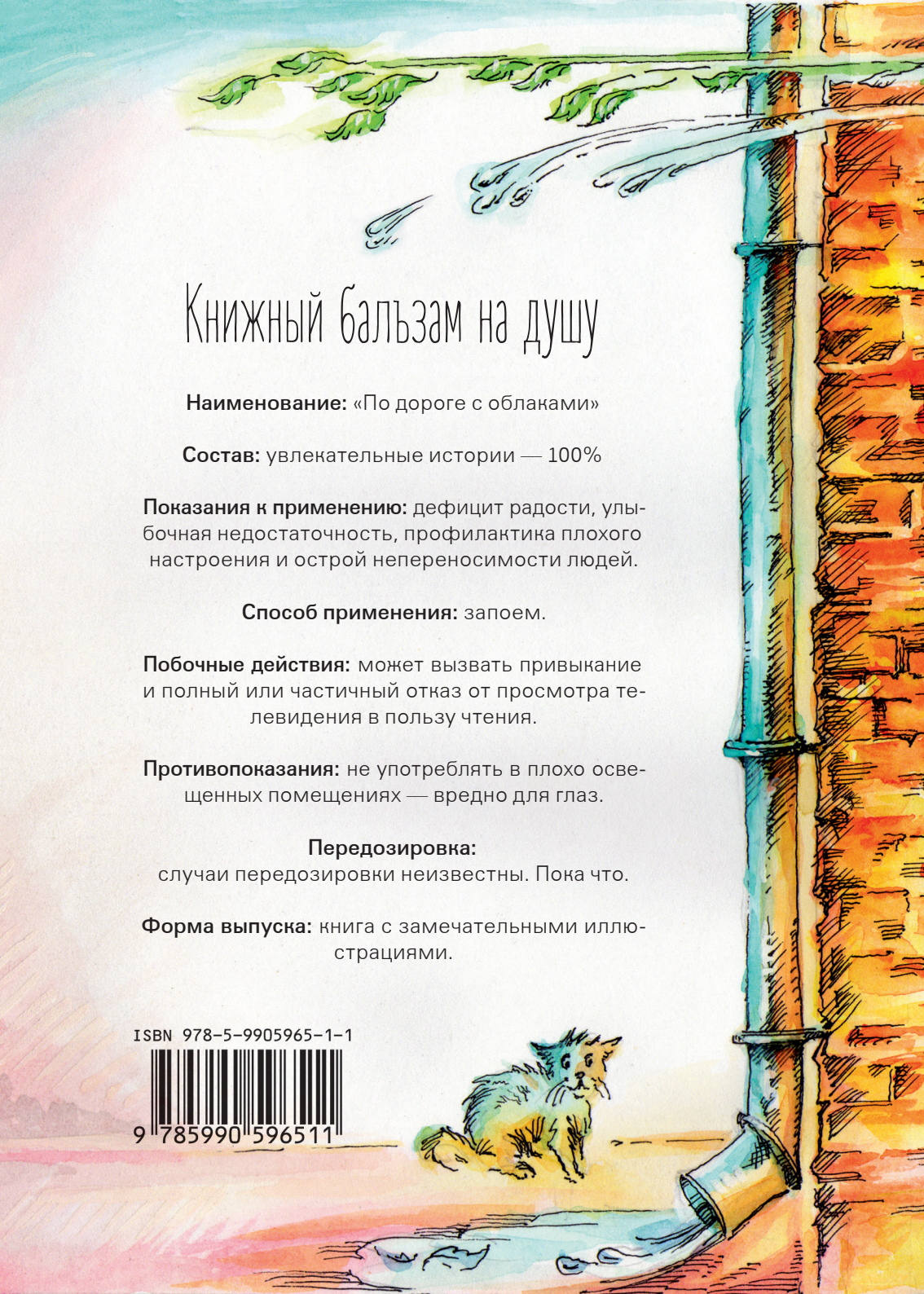
Спасибо моей верстальщице, Ирине Ульевой. Не могу представить, сколько частиц в моих текстах, но знаю точно, что на каждой странице этой книги есть частица души Ирины.

Спасибо моим друзьям: Марине Матвеевой, Галине Скворцовой и ребятам из литературного клуба «Хорошо». Благодаря этим людям я узнала, как это чудесно, когда твои работы ценят и ждут не только у семейного очага.

Спасибо Судьбе за то, что я могу назвать словом «мои» столько замечательных людей.

Содержание:

Преступление без наказания	3
Иван да Марья	6
Персональный рай Виталия Заикина	12
Стеклянный мир	30
Беременная	33
Женькина мансарда	38
Будни проститутки	50
Система естественной коррекции сна	69
По дороге с облаками	79
Вот только ухо	98
Одноклассники	104
Патент	120
О жизни, смерти и фотографии	133
Чужой труд	144
Четки	150
Об авторе	169
«Спасибы»	170

Книжный бальзам на душу

Наименование: «По дороге с облаками»

Состав: увлекательные истории — 100%

Показания к применению: дефицит радости, улыбочная недостаточность, профилактика плохого настроения и острой непереносимости людей.

Способ применения: запоем.

Побочные действия: может вызвать привыкание и полный или частичный отказ от просмотра телевидения в пользу чтения.

Противопоказания: не употреблять в плохо освещенных помещениях — вредно для глаз.

Передозировка:
случаи передозировки неизвестны. Пока что.

Форма выпуска: книга с замечательными иллюстрациями.

ISBN 978-5-9905965-1-1

9 785990 596511